

Летопись
революции

1926
январь - февраль

ИСПАРТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ КП(б)У
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УКРАИНЕ

№ 1 (16)

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1926

Первая типография Госиздата Украины
имени Г. И. Петровского
Харьков

Содержание

Отдел I. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

	СТР.
1. И. Жуковский (Мирон Трубный) — Подготовка Октября в Ека- теринославе	7
2. М. Рубач — До історії української революції (замітки і документи) .	41
3. В. Затонский — Кілька зауважень до статті т. Рубача	85
4. Чижов и Семенов — Октябрьский период на Звенигородщине . . .	90
5. Ф. Покотило — Расстрел первого Бердянского и Ногайского Советов	97
6. Косенко — Этап Харьков — Бахмут	103
7. У истоков Красной армии (воспоминания)	129

Отдел II. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

8. X. Миронер — Из истории революционного движения в Балте (1903 — 1905 г.г.)	155
9. Е. Гацкевич — Из деятельности РСДРП на Волыни (1905 — 1906 г.г.)	169
10. Н. Карпенко (Жорж) — Из истории Александровской организации (1900 — 1905 г.г.)	178

Отдел III. БИБЛИОГРАФИЯ

1. С. Розен — П. Христюк «1905 г. на Украине»	193
2. М. И. — Сборник Артемовского Истпарта «Материалы по истории рево- люционных событий 1905 г. в Артемовском округе».	199
3. „ — Сборник Конотоп. Истпарта «1905 год на Конотопщине» . .	201
4. А. О. — Хрестоматия «Гражданская война в России». Сост. Пионтковский	202
5. „ — Сборник Николаевск. Истпарта «1905 год на Николаевщине» .	204
6. „ — Сборник материалов «Разложение армии в 1917 г.»	205
7. „ Е. Гендлин — «Записки рядового революционера»	208
8. С. Ш. — О. Пятницкий — «Записки большевика»	209
9. „ — С. Цедербаум и К. Захарова — Из эпохи «Искры»	210
10. Т. Х. — С. Анисимов — «Горловское восстание».	211

Отдел IV. ХРОНИКА

	СТР.
1. С. Шрейбер — Истпартработа на Правобережьи (впечатления) . . .	215
2. Е. А. — Вокруг работы Истпарта.	221
3. Г. Слободской — О работе музея революции УССР (из отчета) . .	226

Приложение: Указатель имен, помещенных в «Летописи Революции» за
1922 — 1925 г.г.

ОТДЕЛ I

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

И. ЖУКОВСКИЙ (МИРОН ТРУБНЫЙ)

Подготовка Октября в Екатеринославе

НАКАНУНЕ

К концу 1916 года в Екатеринославе существовало несколько подпольных кружков. Они были разбросаны главным образом в рабочих районах по заводам бывш. Ганке, на Н.-Днепровске, жел. - дор. мастерских, Брянском и проч. Имелись не только партийные кружки, но и кружки революционных рабочих, иногда организовывавшиеся просто для изучения отдельных вопросов общественного характера, в связи со сложной политической обстановкой того времени. Один такой кружок при заводе Ганке руководился неким беспартийным Левшиным¹⁾. В этом кружке принимали близкое участие и некоторые партийцы: В. Головки, я, а также значительно содействовал этому кружку товарищ О. Яковенко (сейчас в Киеве).

Кружки занимались главным образом антимилитаристской пропагандой, почему пользовались огромной популярностью среди рабочих. Иногда против воли своих руководителей, не состоявших членами партии, они превращались в орудие нашей партии; так, например, тот же кружок Левшина на заводе Ганке выпускал свой рукописный журнал, который целиком заполнялся материалами, предоставленными большевиками, а повседневную свою работу вел исключительно по нашим заданиям.

Такое положение объяснялось, главным образом, тем, что к концу 16 года в связи с войной и постоянно ухудшавшимся положением рабочих тяга среди рабочих масс к организации приняла очень большие размеры. При отсутствии какой бы то ни было легальной организации рабочие, естественно, тянулись в подполье и простейшей формой организации был кружок. В нашу задачу входило охватить своим влиянием и руководством организовавшихся таким образом рабочих.

К сожалению, объединить эти кружки, связать их, дать постоянное правильное руководство не представлялось возможным, вследствие отсутствия к этому времени достаточно крепкого партийного центра. Существовавший ко времени декабрьской конференции комитет арестами был дезорганизован, а оставшиеся одиночки комитетчики - большевики не смогли справиться с сложной работой при неимоверно тяжелых полицейских условиях.

¹⁾ По имеющимся в нашем распоряжении непроверенным данным Л. оказался ренегатом Уехав из Екатеринослава в февральские дни на Урал, он там стал членом н-эсов, в рядах которых он активно боролся против нас. — И. Ж.

Характерным для этого времени является следующее обстоятельство: желая все же охватить всю работу кружков, группа большевиков вела переговоры с П. Орловым, С. Шимшелевичем (Самуил) и М. Бердичевским (меньшевики-циммервальдисты, оказавшиеся впоследствии на деле злостными оборонцами) об объединении. Эти переговоры, которые велись при моем участии, имели целью:

а) объединение всех антимилитаристских сил в целях продвижения в массы циммервальдовских идей, в связи с ростом недовольства рабочих войной;

б) образование единого центра на платформе Циммервальда и использование его в целях усиления нашего влияния на массы;

в) толкнуть меньшевиков-циммервальдистов на активную борьбу с оборонцами, которые весьма основательно укрепились на всех заводах и в своей борьбе с антимилитаристскими элементами доходили до открытых угроз предательством. Так, например, И. И. Фирсов в помещении больничной кассы завода Ганке, споря с Головкой и со мной, публично, в присутствии многих рабочих заявил, что лучше предать большевиков полиции, чем допустить их пропаганду среди рабочих.

Меньшевики охотно шли на переговоры, принимая целиком наши предложения, но выдвигали требование организации единого комитета РСДРП, от создания которого мы отказались.

Эти переговоры были прерваны арестами в ночь под 2 февраля. Ряд работников «сели», в том числе Головка и Шимшелевич, остальным, в частности и нишущему эти строки, пришлось на время уйти из сферы наблюдения жандармов.

Но аресты, превратившие наши переговоры с меньшевиками, не могли прекратить тяги рабочих в революционное подполье.

Постоянное, вздорожание на рынке предметов первой необходимости, затруднения финансового характера, сказывавшиеся в систематической задержке выплаты рабочим заработной платы, задержка в выплате пособий рабочим из больничных касс вследствие невзноса сумм, причитающихся с заводоуправлений, вызывали целые бури протеста со стороны рабочих, доходивших до полного прекращения работ в отдельных предприятиях (Трубные заводы «а», «б») и угрожавших общей стачкой.

Меньшевики в больничных кассах проявляли с каждым днем все большую растерянность.

В единственном союзе приказчиков, сохранившемся в Екатеринбурге, несмотря на протест правления, с каждым днем все больше и больше собиралось народу, приходившего узнавать «новости». Это паломничество в союз усилилось особенно к концу февраля, когда стали поступать первые сведения из Питера. Конечно, эти сведения тут же комментировались, передавались рабочим на заводы. Для информирования рабочих также широко использовались больничные кассы, что приводило в ужас их секретарей-меньшевиков: Е. Гуревича — Трубного завода и Боголюбову¹⁾ — Брянского завода.

¹⁾ С легкой руки т. В. Аверина З. Боголюбова получила среди екатеринбургских рабочих кличку «богородицы».

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

О февральских событиях в Питере в Екатеринославе стало известно лишь 2 марта. С раннего утра по городу стали продаваться номера «Русского Слова» с описанием революционных событий в Питере. События были настолько грандиозны, что ошеломили даже самых подготовленных товарищей.

С раннего утра к Трубной больничной кассе стали стекаться рабочие. Приходили не только с Чечелевки, Кайдак и фабрики, но также с Амура и Нижне-Днепровска.

Члены правления больничной кассы Родичкин, Гвоздаков вместе с секретарем Гуревичем внезапно исчезли, предоставив разговоры с прибывавшими рабочими сотрудникам кассы.

Лишь к 12-ти часам дня по категорическому требованию ряда работников было решено немедленно собраться в Брянской больничной кассе для обсуждения создавшегося положения.

Так как большинство активных работников и рабочих было на месте, то сборы не были продолжительными.

Собрание открылось около часу дня Е. Гуревичем. Был избран президиум в составе председателя — т. Захарова и секретаря — З. Боголюбовой. Однако, вследствие того, что тов. Захаров не умел руководить собранием, он очень скоро был заменен П. Орловым (впоследствии избранным председателем Совета Рабочих Депутатов).

Открытие собрания сопровождалось следующим характерным курьезом: З. Боголюбова внесла внеочередное предложение о том, чтобы:

а) сообщить губернатору, что в больничной кассе собрались работники страховых касс для решения ряда вопросов, вытекающих из их деятельности, и что ввиду срочности не было возможности получить предварительное разрешение его превосходительства;

б) послать делегацию к городскому голове Способному (известному далеко за пределами Екатеринославской губерний черносотенцу) с просьбой взять на себя защиту собрания перед его превосходительством губернатором Чернявским в случае возможных осложнений.

Несмотря на защиту этого предложения Е. Гуревичем, оно было после некоторого обсуждения подавляющим большинством присутствовавших отвергнуто, и собрание приступило к заслушанию доклада П. Орлова о текущем моменте.

Сейчас пишущему эти строки трудно вспомнить основные моменты этого доклада. Это объясняется тем, что выступления Орлова, несмотря на то, что он был весьма развитым рабочим, принимавшим активное участие в революционном движении в рядах РСДРП, отличались большой путаницей, что признано не только большевиками, но и его ближайшими единомышленниками. Он считал необходимым в своем докладе «разбить на голову» Ленина и одновременно весьма резко дискуссировал со своими друзьями, так что в результате у него получился не доклад, а «каша».

После доклада Орлова выступали Вейнгер, Лейканд и Боголюбова. В общем, выступления всех меньшевиков всех толков, как это и полагалось, сводились исключительно к оправданию происходящих в Питере выступлений, но они всячески и упорно избегали что-либо сказать о том, что же собственно должны делать екатеринославские рабочие, каковы их задачи на сегодняшний день, как использовать растерянность среди врагов и закрепить представившиеся возможности для поддержки питерского выступления. Об этом никто ничего не сказал, между тем как именно этими вопросами более всего интересовались собравшиеся.

Наши выступления (А. Новикова, Захарова и мое), настаивавшие на немедленном обращении к рабочим с призывом приступить к организации совета, под развернутыми лозунгами — «борьба за мир», «восьмичасовой рабочий день», «демократическая республика» — вызвали бурю негодований со стороны Лейканда, Боголюбовой и других. Собрание продолжалось до самого вечера.

К вечеру стало известно, что одновременно с «инициативой» Государственной Думы питерские рабочие проявили и свою инициативу, в результате чего организовался Совет Рабочих Депутатов.

Среди меньшевиков растерянность усилилась и дошла до полного замешательства.

Из создавшегося положения собрание вывел пришедший вечером присяжный поверенный Леопольд Лифшиц¹⁾, который получил почему-то вне очереди слово. Начал он свою речь тем, что дал справку о своей принадлежности в прошлом к 1-му Екатеринославскому Комитету большевиков. В дальнейшей своей речи он сообщил, что располагает точно проверенными данными об отречении от престола Николая II, и заявил, что он считает, что этим все сделано, и сейчас задачей каждого честного гражданина является предупреждение возможности развития анархии, а поэтому он предлагает немедленно обратиться к рабочим с единственным лозунгом:

«Спокойствие, спокойствие, спокойствие».

Хотя это по существу чисто кадетское выступление с очевидной примесью провокации вызвало наши горячие протесты, а также протесты части меньшевиков, все же оно дало собранию некоторую практическую платформу.

Меньшевики облегченно вздохнули. В результате совещания соглашение было достигнуто на следующей основе: собрание выступает перед рабочими с призывом об организации Совета под лозунгом Лифшица о троекратном спокойствии с запрещением каких бы то ни было выступлений.

Тут же оказалась написанная Лейкандом и Боголюбовой листовка в духе принятого решения.

Мои и тов. А. Новикова выступления с требованием организовать Совет и выдвинуть лозунги: «восьмичасовой рабочий день», «Учредительное Собрание», «Демократическая Республика», «долой войну» — подавляющим большинством были

¹⁾ Л. Лифшиц (Фабричный), впоследствии не вошедший официально к меньшевикам и продолжавший называть себя большевиком, весьма активно выступал против нас, в частности в период его работы в Городской Думе и во время кампании по пере выборам.

провалены, при чем в азарте меньшевики провалили также и лозунг «социального страхования».

Закончив с листовкой, родившейся в столь тяжелых муках, после небольшого совещания по-фракционно собрание приступило к созданию временного рабочего комитета по организации Совета.

Комитет был составлен в числе 15 человек. В него вошли: Орлов, Шалыхин (с.-р.), Родичкин, Гвоздаков, Вернег, Захаров и друг. Наша группа хотя и выступала активно, но как фракция не оформилась и на введении своего представителя не настаивала. Случайным голосованием прошел в комитет т. Захаров.

На этом закончился первый день революции в Екатеринославе.

С большими трудностями столбовались между собой меньшевики и эсеры. Намечая общую платформу, они очевидно не подозревали, что этим закладывают основание для дальнейших совместных выступлений против стремлений пролетарских масс к развитию революции.

В течение всего дня рабочие Екатеринослава были предоставлены сами себе. Работа на предприятиях не клеилась... Не только в Кайдаках, Чечелевке, Н.-Днепровске, но и в городе рабочие собирались кучками и вели самые фантастические разговоры. Городовые все еще оставались на постах, но безучастно относились к «скоплению народа».

«Филеров» уже не было даже у больничных касс.

На следующий день утром освободили политических заключенных. Были освобождены И. И. Фирсов и целый ряд других меньшевиков. Только С. И. Гопнер не была освобождена.

С самого утра по заводам началось митингование. Рабочие собирались по цехам. Летучие митинги становились все многочисленнее. К обеду появилась листовка, накануне принятая собранием. Эта листовка дала неожиданный результат, противоположный желаниям ее авторов. Митинги по цехам все более определенно и настойчиво обсуждали вопросы войны и мира. Эти вопросы стали центральными.

На некоторых из таких митингов выбирались депутаты в горсовет.

Около двух часов дня в Трубную больничную кассу явился гражданин Осипов (эсер), который настойчиво добивался свидания с членами рабочего комитета. Он явился как представитель земского общественного комитета, организовавшегося из работников земской управы для переговоров о создании Комитета Общественной Безопасности.

После непродолжительного разговора с Осиповым президиум комитета вопрос перенес на обсуждение пленума, который постановил всем «миром» отправиться на совместное с общественными деятелями заседание.

Движение на улицах все усиливалось. В обсуждение питерских событий, происходившее в рабочих районах, втянулось и городское мещанство. Улицы города были запружены группами читающих газеты и комментировавших их вслух. Кое-где мелькала солдатская шинель.

К вечеру стало известно об отречении Михаила Александровича. Почти одновременно с получением последнего известия исчезли городовые, безмолвно наблюдавшие в течение двух суток необычное движение народа.

Вечером еще задолго до назначенного времени к ярко освещенному зданию земского собрания стала стекаться разношерстная публика, стремившаяся побывать на «историческом» заседании.

Когда нас пустили в зал, то вся приглашенная знать уже сидела на своих местах. Здесь был председатель земской управы фон-Гесберг в парадной черной паре, представители комитета служащих управы во главе с Осиповым, делегация фабрикантов и заводчиков во главе с директором завода Ганке Белецким, представители еврейской «общественности», такие же жирные, лоснящиеся буржуа, вполне импонировавшие собранию, ряд врачей, юристов, гласных Городской Думы и проч. Городского головы Способного, у которого накануне Боголюбова пыталась искать «защиты» «незаконного собрания» в больничной кассе, не было. Очевидно, считая собрание общественных деятелей собранием революционным, он побоялся себя скомпрометировать.

Когда в зал вошла рабочая группа во главе с т. П. Орловым, фон-Гесберг, справившись у Орлова, нет ли у него возражений против открытия собрания и получив положительный ответ, начал заседание краткой информацией об известных уже всем событиях. Свою информацию Гесберг закончил указанием, что при создавшемся положении всякий преданный родине гражданин (это было особо подчеркнуто) обязан помочь «образованию форм поддержания порядка»...

После небольшого обмена мнений, под давлением рабочей группы, собрание решило создать Общественный Комитет с участием рабочих и передать ему всю полноту власти в губернии. В момент формулирования председателем достигнутого соглашения с последних скамеек раздался голос: «Здесь не, представлены те, кто больше всех страдал от царизма, те, кто больше всех имеет право в данный момент на требование гарантии своей безопасности — здесь не представлены массы еврейских рабочих. Я прошу слово для заявления. В то же время прошу рабочую группу настоять на удовлетворении моей справедливой просьбы»...

Гесберг растерялся. «Общественные» деятели, без различия национальностей уткнули головы в газеты.

— Кто вы такой? — раздалась возгласы из рабочей группы.

— Представитель организации еврейских рабочих социал-демократического союза «Бунд», — последовал ответ.

Фон-Гесберг колебался, но по настоянию рабочей группы предоставил слово бундовцу.

При всеобщем внимании с места поднялась весьма внушительных размеров фигура (Фушман). В течение десяти минут он говорил о положении еврейских рабочих. Основным моментом в речи Фушмана было требование принятия срочных мер к предупреждению готовящегося погрома, о котором весьма усиленно говорят по всему городу.

Во время речи Фушмана за столом президиума происходило тайное совещание. То один, то другой член президиума, в том числе и сам Гесберг, удалялись в соседнюю комнату, откуда возвращались несколько смущенными.

Наконец, Гесберг, решительно поднявшись с места, прервал речь Фушмана и сообщил собранию, что «его превосходительство г. губернатор Чернявский выразил желание лично прибыть на совещание и уже отбыл из квартиры в экипаже».

На лицах присутствующих — недоумение и смущение.

При общем замешательстве через 2 — 3 минуты в дверях залы заседания появился сам губернатор, лохотный, пухленький, гладко выбритый, в генеральских погонах старичок с французской бородкой, в мундире, но без оружия. Он с приветливой улыбкой кивнул головой, вошел в зал, оглянул собрание и занял место в президиуме рядом с Гесбергом.

Заметив общее замешательство Чернявский предложил не стесняясь продолжать.

Никто не просил слова.

Выход из положения нашел Гесберг, который взял на себя задачу от имени собравшихся «информировать их превосходительство о принятых решениях».

В краткой речи он сообщил, что в ознаменование исторической важности событий последних дней и в целях создания более (?) демократических форм управления губернией, общественные деятели постановили просить его превосходительство о создании Комитета Общественных Деятелей с участием представителей разрешенных рабочих организаций при их превосходительстве.

Такое толкование решения собрания вызвало категорический протест со стороны рабочей группы, потребовавшей точной формулировки ранее принятого решения.

Когда прижатый к стенке Гесберг, путаясь, принужден был все же огласить решение о переходе всей полноты власти к Комитету Общественных Деятелей, Чернявский, разводя руками, заявил:

— Значит, мне не доверяют... Я, кажется, своей честной службой на пользу родины и человечества не заслужил недоверия...

Буржуазная часть собрания засуетилась. Очевидно, постановка вопроса о доверии Чернявскому была для них неожиданной. Рабочая группа решила принять бой. Между губернатором Чернявским и представителями рабочей группы произошел, приблизительно, следующий диалог:

Чернявский (обращаясь к рабочей группе).— Вы то, господа, доверяете мне или нет?

Орлов.— Вам, как гражданину Чернявскому — доверяем, как губернатору — нет.

Чернявский.— Это мнение ваше или всех ваших коллег?

Орлов.— Мнение это мое, но думаю, что его и остальные товарищи мои разделяют.

Чернявский.— А вот вы, господин Шаляхин, вы неоднократно ко мне обращались за различным содействием¹⁾ и знаете меня, вы разделяете мнение г. Орлова?

¹⁾ Шаляхин, как член правления больничной кассы, неоднократно по вопросам ее деятельности обращался непосредственно к губернатору Чернявскому — И. Ж.

Ш а л я х и н. — Да, я подтверждаю, что вам, как гражданину Чернявскому, доверять могу, но как губернатору — не доверяю.

Вслед за этим от рабочей группы взял слово Вейнгер и сделал следующее заявление: «Рабочая группа считает необходимым заявить, что дело не в личном доверии или недоверии. Дело в том, что нам нужны определенные гарантии, которые мы в первую очередь видим в изменении форм управления и, следовательно, в обязательной смене лиц. Рабочая группа считает свое заявление окончательным».

В результате разговоров Чернявский расплакался. Гесберг не знал, что дальше делать. Можно предположить, что собрание было бы сорвано слезами губернатора, настолько было сильно замешательство. Однако, комедия окончилась благодаря сообщению, что в гарнизонном собрании собрались «господа офицеры», которые желают знать о решении общественных деятелей. Гесберг настойчиво предлагал отправить к ним делегацию из трех человек, в том числе одного рабочего представителя, но рабочая группа запротестовала, предлагая либо пригласить всех офицеров в земскую управу для совместного обсуждения вопросов, либо организовать собрание солдат с участием как Комитета Общественных Деятелей, так и офицеров.

Из двух зол выбрали меньшее: офицеры были вызваны в земскую управу для встречи с общественными деятелями.

Чернявский незаметно исчез из зала (как потом стало известно, во время заседания в земской управе было получено телеграфное распоряжение Временного Правительства о смещении Чернявского).

Время до прихода офицеров было использовано для групповых совещаний.

Офицеры явились уже после полуночи. Войдя в зал, они выстроились в следующем порядке: впереди какой-то толстый полковник в парадной форме, за ним два других полковника, за ними остальные штаб-офицеры, за спиной которых уже в беспорядке толпились обер-офицеры.

Не успели пришедшие офицеры оглянуться, как Вейнгер стал на стул в середине рабочей группы и обратился к ним с речью.

У меня под рукой нет никаких материалов, по которым было бы возможно воспроизвести тогдашнее его выступление. С Вейнгером в течение всего времени пребывания его в рядах наших врагов (он был видным деятелем меньшевистской партии) мы неоднократно сталкивались в непримиримой борьбе, однако я должен признать, что его выступление в этот вечер, обращенное к офицерам, на меня лично произвело неизгладимое впечатление по своей силе. Очевидно, что такое же впечатление, а возможно, что и большее, эта речь произвела и на прибывших офицеров.

После информации о решении общественных деятелей офицеры потребовали перерыва для совещания.

Осторожно, по одиночке на совещание офицеров стали проникать рабочие, и проходившее сначала весьма чинно совещание очень скоро превратилось в митинг.

Полковник, который вошел первым в зал, обеспокоенный происходящим, отдал приказ о немедленном возвращении офицеров в гарнизонное собрание, но

благодаря активному противодействию молодых офицеров (Гриш, Лалин и другие проявившие себя впоследствии активными революционными работниками) приказ остался невыполненным. Обратно в казарму по этому приказу вернулась лишь незначительная часть офицеров, очевидно исключительно трусливых.

Собрание офицеров представляло весьма оригинальную картину. Не привыкшие к дискуссии, они или кричали все вместе, или по случайно кем-либо отданной команде «смирно» — умолкали.

Кто-то доставил только что полученную телеграмму об отречении Михаила, которая не была известна офицерам. Настроение резко изменилось от нерешительности и колебаний в сторону признания совершившегося.

Решение общественных деятелей получило поддержку офицеров всего гарнизона. Кроме того, договорились относительно организации собраний солдат, которые должны были быть проведены самими же офицерами, с оговоркой, что, конечно, при желании рабочим разрешено будет присутствовать.

В течение этого дня в городе стали распространяться слухи о том, что все неизбежно закончится погромом.

Возвращаясь поздно ночью с собрания, можно было встретить у ворот группы дежурных парней, а в рабочих районах в окно можно было видеть, как в комнате, сплошь усеянной спящими людьми, пожилой рабочий, при мерцании керосиновой лампы, полураздетый, сидел над столом над ворохом свежих газет.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТА И ПЕРВЫЕ ЕГО ШАГИ

На следующий день шли с утра митинги по всем заводам и выборы в Совет.

Больничная касса превратилась в штаб-квартиру меньшевиков. С самого утра звенели непрерывные звонки телефона, требующие присылки ораторов. Приходили рабочие, представители цехов за получением инструкций. Меньшевики всячески препятствовали нашему уходу из кассы. Бросили работу самовольно и пошли на собрания.

Завод Рудского. Все 3000 рабочих явились на собрание вместе с семьями.

В ожидании представителей организационной комиссии, которые должны были открыть собрание, рабочие оживленно толковали, разбившись на группы. В цеху стоял невероятный шум.

Так как из комиссии никто не являлся, то я решил взять на себя инициативу и взобрался на трибуну. Мигом установилась полная тишина.

Основными моментами моего выступления, наряду с информацией о событиях, были следующие:

а) за спиной рабочих меньшевики и с.-р. сталкиваются о поддержке буржуазии;

б) ни Временное Правительство, ни меньшевики и с.-р., сотрудничающие с буржуазией, не будут способны закончить войны;

в) завоевания пролетариата требуют не топтания на месте, чем, несомненно, воспользуются враги рабочего класса, а дальнейшего развития революции, которое будет во много раз тяжелее и труднее.

Делая выводы, я доказал необходимость создания такого Совета, который стал бы действительным организатором пролетарской революции и пролетарской диктатуры.

Когда я сошел с трибуны ко мне подошла С. И. Гопнер, которую в этот день освободили из тюрьмы, а затем стоявшие в сторонке т. т. Н. Б. Копылов, (Базанов, Мартын) и И. Кураженко (Вишняков). Они вслед за мной по очереди брали слово.

Речи Копылова и Кураженко, говоривших исключительно о войне, вызвали среди рабочих большой подъем. Здесь же выбрали делегатов в Совет; среди которых было два большевика (в том числе т. Бойцоховский, донные активный работник нашей партии).

Тут же распределили между собой дальнейшую работу. Копылов и я отправились на Трубный завод «а».

Здесь мы застали несколько иную обстановку. Рабочих было в несколько раз больше, чем на заводе Рудского. Социальный состав рабочих другой. На собрании (на площадке перед заводом) присутствовали еще городовые, одетые по форме.

Кроме того, здесь уже митинговали меньшевики, и потому наши речи не нашли должного отклика.

К вечеру к зданию научной аудитории на Чечелевке стали стекаться массы народа. Там на 6 часов было назначено первое заседание Совета.

К назначенному времени собрание пытался открыть П. Орлов от имени рабочей группы, но один из железнодорожников (назвавший себя сначала меньшевиком, затем эсером), приняв Орлова за большевика, мешал открытию всякого рода возгласами, превратившимися в обструкцию. Наконец, кто-то раз'яснил «оппозиции», что Орлов не большевик, и кричавший при общем хохоте дал торжественное обещание больше не мешать.

Был выбран президиум, в который вошли: Орлов, Шалахин, Пастернак, Головки и другие. Вслед за выборами президиума Орловым было внесено предложение кооптировать в состав совета З. Боголюбову, А. Лейканда, М. Бердичевского, А. Вейнгера и еще ряд меньшевиков, а также С. И. Гопнер. Предложение было единогласно принято.

Первым выступил меньшевик — юзовчанин доктор Конторович. Хороший оратор, с большой седой шевелюрой и бородой, он своей пламенной речью произвел огромное впечатление на собравшихся. Его речь приблизительно сводилась к следующему предложению: судьбы революции решаются в Донбассе. Там огромная, несметная сила. Она несознательна, у нее нет вождя. Если Екатеринославский Совет не возьмет на себя инициативу стать вождем донецких пролетариев, не поставит себе задачей помочь им в организации их сил, то это сделают другие, те, которые враждебны пролетариату. Поэтому он предлагает делегировать представителей в Донбасс.

Предложение Конторовича было принято почти единогласно.

Ждали прибытия делегации военных.

Между тем в городе появились подозрительные субъекты. Из уст в уста передавался разрастающийся слух о готовящемся погроме.

Президиум Совета поручил Пастернаку принять необходимые меры предосторожности и в то же время послал делегацию в Комитет Общественной Безопасности, который уже выделил губернского комиссара Белецкого (директор завода Ганке), и возложил на него ответственность за сохранение порядка. Последний спешно сформировал отряды полиции и студентов - добровольцев.

В течение получаса в здании Совета были снаряжены несколько десятков патрулей, по 2 — 3 человека в каждом, для проверки положения в городе. Всю ночь бродили подозрительные фигуры, весьма похожие на снятых с постов городских, которые ходили в одиночку и группами. Но они всюду натывались на дефилирующие патрули Совета и бодро переключавшихся на постах студентов - милиционеров.

* * *

В первое воскресенье после заседания совета были организованы во всех театрах города собрания граждан.

Еще задолго до открытия у дверей столпилось множество желавших попасть на собрание. Тут же нашими ребятами (Людмила Шмидт, Илюша Орлов и др.) была роздана листовка, изданная ночью Комитетом (написанная Копыловым), в которой, кроме оценки положения, были намечены и общие задачи. Листовка заканчивалась лозунгами: «Долой войну», «Да здравствует Учредительное Собрание» и т. д. На дверях театра также были расклеены листовки.

Когда меньшевики, открыв собрание, узнали об этой листовке, то с ними приключилась истерика. Я хорошо помню гр. Мейтина, который, даже не успев хорошенько просмотреть листовку, ознакомившись только с лозунгами, в возбуждении, прерывая оратора, сделал заявление собранию:

«Граждане, черная сетня уже приступила к работе. Листовка, которая у меня в руках, есть ни что иное, как провокация черносотенцев. Каждого, кто распространяет это воззвание, следует немедленно в интересах спасения революции доставить в распоряжение губернского комиссара».

После этого, хотя нам еще не рекомендовалось делать официального заявления от имени Комитета по соображениям конспирации, я все же был принужден сделать внеочередное заявление о том, что Екатеринославский Комитет большевиков целиком берет на себя ответственность за содержание листовки, и в доказательство личной ответственности имевшиеся у меня несколько листовок были брошены мною в публику.

Мое заявление было выслушано с большим вниманием, листовки расхвачены. Однако, когда мне было предоставлено слово в порядке очереди и когда я перешел к вопросу о войне, поднялся невероятный шум. Воспользовавшись этим, Мейтин лишил меня слова. Такая же история происходила с другими товарищами на других собраниях и повторилась со мной в коммерческом клубе, где председателем был Лейканд.

Версия о провокации была использована и тут.

*
*
*

На первом заседании президиума Совета была организована комиссия по формированию милиции для рабочих окраин. В комиссию вошли: Вереичев А. Новиков и я.

С первого же момента работы комиссии я заметил странности в поведении Вереичева, который все время «якшался» с подозрительной публикой типа бывших полицейских, из которых, как председатель комиссии, он набирал людей, распределял их по районам, назначал начальников и т. д. Все это он проделывал без согласования с нами.

Посоветовавшись с Новиковым, мы решили поговорить с Вереичевым. В ответ на наши указания он грубо ответил, что за свою деятельность он отвечает перед президиумом Совета.

Несмотря на наши категорические требования, предъявленные Орлову, Вереичев продолжал до самого его ареста, как провокатора, работать по организации милиции.

Но вскоре комиссия по разгрузке архивов охранки, состоявшая из И. И. Фирсова и Шемшилевича, выяснила, что Вереичев был продолжительное время на службе в охранке, где считался весьма важным работником.

После ареста Вереичева тов. А. Новикову пришлось начать сначала работу по организации милиции в рабочих районах.

ПРАЗДНОВАНИЕ 12 МАРТА

По телеграфному предложению Исполкома Питерского Совета празднование дня Февральской революции было перенесено на 12 марта.

Для организации празднования была сконструирована комиссия, в состав которой входила также С. И. Гопнер, проведенная президиумом Совета, как представительница нашей партии.

Комиссия собралась за несколько дней до празднования. На ее заседании, кроме членов комиссии, присутствовали Копылов и я, а также впервые появившийся на общественной арене военный врач Зандер, оказавшийся меньшевиком, хотя называл себя в прошлом большевиком.

Первым вопросом, стоявшим на порядке дня комиссии, были лозунги празднования. Вейнгер предложил, приблизительно, следующие лозунги:

«Да здравствует свобода»,

«Да здравствует временное правительство»,

«Мир без аннексий и контрибуций».

В противовес этим лозунгам тов. Копыловым были предложены иные:

«Война войне»,

«Восьмичасовой рабочий день»,

«Вся земля крестьянам без выкупа»,

«Демократическая республика».

Прения по внесенным предложениям приняли необыкновенно ожесточенный характер, при чем против наших предложений возражал, главным образом, Зандер, который пытался нас уверить, что если солдаты и крестьяне увидят лозунг «демократическая республика», то они «разгромят Советы». Ему же, как вращающемуся среди солдат, достоверно известно о наличии большой любви к царскому строю среди солдат и крестьян, поэтому он и настаивает на предложении меньшевиков.

К концу заседания прения приняли форму взаимной перебранки, вследствие чего Копылов и я ушли с собрания, столковавшись о перенесении дискуссии на пленум Совета, который должен был состояться на следующий день.

Накануне пленума была созвана фракция большевиков членов Совета. На собрание явились, кроме товарищей, о которых упоминалось выше, следующие: Карташов, Переславский (Мирон Брянский), Шалыт¹⁾, Серебряный²⁾, Наумчик³⁾ и Моисеев⁴⁾. Всего было 14—15 человек.

Совещание фракции было использовано для подготовки к следующему заседанию Совета.

Разногласия, имевшие место в комиссии, стали достоянием широких масс рабочих, вследствие чего на заседание Совета собралось много рабочих, желавших присутствовать на предстоящей дискуссии.

Заседание Совета открыл П. Орлов речью, в которой доказывал, что величайшей заслугой пролетариата является его способность ограничивать себя в самых насущных требованиях, чтобы обеспечить себе поддержку всех прочих элементов, поддерживающих революцию. На этом основании он настаивал на отказе от лозунгов национализации земли, восьмичасового рабочего дня, поскольку эти лозунги должны оттолкнуть от пролетариата «прочие слои населения», готовые сейчас к поддержке революции.

Таким образом, Орлов фактически открыл дискуссию. Вслед за ним выступил Вейнгер. Ораторы нашей фракции, полемизируя с меньшевиками и с.-р., разоблачали их социал-соглашательскую сущность. Мы доказывали, что политика отказа от рабочих лозунгов есть ничто иное, как отказ от тех прав, которые приобрел пролетариат в революции.

Страстность прений достигла высшего напряжения. Нам удалось привлечь на свою сторону половину аудитории, и каждое выступление меньшевиков встречалось свистом, стуком или гуканьем. Враждебная сторона платила нам тем же.

Голосование в формулировке «кто за предложение комиссии» собрало 98 голосов за и 97 против. Несколько человек воздержалось. Несмотря на то, что голосование несколько раз повторялось, результат получался тот же.

Тогда мы потребовали голосования путем перехода противников наших лозунгов на другой конец зала.

¹⁾ Шалыт уехал из Екатеринослава накануне октябрьских событий и, как сообщил нам т. Ходес, расстрелян в 1919 г. ЧК.— И. Ж.

²⁾ Серебряный оставался в рядах партии до октябр. дней, впоследствии перешел к анархистам. И. Ж.

³⁾ Наумчик — портной был пред. союза, затем ушел из партии и уехал из Екатеринослава. И. Ж.

⁴⁾ Моисеев — оказался провокатором, был арестован, судился и выехал из Екатеринослава. И. Ж.

Заняв позицию среди зала, мы, стоя на стульях, могли наблюдать голосование всех присутствовавших. Шутками, прибаутками и выкриками с мест мы всячески старались отколоть часть рабочих от меньшевиков, помешать им голосовать против наших лозунгов.

Все же «восьмичасовой рабочий день» и «демократическая республика» были провалены большинством в 1—2 голоса.

Лозунг о земле провалился таким же большинством, но пришедшая к концу военная делегация во главе с тов. Гринбаумом (Кржаминский) стала настаивать на новом переголосовании. От имени делегации военных Гринбаум взял слово в защиту этого лозунга, и в результате нового голосования лозунг о земле был принят большинством в 5—6 человек.

После этого Совет постановил категорически запретить членам Совета на митингах и собраниях говорить о лозунгах, отвергнутых на этом заседании.

Таким образом в этот день мы выявили в полной мере политическую физиономию первого Екатеринославского Совета. Не только для нас, но и для большинства беспартийных рабочих стало ясно, что совет с меньшевиками и с.-р. есть ничто иное, как придаток к тому Общественному Комитету, председателем которого был фон-Гесберг, а главным комиссаром директор крупнейшего предприятия — завода Ганке.

Вопрос о восьмичасовом рабочем дне, вопреки постановлениям Совета, был разрешен жизнью. Через два дня, рабочие явочным порядком провели восьмичасовой рабочий день.

* * *

12 марта был ясный солнечный день. С самого утра к лагерной площади потянулись огромные толпы народа.

К десяти часам проспект стал заполняться колоннами рабочих. Рабочие шли стройными рядами под красными знаменами, под лозунгами, проваленными накануне на заседании Совета. Меньшевики были в ужасе. Кроме лозунгов, за которые шла борьба в Совете, над головами рабочих реяли знамена с надписями: «Рабочий класс единственный законный хозяин всех богатств», «Война выгодна только банкирам», «Гоните в шею меньшевиков, которые во время войны предали социализм и предадут революцию фабрикантам» и проч.

По пути к рабочим колоннам примкнул Комитет Общественной Безопасности вместе с Гесбергом, имевшим в петлице красную гвоздику, а через плечо — широкую голубую ленту (царская награда), сионистские организации, брюхатые кушцы и тощие лавочники и ремесленники со своими еврейскими национальными эмблемами, какие-то украинские организации и целый ряд других общественных организаций.

Войска пришли в полном порядке. Во главе их был уже знакомый нам полковник с грудью, украшенной орденами и красным цветком в петлице. Полки шли в строгом военном порядке. Над солдатами красные знамена и плакаты «Война до победного конца». Других надписей не было.

На самой площади трибуны были расположены комиссией так, чтобы солдаты оказались изолированными от остальной публики и главным образом от рабочих. Комиссией были выделены ораторы для солдатских трибун из числа офицеров и вполне «благонадежных» членов совета.

Переславский, Моисеев, Карташов и я облюбовали солдатские трибуны. Солдаты с огромным вниманием слушали выступления о войне и ее причинах, кому она нужна, почему г. г. полковники стремятся изолировать солдат от рабочих и почему меньшевики и с.-р. заодно с полковниками.

Результаты наших выступлений были неожиданны. Ведь солдатская аудитория для нас была совершенно новой.

К великому огорчению полковника, членов Комитета Общественной Безопасности и многих членов Совета, полки пришлось вести обратно не в столь образцовом порядке, да и ряды наполовину поредели, а из принесенных на площадь знамен и плакатов многих не доставало. Солдаты, вопреки запрещению, еще во время митингования стали переходить к рабочим трибунам, а к концу дня масса рабочих посерела от солдатских шинелей.

В этот день меньшевики потерпели полное поражение.

РАБОТА ОРГАНИЗАЦИИ Б-КОВ И ФРАКЦИИ СОВЕТА

5 марта в помещении Брянской школы состоялась первая полулегальная конференция нашей партии.

В резолюции по докладу тов. Копылова был определен характер нашей революции. Не имея никаких официальных директив, конференция своим пролетарским революционным чутьем нащупала правильный путь и поставила как ближайшую задачу рабочих — превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Значение конференции было огромно. Она определила с достаточной полнотой и четкостью ближайшие задачи, объединила разрозненные до тех пор силы. Выбрав комитет, конференция создала условия для дальнейшего правильного руководства борьбой екатеринославских рабочих.

В середине марта на совещании Комитета, состоявшемся на квартире тов. Гопнер, в присутствии т. т. Копылова, И. Орлова, Бондарева и меня было решено поставить издание своей газеты. Потребность в газете сказалась с первых же дней работы, но особенно остро вопрос стал в связи с тем, что меньшевики основательно окопались в «Известиях Совета», редактором которых был Лейканд, весьма талантливый журналист, но очень вредный оборонец, что однако не мешало ему называть себя циммервальдистом.

Большие прения развернулись в Комитете по вопросу о названии газеты. Тов. Гопнер настаивала на «Голосе Труда», считая, что газета с таким названием лучше будет встречена рабочими.

Мое предложение назвать газету «Звезда» встретило протест некоторых товарищей, которые считали это название тенденциозным.

Но И. Орлов горячо поддержал мое предложение, и оно было принято Комитетом.

Тогда же был намечен план изыскания средств для газеты, при чем в план входила организация собраний рабочих и сбора среди них. Отпечатанные в большом количестве открытки с двумя флажками наперекрест с нашими лозунгами, предназначавшиеся для усиления средств газеты, получили огромное распространение. Каждый рабочий считал для себя обязательным приобрести такую открытку.

Конечно, собранные средства были недостаточны, и деньги приходилось добывать также из посторонних источников. В этом деле значительно помог тов. М. М. Бек, вынесший на своих плечах в первое время наибольшую часть трудностей.

В области постановки технической части газеты немало потрудились также и тов. А. М. Генштафт (впоследствии зверски убитая белыми). Газета все время войны оставалась маяком для екатеринославских рабочих.

С газетой возились первое время все члены Комитета. Поочередно газету редактировали т. т. М. М. Бек, Э. Квиринг, С. И. Гопнер, М. Быстринский (Батин), Я. Эпштейн (Я. Яковлев) и я (последние двое весьма непродолжительное время). С мая месяца на газету сел Н. В. Копылов, который, не будучи журналистом, сумел, отдав ей много сил и времени, сделать ее боевым органом Екатеринославского Комитета большевиков.

В конце заседания Екатеринославского Комитета, на котором обсуждался вопрос о газете, тов. Бондарев сообщил, что кем-то на сегодня назначено городское собрание членов РСДРП большевиков с повесткой дня: а) о войне и мире и б) выборы Екатеринославского Комитета большевиков.

Так как об этом собрании Екатеринославскому Комитету стало известно лишь из сообщения тов. Бондарева, то Комитет, в целях предупреждения возможности создания второго комитета, сейчас же прервал свое заседание и делегировал на собрание С. И. Гопнер и меня.

Придя на собрание, мы застали приблизительно следующую картину: в зале находилось человек 60—70 городских рабочих и работниц; председательствовал Шалыт, ближе к публике, восседая верхом на стуле, подбородком упершись в его спинку, делал доклад о войне и мире М. Равич (Черкасский).

После недолгих объяснений с президиумом второй пункт повестки дня был снят самими инициаторами, и таким образом инцидент был ликвидирован.

* * *

Как видно уже из рассказанного выше, Совет Рабочих Депутатов в Екатеринославе существовал отдельно от Совета Солдатских Депутатов. Это обстоятельство весьма обеспокоило президиум СРД; так как ССД вел весьма двусмысленную политику. Поддерживая связь с СРД, он в то же время, имея в своем составе часть кадетской и черносотенной публики, занимался интриганством и порой не отказывал себе в удовольствии намекнуть, что, собственно говоря, он-то и является той силой, от которой зависит весьма многое...

Так, например, во время проведения в жизнь восьмичасового рабочего дня на пленуме СРД делегация ССД выступала против, мотивируя тем, что «отечество в опасности и солдаты на фронте, мол, на чеку 24 часа, а вот рабочие ни с чем не считаются»...

После того как пленум Совета одобрил введение восьмичасового рабочего дня, вопреки настояниям делегации ССД (меньшевистско-эсеровская часть Совета вынуждена была согласиться с тем, что фактически на заводах было уже проведено), последний стал центром, который организованно выступал против этого решения, ведя соответствующую агитацию в войсках в городе и через свои делегации в деревне.

Были попытки некоторой части еще нереорганизованной черносотенной думы и реакционной части Комитета Общественной Безопасности войти в связь с ССД, чтобы опереться на него для противопоставления себя Совету Рабочих Депутатов.

Поэтому вопросу объединения уделялось большое внимание, при чем в самом ССД объединению содействовали его члены: т. т. Гринбаум, Лосский, Лапин, Гриш и другие.

Первое совместное заседание состоялось накануне с'езда Советов в Питере. На повестке дня этого собрания стояли следующие вопросы: а) о войне и мире, б) о восьмичасовом рабочем дне, в) об объединении Советов и г) о посылке делегатов на конференцию.

По первому вопросу доклад сделала Боголюбова, тезисы которой были одобрены президиумами обоих Советов.

Наша фракция заранее по директиве Комитета наметила содокладчиком тов. Гопнер, но она ввиду болезни вынуждена была от него отказаться, и доклад было поручено сделать мне.

Аудитория весьма нервно реагировала на наше выступление. Так как вопрос был предрешен, то по нем высказалось лишь незначительное число ораторов, и подавляющим числом голосов была принята предложенная Боголюбовой резолюция.

Единогласно приняли решение о восьмичасовом рабочем дне (ССД рассматривал это как компенсацию за резолюцию о войне. Кроме того, они получили заверение в том, что принятые решения ничего не меняют в смысле обороны).

По вопросу об объединении Советов было решено, что СРД и ССД существуют самостоятельно. Периодически созываются совместные пленумы исполкомов, а пленумы Советов должны быть обязательно объединенными (такое положение продолжалось до лета).

Затем состоялись выборы делегации на конференцию в Питер, при чем наша фракция выделила делегатами т. т. В. Головки и Д. Лебеди.

После объединения Советов меньшевики решительно и настойчиво начали добиваться и объединения партийного.

К этому времени наша организация не только оформилась, не только официально объявила о приеме по всякого рода делам (у меня при Трубной больницы

кассе, у И. Орлова при Брянской больничной кассе), но стала с каждым днем расти за счет рабочих.

Происходили уже сборы на газету, нами весьма успешно велась кампания за организацию союзов, наше влияние среди рабочих заметно усиливалось. К меньшевикам же хлынуло главным образом городское мещанство.

Стремления меньшевиков были направлены на «обработку» отдельных членов Комитета и влиятельных большевиков. Официальных же выступлений меньшевики не делали. Приехал Нил Сандомирский, объединенец (впоследствии докатившийся до самого пакостного предательства), были получены первые сведения об организации ОК по объединению партии, и, кроме того, было получено весьма неприятное для нас, екатеринославцев, сообщение, что выделенные нами для участия в Питерской советской конференции делегаты — большевики официально перешли к объединенцам.

Меньшевики стали смелее и решительнее.

Среди наших же товарищей началось замешательство, о котором сейчас же стало известно меньшевикам, поспешившим его использовать.

В срочном порядке собрался наш комитет. Присутствовали т. т. Э. Квиринг, Н. Копылов, И. Орлов, С. Гопнер, кажется, М. М. Бек, прибывший из армии, я и другие.

Обсуждение было очень длительным, при чем почти все члены Комитета в той или иной форме высказывались за объединение.

Единственным и решительным противником объединения оказался Н. Копылов, который записывал себе в книжечку во время выступления членов Комитета особенно характерные «выраженьица» и в конце прений в своем слове «разделал» нас «под орех», при чем особенно досталось С. И. Гопнер, которая безоговорочно принимала объединение.

Приняли предложение тов. Квиринга срочно запросить директив у ЦК.

Такое решение было принято потому, что выступление тов. Копылова в значительной мере поколебало мнение отдельных членов Комитета, ранее высказавшихся за объединение.

Конечно, это решение не дало ответа на вопрос, но когда на следующий день каждый из нас столкнулся с действительностью, то ответ был дан, и ответ был правилен — «никакого объединения с меньшевиками, какой бы они масти не были, быть не может».

С меньшевиками мы приняли бой, не будучи подготовленными.

Узнав о нашем решении, они хотели «нажать» на нас через рабочие массы и стали организовывать рабочие собрания, ставя на обсуждение вопрос об объединении партии. Нашим работникам приходилось дискутировать с меньшевиками, и в результате такой дискуссии, как бы джентельменски не был воспитан выступавший большевик, он все же при общем одобрении рабочих кончал тем, что уличал меньшевиков в предательстве, соглашательстве, посылал их к чорту и заявлял, что с ними никакого объединения быть не может.

Я помню одно интересное собрание на Брянском заводе. Докладчиком от Совета и меньшевиков выступала некая Духонина (Громан). Собрание было

многолюдное. Кроме докладчика выступала еще группа меньшевиков. От нас слово взял Квириг, который начал свою речь, очевидно, с желанием не особенно жестоко ссориться с меньшевиками, закончил же полным разномом меньшевиков.

Особенное впечатление произвело выступление одного рабочего из массы, взявшего слово после Квирига.

— Да, товарищи. — сказал он, — нам нужна единая партия. Я за единую партию, вот почему я рву свой билет объединенных и перехожу в ту партию, которая является единственно пролетарской партией, — в партию большевиков.

С этими словами он тут же на виду у всех порвал свой партбилет, полученный от объединенных меньшевиков.

Впоследствии таких случаев было немало.

Не раз в течение лета меньшевики пробовали вернуться к разговорам на эту тему, но вопрос был решен при участии широких масс рабочих, подсказавших Комитету правильный путь.

Объединительная кампания хотя и отняла у нас навсегда В. Головку, но зато усилила нашу связь с массами, укрепила единство и спайку самой организации, помогла еще неискусенным в понимании социальной сущности меньшевиков осознать, что среди них у нас могут быть только попутчики.

* *

В конце апреля в Харькове состоялась южно-русская конференция Советов, завкомов и профсоюзов. На повестке дня, кроме вопросов общеполитического значения, стояли также вопросы о зарплате и коллективном договоре. От Екатеринославского Совета, от нашей фракции был делегирован я и, кажется, не то В. Новиков, не то Захаров; от Брянского завода — Э. Квириг, В. Аверин, от других заводов ряд других товарищей, среди которых было несколько большевиков.

Руководство работой конференции принадлежало меньшевикам - объединенцам, среди которых были Бер (Гуревич), Нил Сандомирский, Трахтенберг и ряд других.

Лидеры меньшевиков хотели создать на конференции объединенную социал-демократическую фракцию с целью «объединительной» вообще, для чего начали усиленную кампанию среди участников конференции большевиков. Их затея вначале удалась, благодаря политике части харьковчан во главе с тов. Лугановским, яростно отстаивавшим создание объединенной фракции, и ростовского ренегата присяжного поверенного Смирнова, называвшего себя большевиком, а на деле оказавшегося оборонцем со вполне определенным кадетским душком.

Мы явились на первое объединенное совещание и поставили перед фракцией вопрос в полном объеме. От нашей группы выступал тов. Аверин. Он настаивал на немедленном определении политической позиции совещания, в частности по вопросу о выступлении Временного Правительства (ноты Милюкова 18 апреля). Аверина поддержали тов. Квириг и я.

Нам отвечали Сандомирский и Лугановский, которые доказывали, что требования Аверина есть ничто иное, как «продолжение Екатеринославской политики раскола» (Сандомирский). Всячески избегая отвечать по существу,

тов. Лугановский доказывал, что больших (?) расхождений нет и необходимы совместные выступления на конференции, чтобы оказать давление на центр в целях дальнейшего объединения.

После обмена мнениями нами было предложено всем, кто считает себя большевиком, уйти с собрания и организовать свое фракционное совещание. Вместе с нами с совещания ушло большинство рабочих.

Спустя некоторое время пришел и Лугановский.

В течение всей конференции меньшевики неоднократно повторяли свои попытки создать объединенную фракцию, при чем, не брезгая демагогией, все время о своих заседаниях говорили как о заседаниях всех социал-демократов участников конференции.

Необходимость постоянного напряжения в борьбе с меньшевиками, однако, не помешала нам вести большую практическую работу на самой конференции: так, например, тов. Квиринг был председателем рабочей секции конференции, я работал в земельной секции товарищем председателя и т. д.

На всех заседаниях конференции присутствовал член Гос. Думы Туляков, который на всех производил очень тяжелое впечатление. Характерно его обращение к делегатам (исключительно рабочим): «братья делегаты и братцы рабочие» ...

* * *

В день возвращения из Харькова мы были извещены, что президиум Совета (читай — Комитет меньшевиков) созывает срочное заседание президиума совместно с представителями партий для обсуждения вопроса о борьбе с усиливающейся погромной агитацией.

Перед заседанием состоялось совещание Комитета, на котором было решено выдвинуть следующие мероприятия перед советом:

- а) действительная изоляция (арест) продолжающих оставаться в городе бывших царских городских и жандармов,
- б) усиление милиции рабочими,
- в) действительная борьба с растущей дороговизной,
- г) вооружение рабочих.

В качестве представителей Комитета были делегированы тов. Шалыт и я (С. И. Гопнер участвовала на совещании, как член президиума Совета).

Информацию об усилении погромной агитации сделал Орлов, а практические предложения вносила Духонина. Ее предложения фактически сводились к следующему: так как усиление черносотенной агитации есть ничто иное, как конкретное проявление наметившегося единого черносотенного фронта против революции, — ему необходимо противопоставить единый пролетарский фронт, не случайно сколоченный, а закрепленный организационно.

Отсюда вывод — перед лицом новой опасности должно быть ликвидировано обособленное существование двух социал-демократических организаций; что же касается практических мероприятий, то по ним нетрудно будет столкнуться. Духонина в своей речи, между прочим, указала, что у нее есть достаточные

основания утверждать, что черносотенцы облюбовали большевистскую организацию, пробрались туда в большом числе и несомненно, в конце концов, ее скомпрометируют.

Такая постановка вопроса для нас была несколько неожиданной, хотя об объединительных стремлениях меньшевиков нам уже было в достаточной мере известно. Мы предложили перейти к обсуждению тех мероприятий, которые были бы действительно способны предотвратить погромы, одновременно указав, что мы считаем постановку вопроса, сделанную докладчиком, ничем иным, как попыткой переложить ответственность за могущие быть погромы с большой головы на здоровую, одновременно назвав предложение меньшевиков способствующим развитию погромной кампании. Мы считали необходимым заявить меньшевикам, что о данном очередном предательстве мы обязаны немедленно довести до сведения Комитета, где будем настаивать на широком информировании рабочих об имевшем место выступлении меньшевиков. Началась перебранка.

В результате о практических мероприятиях не было сказано ни слова.

На этом заседании президиума присутствовал и в значительной мере нам помогал прибывший в Екатеринослав по союзным делам тов. Б. Магидов.

БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ

Первое мая праздновалось по решению Питерского Совета по старому стилю 18 апреля.

Совет не дал своих лозунгов, он претендовал лишь на место впереди демонстрации. Понятно, что этого места у него никто и не оспаривал.

Наша «Звезда» вела самостоятельную кампанию за лозунги. «Борьба» меньшевиков не отставала. Таким образом, в Первомайский праздник мы уже имели окончательно определившиеся отношения между существовавшими политическими группировками и в результате — разнообразие лозунгов во время демонстрации.

Над трибунами солдат все еще реяли знамена «война до победного конца», но возле них группировалась только незначительная часть солдат, остальная масса рассыпалась по всему полю.

От нашей партии выступали на митингах т. т. Бек, Квиринг, Аверин, Гопнер, Переславский, я и другие. Выступления большевиков всюду встречали значительное внимание.

Днем прибыл Я. Эпштейн, принявший в дальнейшем весьма активное участие во всей работе. В тот же день Копылов и Гопнер выехали на VII съезд партии в Москву.

В один из ближайших воскресных дней после празднования первого мая была получена нота Милюкова, направленная союзникам 18 апреля.

Срочно был созван Е. К., на котором было решено немедленно выпустить листовку к рабочим с призывом идти в город для обсуждения этой ноты и выражения своего протеста. Впопыхах выпущенную листовку забыли подписать именем Е. К. - та.

Как только наши ребята появились на улицах с этими листовками, их сейчас же стали арестовывать. Под арестом в помещении Совета, таким образом, отсидели т. А. М. Генштафт и другие товарищи, распространявшие эту листовку.

К двум часам дня огромный городской сад и сад, что напротив, были переполнены собравшимися рабочими, продолжавшими прибывать и группами и колоннами с развернутыми знаменами с лозунгами: «Долой империалистическую войну», «Долой Миллюкова» и т. д.

Меньшевики и с.-р. в замешательстве совещались в Совете.

У городского сада шли «оживленные прения»... Меньшевикам, вступавшим в «полемику» с нашими ребятами, доставалось от рабочих, а на помощь меньшевикам выступала городская буржуазия. В тех случаях, когда отдельные рабочие имели неосторожность попасть в группу, где не было своих, их просто избивали. В этот день было отмечено несколько случаев избиения. Буржуазия не на шутку разгневалась на нас за нашу затею...

Иное дело в самом городском саду, где собралось несколько десятков тысяч рабочих... Наша листовка там читалась вслух, комментировалась. То в одном уголку сада, то в другом под взрывы смеха рабочие выпроваживали затесавшегося сторонника Временного Правительства.

Хотя меньшевики и эсеры очень долго совещались, но столкнуться между собой не могли. Не могли также столкнуться между собой и меньшевики, так как обнаружились весьма серьезные разногласия между объединенцами и оборонцами. В городской сад меньшевики и эсеры пришли не только без общей точки зрения, но и значительно деморализованными и в своих выступлениях не только боролись с нами, но и между собой весьма горячо полемизировали. Так, например, Н. Сандомирский весьма резко обрушился на оборонцев, за что в свою очередь ему и его сторонникам немало досталось.

Какую-то совершенно дикую позицию занял П. Орлов, который, обрушившись на оборонцев, брал большевиков под свою защиту, соглашался с большевиками в том, что нота Миллюкова есть предательство и т. д., но в то же время слезно умолял рабочих ни в коем случае не соглашаться с большевиками в вопросе об опубликовании тайных договоров.

Конечно, разброд среди меньшевиков только усилил нашу позицию и значительно способствовал дискредитации меньшевиков.

Эсеры хотя и выступали, но были как-то незаметны в этот день. Не было для них поля деятельности. Среди рабочих им не оказалось места.

Ораторы переходили с трибуны на трибуну. От Е. К. в этот день выступали М. М. Бек, Э. Квиринг, Я. Эпштейн, В. Аверин и ряд других товарищей.

Митинги закончились поздно вечером, при чем у всех трибун почти единогласно принимались наши резолюции. Меньшевики, очевидно учитывая настроение рабочих, не рискнули предлагать свои резолюции.

Наша победа была несомненной.

Для нашей организации этот день имел чрезвычайно важное значение. Если до этого мы только нащупывали настроение масс, то в этот день стало очевидно, что Комитет большевиков становится вождем масс.

Это обстоятельство Е. К. учел. Победа, одержанная в этот день, не позволяла «почивать на лаврах», а требовала еще большего напряжения организма всей партии для оформления и закрепления нашего влияния в массах и для дальнейшего наступления на позиции меньшевиков.

Но меньшевики и провал в объединительной кампании, так же как провал во время митингов в городском саду, когда рабочие единодушно и решительно голосовали за наши резолюции, рассматривали как случайные эпизоды, отбросив которые можно было считать свое положение все же прекрасным.

С Советом, в котором они являлись хозяевами, считались, его представители входили во все существующие общественные учреждения и организации, независимо от их политического направления и значения. Каждое учреждение считало своей обязанностью иметь в своем составе представителей Совета, причем соображения у различных учреждений и организаций были различные. Так, например, если черносотенной Городской Думе, имевшей во главе «союзника» Способного, представители рабочих были нужны для того, чтобы несколько «разбавить» свой «зубровский» состав и, таким образом, получить право на существование, то заводскому совещанию и военно-промышленному Комитету представители рабочих были нужны для обеспечения себя от всякого рода «волынок» среди рабочих.

В обстановке такого всеобщего признания перед Советом стал вопрос о реализации некоторых из ранее принятых решений.

Проходила усиленная подготовка к новому наступлению на фронте.

Кампания за войну до победного конца, за верность союзникам развернулась. История с «запломбированным вагоном» получила широкое распространение. Общественное мнение благоприятствовало тому, чтобы Совет приступил к непосредственному действию.

Первым шагом должно было явиться решение пленумов Советов о реализации займа свободы среди рабочих масс, фактически сводившегося к принудительному размещению облигаций этого займа — первого финансового детища Временного Правительства.

Накануне Е. К. без прений принял решение, в котором категорически высказался против участия рабочих в этом деле, рассматривая заем, как финансовое мероприятие, направленное к поддержке империалистической войны. Е. К. поручил нашей фракции выдвинуть в противовес займу требование принудительного обложения буржуазии и конфискации сверхприбылей. Для официального выступления была намечена С. И. Гопнер.

Заседание Совета в этот раз происходило в обстановке более торжественной, чем обычно. Докладчиком выступал представитель меньшевиков, после которого слово было предоставлено тов. С. И. Гопнер. С. И. Гопнер в получасовой речи развила точку зрения нашей организации по данному вопросу.

Наша формулировка вопроса вызвала бурю одобрения у присутствовавших на собрании рабочих и солдат. Тем не менее, Совет подавляющим большинством голосов принял как внесенное президиумом предложение, так и предложение об активном участии членов Совета в намеченном к проведению «дня займа свободы».

День займа свободы фактически превратился в длительную кампанию пропаганды войны, потребовавшую от партийной организации напряжения всех сил для противодействия этой пропаганде, для разоблачения истинных целей войны, для организации рабочих против войны, против меньшевистско-эсеровского Совета, поддерживавшего войну.

Работа военной организации развивалась. В этой области под общим руководством Е. К. большую активность проявили т.т. Киселев, Гринберг, некий Леонтьев, А. М. Генштафт. Работа военной организации в значительной мере способствовала усилению нашего влияния в войсках. Большой перелом в настроении солдат произошел после июльского наступления, окончившегося поражением.

Общее усиление нашего влияния в войсках очень беспокоило руководителей военных частей и меньшевистско-эсеровский Совет. Со стороны последних начались все более и более резкие провокационные выступления, зачастую принимавшие формы открытого натравливания солдат на большевиков. На одном из митингов, на котором выступал тов. В. Аверин по открытому призыву оборонцев, группа офицеров бросилась к трибуне для того, чтобы «стянуть» Аверина и учинить над ним самосуд.

Обстановка в войсках была действительно тяжелая: в казарменных помещениях скопилась огромная масса людей, оторванных от дома неизвестно для какой цели, получавших кормежку впроголодь, износивших одежку, принесенную с собой из дому, и не получавших обмундирования.

Все это не могло не способствовать росту недовольства и выступлениям, благоприятным для провокации.

В один из июньских дней, когда обстановка в войсках была особенно тяжелой, по городу, по его главной улице, мимо Совета прошла демонстрация голых солдат.

Оборванные, разутые, раздетые, кто в нижней рубашке без всего прочего, кто в обрывках белья, без шапок, заросшие, босые или солдаты, неся знамена с требованиями, фактически сводившимися к тому, что нужно грабить магазины вообще, а в частности — еврейские. Настроение демонстрирующих было таково, что, мол, в нашей убогости и нищете виноваты евреи и Совет.

В тот же день вечером президиум Совета назначил пленарное заседание Совета совместно со всеми военными организациями и представителями рабочих и партийных организаций для обсуждения создавшегося в войсках положения и выработки мероприятий.

Е. К. в свою очередь в тот же вечер собрался для обмена мнениями по вопросу о «голом бунте». Е. К. пришел к тому заключению, что демонстрация является результатом работы черносотенцев, использующих положение, чтобы натравить солдат против Совета и парализовать усиливающуюся антимилиитаристскую пропаганду, и следовательно это выступление является контр-революционным. Е. К. наметил также линию поведения фракции на пленарном заседании Совета.

На следующий день еще задолго до открытия заседания Совета городской театр был переполнен массой голых солдат, пришедших послушать выступления по обсуждаемому вопросу. После коротенькой информации кого-то из военных о выступлении солдат слово было предоставлено т. Квиригу, как представителю Е. К. Тов. Квириг дал подробный анализ положения в войсках в соответствии с принятым накануне решением, но, очевидно за краткостью времени, он не успел формулировать необходимых выводов.

Я взял слово вне очереди для дополнения и формулировал выводы следующим образом:

а) голые солдаты воевать не могут. Им нужна одежда, им нужен хлеб, им нужен мир;

б) меньшевистско-эсеровский Совет, не борясь за мир, не умеет обеспечить солдат хлебом и одеждой и следовательно не может быть вождем солдат;

в) меньшевистско-эсеровский Совет, борясь провокационными мерами с большевиками, выступающими за мир, способствует тому, что во главе голодных и голых солдат становятся погромно-черносотенные контр-революционные фидеры;

г) только переизбрание меньшевиков и эсеров членов Совета, только Совет из большевиков и действительно революционных рабочих и солдат станет вождем всех тех, кто жаждет мира и лучшей жизни.

Мое выступление вызвало в президиуме большое движение. Фактически это было впервые резко сформулированное в присутствии тысячи рабочих и солдат наше отношение к Совету. Меншевики нервничали.

Не успел я закончить своего слова, как место мое на трибуне занял Вейнгер, который, возражая т. Квиригу, начал свою речь следующим образом:

— Тов. Квириг, выступавший здесь как официальный представитель Е. К. большевиков (желание взять под сомнение мое выступление), не прав, когда хочет нас заставить искать контр-революцию там, где ее фактически нет. Контр-революция под носом у Е. К. большевиков, ее тов. Квириг не замечает, она в самом Комитете большевиков, она только что здесь выступала в лице оратора, которого я только что сменил на этой трибуне...

В зале поднялся невероятный шум. Солдаты свистели, стучали, кричали, махали в воздухе кулаками, бросались к сцене и бежали обратно. Сквозь общий шум слышны были протяжные незаглушаемые свистом и стуком крики «Долой!.. Долой!..».

Председатель, уставши звонить, передал звонок другому. Шум продолжался очень долго; как только Вейнгер начинал говорить, его прерывали с новой силой.

Заседание Совета закончилось принятием резолюции общего характера. Совет, состоявший из меньшевиков и эсеров, не мог принять другого решения.

Но дело было сделано. Солдатам, уставшим от войны, жаждавшим мира, были брошены лозунги, звавшие к борьбе за мир и за власть Советов.

Тот шум, который был вызван выступлением Вейнгера, был лучшим доказательством того, что брошенные лозунги не только услышаны, но и поняты солдатами, теми из них, которые еще вчера были по своей неосознанности орудием погромно-черносотенной контр-революции.

ПЕРЕВЫБОРЫ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

К моменту Февральской революции екатеринославская Городская Дума была черносотенной, она состояла из домовладельцев, лавочников и небольшой части интеллигенции и кадетов.

Не то в конце марта, не то в апреле «думцам» стало неловко существовать в старом составе. Обратились в Совет с просьбой в виде временной меры, впредь до разработки правительством соответствующего положения делегировать в состав Городской Думы некоторое количество своих представителей. Советом было выделено около 20 человек депутатов во главе с Л. С. Лифшицем. Среди выделенных был и профессор Маковский, который слыл большевиком, но связь которого с партией выражалась только в сохранении дружеских отношений с отдельными членами Е. К.

Пополненная таким образом Городская Дума сразу же преобразовалась в «демократическую», регулярно собираясь на заседания. Обновили за счет представителей Совета и состав городской управы.

Гласные Думы пили чай, ели бутерброды, в политику не вмешивались и, в общем, были довольны своим положением. Никто пока их не ругал, их право на «отцов» города не оспаривал, им и в голову не приходило сетовать на свое положение.

Так продолжалось до июня месяца. К этому времени разработка положения о местном самоуправлении в центре подходила к концу, и общественное внимание стало все более и более сосредоточиваться на вопросах местного самоуправления.

Широкая кампания, развернутая ЦК нашей партии за снижение возрастного ценза, лишь незначительно способствовала усилению интереса к Городской Думе среди рабочих.

Наконец началась фактическая подготовка к перевыборам, началась организация и мобилизация общественных сил к предстоящим боям. А бои, в связи с существовавшими в то время между различными политическими группировками соотношениями, обещали быть жаркими и упорными.

По инициативе Городского Совета была создана комиссия по выборам в Городскую Думу под председательством Л. Лифшица. От нашей фракции в эту комиссию вошел Шалыт. Комиссия прежде всего занялась вопросом о блоке при перевыборах в Думу. По первоначальным замыслам блок должен был объединить меньшевиков, большевиков, бундовцев и с. - р. в целях противопоставления себя единому буржуазно - кадетскому блоку. Но этот блок расстроился из-за упрямства с. - р., у которых вскружилась голова в связи с успехами на московских выборах. Вследствие этого стали усиленно готовить социал - демократический блок.

Когда вопрос о блоке был поставлен на собрании Е. К., он вызвал очень долгие и страстные прения. Комитет всеми против одного моего голоса постановил вступить в блок с меньшевиками и бундовцами против кадетов и народников.

На следующий день состоялось общее собрание организации меньшевиков по вопросу о выборах в Городскую Думу, на которое были командированы для информации, как представители Е. К., Шалыт и я.

На этом собрании, происходившем под председательством Лифшица (хотя он и не был официальным членом партии меньшевиков) и состоявшем из городских барышень-курсисток, торговых служащих и конторщиков заводских предприятий, велись, главным образом, разговоры о «деловых» вещах в связи с выборами, как-то: о конке, водопроводе и т. д. С разрешения председательствовавшего нами был поставлен вопрос об отношении фракции меньшевиков в будущей Городской Думе к тем вопросам, которые более всего волнуют сейчас рабочие массы, т. е. к вопросам войны и мира, Временного Правительства и т. д. Меньшевики завопили. По их мнению блок должен был означать не только общий список, но и общую программу практической работы на основе отказа от внесения политики и политических споров в Городскую Думу.

«Дума не может быть превращена в арену политической борьбы» — заявляли меньшевики, принимая нас, очевидно, за простачков.

Участие на собрании меньшевиков дало мне основание снова настаивать перед Комитетом на пересмотре вопроса о блоке, и вследствие упорства членов Комитета я потребовал срочного созыва пленума райпаркомов (Чечелевского, Амурского и др.) для обсуждения этого вопроса.

Пленум состоялся в доме Совета и затянулся до поздней ночи. За блок выступали С. И. Гопнер, Квириг и Ройзман, против блока выступал только я. В результате необходимость блока была подтверждена. Моя точка зрения была поддержана только одним товарищем (кажется, тов. О. Власенко). Тут же по моему настоянию было решено созвать в ближайшие дни общегородское партийное собрание по этому же поводу.

Учитывая настойчивость членов Е. К., а также прекрасно зная настроение рабочих, поскольку в это время я работал секретарем Брянского завкома, и в частности отношение рабочей части нашей партии к блоку, и учитывая тяжелые последствия такого блока в дальнейшем, я потребовал разрешения открыть дискуссию в нашей газете «Звезда».

На следующий день в «Звезде» была напечатана моя статья против блока и статья редакции в ответ на мою статью. Партийная организация и рабочие массы были втянуты в эту дискуссию.

Замечательно то обстоятельство, что тов. Копылов, которого я глубоко уважал, как лучшего большевика в Комитете, молча голосовал за блок, а дискуссия со мной в печати не только не выдвинул ни одного самостоятельного возражения, а целиком и полностью повторял доводы С. И. Гопнера.

Общегородское партийное собрание состоялось через несколько дней в саду (бывшем Трезвости). Оно было необычайно многолюдным. Прямо с работы с заводов и мастерских пришли рабочие — члены партии на собрание. Настроение было нервное. Вопреки обыкновению в президиум была предложена не одна кандидатура, а несколько. Докладчиком на этом собрании выступил не член комитета, как это всегда бывало, а профессор Маковский. В своем докладе, очень хорошо построенном, он говорил об истории земского и городского самоуправления, о конке, водопроводе, городских налогах, канализации и всем прочем, о чем полагается говорить в таких случаях, ни одним словом не обмолвившись о лозунгах

нашей партии, уже организовавшей пролетариат к захвату власти. Содокладчиком выступал я, доказывая ошибочность решения Е. К. по вопросу о блоке, недопустимость отступления от общих наших лозунгов, ненормальность того, что Е. К. по вопросу о программе деятельности в связи с выборами в Городскую Думу плетется в хвосте у меньшевиков. Как на образец подыгрывания под меньшевиков, мною было указано на выступление докладчика Маковского. Вслед за мной в защиту решений Е. К. выступали Б. Ройзман, Шалыт, С. И. Гопнер, которые возражения против блока называли анархическими. Вслед за выступлением членов Комитета один за другим стали выступать рабочие, которые, целиком поддерживая антиблоковскую точку зрения, «приперли Комитет к стенке».

В конце прений слово взял тов. Квириг, который, желая смягчить создавшееся положение, указал, что Е. К. должно быть не совсем точно учел настроение масс.

Собрание, продолжавшееся до глубокой ночи, всеми голосами (в том числе и Квирига) против полутора десятка постановило блок с меньшевиками и бундовцами разорвать и идти на выборы в думу со своим самостоятельным списком, со своими боевыми лозунгами, избирательную кампанию превратить в кампанию мобилизации рабочих против меньшевиков для захвата новых позиций по пути к полному захвату власти.

Разрыв блока общим партийным собранием вызвал необычайный вой меньшевиков и бундовцев, оказавшихся изолированными и от с.-р. и от большевиков, и огромный подъем настроений в рабочих массах.

На следующий день Е. К., обсуждая вопрос о выборах, поручил мне редактирование отдела по выборам в Думу в газете, хотя я никогда ранее спецом-журналистом не был.

Меньшевики и бундовцы, озлобленные разрывом блока, задолго до выборов начали травлю большевиков, выделяя особо тех, которые, по их мнению, были повинны в провале блока.

Выборы в Думу дали блестящие результаты. В рабочих районах не прошел в Думу ни один меньшевик, ни один с.-р. Свои голоса меньшевики и с.-р. получили от приказчиков и чиновников города. По своей численности наша фракция оказалась в Думе второй, но фактически первой, так как с.-р., имевшие более нас на одно-два места, имели в своем составе и часть еврейских социалистов.

По нашему списку в Городскую Думу прошли: т. т. Г. И. Петровский, Э. Квириг, Копылов, Бек, Григорьева, Гопнер, Шалыт и другие, при чем нашей фракцией был выделен председатель Городской Думы — Г. И. Петровский, взамен чего с.-р. выговорили себе право провести городским головою и председателем Городской Управы Осипова.

Выборы в Думу дали нам возможность подсчитать свои силы, определить настроение рабочих масс, а главное — мы получили возможность втянуть десятки тысяч рабочих в активную борьбу, которую мы вели с меньшевиками и с.-р.

Результаты выборов ни для кого не оставляли сомнения в решительной передвижке сил, произошедшей со времени Февральской революции. Поэтому

первое заседание новой Городской Думы фактически превратилось в интересную дискуссию о дальнейших путях революции. Каждая фракция оглашала свою декларацию, спешила сказать о своем политическом «кредо», так как чувствовалось, что дни господства соц.-соглашателей сочтены.

Многие из нас тогда же указали, что Дума неизбежно сделает попытку стать новым политическим центром.

По мере того, как меньшевики и эсеры будут терять свое влияние в Совете, Дума будет все более противопоставлять себя Совету. Такое мнение, как показали последующие события, было безусловно правильным.

По мере того, как мы все более завоевывали массы, а меньшевистско-эсеровский Совет свое влияние терял, по мере того, как мы приближались к Октябрю, заседания Думы становились все более бурными, борьба становилась ожесточеннее. Все чаще и чаще на повестку дня Думы ставились политические вопросы, либо стоявшие на повестке дня вопросы хозяйственного значения связывались с общеполитическим положением, и в результате происходили горячие схватки. Соотношение сил было таково: 21 большевик и против нас вся остальная кадетско-сионистско-петлюровско-меньшевистская Дума под общим руководством эсеров и меньшевиков.

Скоро о дискуссиях в Городской Думе стало известно рабочим массам, и заседания стали привлекать много гостей из рабочих, которые таким образом втягивались в борьбу, происходившую в Думе.

Особенно разгорелись «страсти», когда Совет был переизбран, и в нем оказалось наше подавляющее большинство. Городская Дума с этого момента превратилась в цитадель контр-революции, откуда Совет неоднократно подвергался ожесточенным нападкам, а в дни вооруженной борьбы и в последующее время Городская Дума выполняла самую гнусную роль.

В течение долгого времени после 27 октября городской голова Осипов издавал за своей подписью бюллетень Городской Думы, который заполнялся всякого рода провокационным материалом, подчас граничившим с открытым призывом к погрому над Советом и большевиками.

На одном из заседаний Городской Думы тов. Копылов, имея на руках экземпляр такого погромно-черносотенного листка, распространяемого по городу, потребовал внеочередного слова. В прекрасной речи, полной революционного гнева, он разоблачал контр-революционную сущность Думы и ее головы — Осипова.

Его речь неоднократно прерывалась возмущенными членами Думы. Осипов «обиделся» и потребовал доверия. Кто-то внес предложение об исключении Копылова из состава Городской Думы. Из публики раздаются иронические возгласы: «и вообще всех большевиков».

Председатель (Г. И. Петровский был в Москве) Майкапар (эсер) поставил на голосование сначала вопрос о доверии Осипову. Доверие было выражено всеми при воздержании нашей фракции. Тогда тов. Копылов поднялся, заявив, что считает невозможным для себя оставаться в составе контр-революционного собрания. За ним поднялось два-три гласных — большевика.

Для фракции выступление Копылова было неожиданным, еще более неожиданным был его уход, поэтому она и не реагировала на него единодушно и организовано.

В дни вооруженной борьбы в самом Екатеринославе эта же Дума пыталась производить общественное давление на нашу партию.

Однако, сил у нее хватило только на уничтожение значительного количества чая и бутербродов. И после захвата власти большевиками она еще значительное время влачила свое существование и продолжала сквернословить по адресу молодой советской власти, сильной своей связью с рабочими массами.

РАБОТА ПРОФОРГАНИЗАЦИЙ

Уже из ряда воспоминаний, опубликованных в «Летописи Революции», известно, что ко времени Февральской революции в Екатеринославе существовал лишь один союз торгово-служащих, в котором хозяйничали члены еврейской социалистической партии — Рабинович, Затуловский, Эпельбаум и другие.

С первых же дней Февральской революции мы начали лихорадочную работу по организации союзов, так, напр., по инициативе т. т. Н. Копылова и Илюши Орлова стал организовываться союз металлистов. Почти одновременно стали организовываться союзы портных при участии тов. Наума и моем, прачешников (С. Бергмана), пекарей (моем и впоследствии Шуба), кожевников, портовых рабочих и т. д.

Организация всех основных союзов проходила почти исключительно по инициативе большевиков, при самом их деятельном участии. Однако, несмотря на это, все союзы почти целиком к моменту их оформления оказались в руках меньшевиков.

Даже в таком союзе, как портных, где у нас больше всего было работников, правление оказалось в большинстве меньшевистским. Такому положению вещей способствовали следующие обстоятельства: 1) господствующее положение меньшевиков в Совете, создавших при президиуме Совета нечто вроде бюро труда и примирительной камеры, при помощи которых они укрепляли свое положение в союзах; 2) позиция центрального бюро фабзавкомов, существовавшего при Совете (во главе стояли Мейтин и Ф. Татько), имевшего тесную связь со всеми предприятиями; ЦБ фактически выступало как меньшевистский профессиональный центр, всюду организованно противодействуя нам; 3) отсутствие в нашей организации достаточного кадра сильных работников, которых можно было бы выдвинуть для постоянной работы в союзах и 4) недостаточное внимание Е. К. к профдвижению вообще.

Созванное мною по поручению Комитета собрание представителей профсоюзов для организации Центрального Бюро профсоюзов сразу же определило соотношение сил в пользу меньшевиков.

Центральное Бюро профсоюзов было сконструировано исключительно из меньшевиков. Только лишь после этого скандала Е. К. стал уделять вопросам профдвижения значительно больше времени и внимания.

Тов. Н. Копылов стал работать секретарем фабзавкома объединенных трубных заводов, Квириг — в фабзавкоме Брянского завода, ввиду особого значения этого завода; заместителем Квирига был направлен я. В мае месяце, ко времени общего собрания металлистов, по постановлению Комитета тов. Квиригу было поручено руководство работой фракции, и в результате на общем собрании нами было проведено два члена правления большевика — т. т. Квириг и Григорьева, от меньшевиков же были проведены, между прочим, С. Будник — председателем и Шап — секретарем.

Спустя некоторое время, объединенный Комитет Трубных заводов был сформирован, тов. Копылов был отозван на работу в газете, меня перебрали секретарем фабзавкома на Трубный «с», председателем которого был молодой рабочий, но очень толковый и энергичный большевик — тов. Губанов. Проработал я там около месяца, а затем, вследствие отзыва тов. Квирига с Брянского завода, Комитет перевел меня на Брянский завод секретарем завкома.

Общая обстановка на заводах была приблизительно следующая: каждый день бесчисленное множество мелких и крупных конфликтов по какому угодно поводу, например: такой-то цех готов бросить работу вследствие того, что семьи солдаток не удовлетворены пайком, строительный цех требует немедленного увольнения такого-то инженера вследствие того, что последний зимой без причины расчитал рабочего и т. д. Заводской комитет, имея ряд выделенных комиссий, непрерывно заседал. Заседания происходили в рабочее время, при чем, следуя принципам самой широкой демократии, заседания были открытыми и на них присутствовало всегда много народу.

В связи со все ухудшавшимся материальным положением рабочих и неспособностью ни меньшевистского правления союза, ни конфликтного бюро при СРД добиться отчасти чего-либо конкретного в направлении улучшения положения рабочих, начались стихийные, отчасти при сознательном стимулировании со стороны заводских парторганизаций, перевыборы завкомов, при чем меньшевики проваливались, а выбирались большевики. Некоторые из членов завкомов (Примаченко, Суковенко и др.) сохранили свои полномочия только благодаря тому, что дали торжественное обещание работать вместе с большевиками.

В союзе металлистов мы перешли в наступление против правления и в первую очередь стали требовать внеочередного собрания делегатов. Правление вынуждено было согласиться. На собранном в Городской Думе делегатском собрании настроение сразу определилось в нашу пользу. Председателем был избран Хавский (большевик Брянского завода), секретарем — я. В состав президиума вошел Квириг и ряд других большевиков. Меньшевики растерялись и почти без боя сдали позиции.

Делегатское собрание закончилось избранием в помощь правлению и для усиления связи с ним комиссии в составе трех большевиков: Амосова, меня и одного с Трубного завода (кажется, тов. Копьева).

В несколько более слабой форме разворачивалась борьба в других союзах. Провал меньшевиков на делегатском собрании металлистов послужил сигналом к переходу в наступление на всех участках профессионального движения.

В середине июля выяснился окончательный провал требований, разработанных апрельской Южно-Русской конференцией в Харькове. Министр труда Скобелев не мог разрешить «тяжбы» рабочих с заводчиками, и рабочие, несколько месяцев ожидавшие надбавки, остались не при чем, а жизнь продолжала дорожать. Одновременно вполне определенно наметился нажим со стороны заводчиков на рабочие организации.

Ждать дальше было опасно, так как инициатива могла перейти к случайным элементам, и выступление рабочих могло быть спровоцировано и разбито.

Как начало мобилизации сил, была намечена конференция всех завкомов и правлений союзов.

С санкции Е. К. мною было проведено общее собрание рабочих Брянского завода, на котором была принята резолюция — обращение ко всем екатеринославским рабочим о созыве конференции. В этой резолюции, наряду с характеристикой положения рабочих, был дан и анализ состояния профессионального движения.

Этим самым мы вполне открыто поставили вопрос о необходимости завоевания профсоюзов.

Для организации конференции и разработки порядка дня тут же была выбрана комиссия в составе Хавского, меня и Суковенко. Этой же комиссии было поручено провести собрание от имени Брянского завода на других предприятиях.

После принятия резолюции Брянским заводом, в целях обеспечения за комиссией поддержки других предприятий, мы вступили в переговоры с Советом (бюро завкомов) об его участии в конференции. От Совета в переговорах участвовали: П. Орлов, Ф. Татько и Мейтин. Разговоры были весьма коротки. Сославшись на принятые рабочими Брянского завода решения, мы заявили, что организацию конференции берем на себя. Совету же поручаем открытие конференции и право участия в ее работах. Мы не возражали против ввода в состав комиссии представителя Совета.

Когда через две недели конференция (очень многолюдная) открылась, то сразу же наше положение определилось. Председателем собрания был избран Эпштейн, делегированный на конференцию Е. К., секретарем — я, остальные члены президиума были тоже исключительно большевики, в том числе т. В. Аверин.

Меньшевики провалили. Кое-кто из правлений союзов пытался «бузить», но безуспешно, поскольку подавляющая масса собрания самым решительным образом поддерживала президиум.

Эта конференция, работавшая в течение четырех дней, приняла ряд решений большого политического значения и прошла исключительно под руководством нашей партии. Хотя по ряду вопросов докладчиками были меньшевики и эсеры, резолюции принимались в редакции большевистского президиума.

Во время подготовки к конференции нами были созданы условия, благоприятствующие провалу меньшевиков в союзах, вследствие чего «Борьба» ежедневно огрызалась на нас, называя нашу работу «провокацией раскола профсоюзов», а во время самой конференции, когда с большой определенностью выявилось действительное настроение рабочих, «Борьба» совершенно замалчивала

работу конференции, наша же «Звезда» вела кампанию за полный захват руководства профсоюзами.

Уже в конце июля мы фактически имели среди состава делегатов союза металлистов обеспеченное подавляющее большинство, а в некоторых других союзах — уже и большевистские правления.

В начале августа мы поставили перед правлением союза металлистов вопрос о созыве делегатского собрания для перевыборов правления.

«Поволынив» немного, меньшевики согласились, и собрание было созвано.

На фракции перед открытием собрания по вопросу о составе правления развернулась широкая дискуссия. Часть товарищей с завода настаивала на том, чтобы в составе правления не давать места меньшевикам, мотивируя это между прочим тем, что меньшевики в правлении будут саботировать и мешать работать. Тов. Квиринг настаивал на допущении меньшевиков (3 человек), в целях предупреждения возможности откола отдельных групп рабочих, которые еще идут за меньшевиками. Точка зрения тов. Квиринга была принята значительным большинством. На самом собрании меньшевики категорически отказались войти в состав правления, вследствие чего они были проведены без их согласия, поскольку фракция проводила их по своему списку.

Правление было избрано в составе 15 человек, из них 9 большевиков (Фесенко, Левенко, Рухман, Копьев, Амосов, А. Григорьева, я и др.), 4 меньшевика (Будник, Щап, Голосуй и Петров) и 2 анархиста (Рыбин и Белковский). Правление выделило председателем меня и секретарем Щапа.

Переизбрание правления союза металлистов было сильнейшим и решающим ударом для меньшевиков, поэтому они решительно изменили свою тактику. Оказавшись в оппозиции, они безответственно начали дискредитировать правление, мешать ему работать, при чем не брезгали даже провоцированием рабочих на всякого рода эксцессы, но, к чести екатеринославских рабочих, успеха не имели.

За счет мелких союзов (табачников, печатников) и союза приказчиков и конторщиков меньшевики укрепились в Центральном Совете профсоюзов.

Из «подвигов» меньшевиков считаю необходимым отметить наиболее характерные. На Трубном заводе «с» они пытались спровоцировать рабочих вывезти на тачке инженера, начальника цеха, но благодаря принятым нами мерам и сознательности рабочих им сделать это не удалось; во время переговоров с обществом фабрикантов и заводчиков о коллективном договоре, в целях срыва этих переговоров и дискредитации правления, организовали стачку рабочих нескольких цехов завода Ганке, которая была прекращена через два дня после принятия общим собранием всего завода соответствующего нашего предложения; провоцировали забастовку рабочих силового цеха Брянского завода, которую мы предупредили, получив своевременную информацию; чтобы ослабить наше положение в Центральном Совете профсоюзов, приняли решение об установлении определенной нормы представительства от союзов (не свыше пяти человек); все заседания правления превращали в дискуссионный клуб, при чем дошли до того, что на заседании, где стоял вопрос о посылке делегата на союзное совещание в Харьков по вопросам тарифного характера, в течение двух часов

добивались перенесения выборов на общее собрание рабочих по заводам. Голосуй и Щап выгнали с бранью пришедших в правление рабочих, вооруженных винтовками, мотивируя свой поступок тем, что «история профдвижения не знает случая, когда бы в стенах профсоюзов появлялись вооруженные».

Тов. Копьева, вступившего с ними в спор и доказывавшего, что екатеринославские рабочие принимают участие в творчестве новых страниц в истории профдвижения, они пригрозили привлечь к суду за нарушение профессиональной дисциплины. Этот инцидент они перенесли на обсуждение правления, где их поддерживали анархисты.

Во время боя у Совета, когда члены правления вместе с рабочими у стен Совета отстреливались от гайдамаков, Будник и Белковский в Городской Думе от имени правления металлистов требовали «немедленного прекращения гражданской войны», угрожая в противном случае вывести на улицу тридцать тысяч организованных металлистов на демонстрацию под белыми флагами. Конечно, никто им таких полномочий не давал, в Городской Думе никто им не поверил и их заявление ни на кого никакого впечатления не произвело. После перехода власти в руки Совета провоцировали рабочих, инвалидов, пенсионеров и солдаток Трубных заводов на предъявление правлению союза требования о распределении среди рабочих якобы имеющейся миллионной прибыли и т. д.

Завоевание союза металлистов и некоторых мелких союзов послужило значительным достижением в той общей подготовке к захвату власти, которая проводилась под руководством Е. К.

Большевики, работающие в правлениях союзов, ни на одну секунду не ослабляли своего внимания к тем общеполитическим задачам, которые стояли перед екатеринославскими рабочими в целом. В результате важнейшие выступления Е. К. поддерживались всеми революционными профсоюзами и в первую очередь — правлением крупнейшего из них — союза металлистов.

До історії української революції

(Замітки й документи; грудень 1917 — січень 1918 р.)

ПЕРШИЙ РОЗДІЛ

I

У попередній статті «До історії конфлікту між Радою Нар. Ком. та Центральною Радою» («Літ. Революції» № 2/11, стор. 53 — 85) ми подали документи, які свідчать, що однією з основних причин конфлікту була допомога Центральної Ради Каледіну. Радянська влада не могла припустити, щоб поміщики, буржуазія і офіцери, що збиралися з усієї Росії на Дін, могли зорганізувати кадри контр-революції. Розбити Каледіна та контр-революційні сили, що згуртувалися навколо нього треба, було для зміцнення та захисту інтересів пролетарської революції, що допіру перемогла. Тим-то вільний пропуск козацького війська через Україну ззаду й у фланг радянських загонів, що боролися проти Каледіна, був у той момент переважним питанням що до ліквідації конфлікту.

Та Генеральний Секретаріат вважав, що каледінщина це не контр-революційний рух, а самовизначення Донеччини, яко незалежної країни. Тим-то він і говорив, що, «вимагаючи для себе вільного пропуску військових частин на Україні, ми не перешкоджаємо й комусь іншому в цім; через це саме пропускаємо й козацьке військо, якщо воно того хоче»¹⁾. А козацьке військо й надто його офіцери, безумовно, «хотіли додому», тим-то і пропускано донських козаків чим-дужч.

Що справді являло собою це казацьке «самовизначення» — сам Генеральний Секретаріат чудесно розумів. Його офіційний представник Галаган, що їздив із спеціальною місією на Донеччину й Кубанщину у своїй доповіді Генеральному Секретаріатові просто зауважує, що уряд Донеччини «військовий стан... запровадив тільки за-для того, щоб боротися з більшовиками, та під більшовиками він розумів усіх робітників, а може й усіх не козаків, бо часто заарештовують

¹⁾ В розмові прямим дрогом Винничевка, Ткаченка й делегації Всеросійського Селянського З'їзду .Л. Р., ч. 2 (II), стор. 67.

і не більшовиків. Політика Донського уряду суто-козацька-кастова¹⁾.

Саме про це «самовизначення» повідомила Генеральний Секретаріат робітничої делегація Донеччини, яка прибула до Києва, щоб просити захистити їх од терору козаків, які тоді самовизначалися. Та делегація не туди потрапила. Постановою, яку ухвалено в справі порушеного делегацією питання (це після того, як сам Винниченко у своєму вступному слові зауважив, що козаки «вже одверто виявляють контр-революційні наміри»), починається от як: «Пропуск козацького війська на Дін не припиняти»²⁾. Поданого цілком досить, щоб зрозуміти, що виправдовувано пропуск козачого війська через Україну «самовизначенням» Донеччини тільки для того, щоб прикрити контр-революційну політику самого Генерального Секретаріату, який і сам добре знав, що бреше.

Таким робом, що до одного з найважливіших питань у справі розв'язання конфлікту, Центральна Рада та її уряд провадили цілком ворожу політику.

Не краще стояла справа й з іншими спірними питаннями. Ставлення Центральної Ради до Каледіна, звичайно, не було винятком, а являло складову частину загальної її політики внутрішньої і зовнішньої. Фронт дезорганізовувався далі ще сильніше, особливо після ультиматуму 16 (4) грудня. Всі військові частини, що не хотіли підлягати Центральній Раді, остання чисто скрізь, де вона тільки мала досить сили, роззброювала. Салдатські комітети жорстоко розбивано. Комісарів, призначених радянською ставкою, бито й розстрілювано. Провадилася «українізація» фронту.

На Україні по деяких містах розгнали Ради Робітн. Депутатів; загони Червоної гвардії та частини, що стояли за більшовиків, роззброювано, більшовицьких проводирів арештовано й подекуди наші організації переходили в напівлегальний стан. В цілому внутрішня політика Центральної Ради далі ставала що-раз реакційнішою.

II

Реакційна політика Генерального Секретаріату, його ставлення до Каледіна була органічно зв'язане з його зовнішньою політикою що до Антанти.

Антанта, і насамперед Франція та Англія, спершу так само, як і російська буржуазія, ставилася дуже ворожо до українського руху, бо вважала, що виступає він в інтересах Німеччини й нею підтримується. Українізація південно-західного фронту здавалася військовим агентам Антанти не чим іншим, як знесенням бойової сили російської армії. Та український рух ширився, зроставав його вплив на військо, й це примусило союзників поставитися до нього уважніше. Ще влітку до Києва приїздили агенти французькі й англійські (Пелісе та проф. Піре), щоб ознайомитися з українським рухом і ще тоді налагодили зв'язок із деякими його (О. Шульгін) керівниками. Як остаточна перемога

¹⁾ Протокол засідання Генерального Секретаріату від 20/XII (2 січня) 1917 р. «Л. Р.» ч. 2/II, стор. 78.

²⁾ Протокол засідання Генерального Секретаріату 12 (25) грудня 1917 р., «Л. Р.» ч. 2 (11), стор. 78.

Жовтневої революції та її програма миру і зліквідування імперіялістичної війни почали реально здійснюватися. Антанта мусила вибирати з усього того найменше лихо. Величезний російський фронт, хоч і як слаба була його боєздатність, самим фактом свого існування вимагав, щоб на нього кинули значну частину німецького війська. Перед Францією і Англією постало нагальне завдання, за всяку ціну затримати ліквідацію війни, що почалася на Сході, врятувати існування, якщо не всього фронту, то хоча-б частини його.

І от починають вишукувати нових шляхів та на щоб спертися аби-лиш виконати ці завдання. Як тільки виявилось, що російська буржуазія нездатна дати раду революції, яка швидко розвивалася відразу-ж різко змінилося ставлення Антанти до українського руху. У ньому вже вбачають ту силу, на яку можна спертися в боротьбі проти більшовиків та засіб затримати ліквідацію східного фронту. План створити єдиний український фронт із колишнього південно-західного й румунського до цього вважали за провокацію, а тепер його почали підтримувати військові представники Антанти, які вимагали від найвищого командування, щоб воно плана того реалізувало¹⁾.

Слідом за союзниками та під їхнім впливом до певної міри починає відмінюватися і становлення російської буржуазії до українського руху. Утворилося ніби два центри контр-революції. Велика буржуазія, поміщики, офіцерство збираються на Донеччині і являють правий реакційний фланг проти більшовицького блоку, Київ стає за другий центр, де на певний час (жовтень-грудень) зосереджується дрібнобуржуазна контр-революція. Сюди поз'їздилися лідери російської дрібної буржуазії, які шукали у ставці реальної сили, щоб задушити революцію. Після того, як ставку зліквідовано, усіх їх разом із вищими чинами із пошаною прийняв Генеральний Секретаріат. У Києві складають плани, щоб утворити «Спілку народів», тоб-то федеративне об'єднання україн проти радянського центру. Та досі то були тільки спроби і плани. Допомогли союзники, що виступили яко сила, що об'єднала різні частини контр-революції — Донеччини й України.

¹⁾ Яко один зі стрижів, що ілюструє, як змінилося ставлення найвищого командування до українського руху, варто подати випадок, про який говорить Д. І. Дорошенко. Д. І. Дорошенко — це один із лідерів тієї частини української ліберальної інтелігенції, яка була зв'язана з російськими поступовими елементами й разом із тим була за те, щоб погодити й об'єднати обидві сили за-для боротьби з «поглибленням» революції. «Раз мене викликав до себе, — згадує Д. І. Дорошенко, — новий головний командир південно-західного фронту генерал Володченко. Я поїхав до Бердичева. Штаб уже конав в агонії: фронт розпадався, щезала всяка дисципліна й порядок. Мій давній приятель С. А. Базаров сказав мені, що генерал Володченко хоче ближче знати Генеральний Секретаріат, познайомитися з В. К. Винниченком, так от чи не допоміг-би я влаштувати це якось. Головний командир запросив мене до себе обідати й після обіду в присутності нач. штаб. ген. Стогова, справді повів розмову про те, що добре було-б налагодити контакт із Ген. Секретаріатом, бо-ж, власне, армія південно-західного фронту захищає Україну, й що він сам, ген. Володченко, — українець... ген. Стогов — козак із Донеччини, ставився до цієї справи трохи стриманіше.

Певна річ, я похвалив думку г. Володченка і сказав, що радий усім чисто допомогти здійснити її. Тоді г. Володченко показав мені проекта листа, з яким він мав звернутися до Винниченка, яко голови автономного українського уряду. Та листа цього він не надіслав, а поїхав до Києва сам і був у Винниченка. Але ген. Володченко дуже мало після того був за головного командира». «Історик и Современник», кн. 5, стор. 98.

Військову частину цієї роботи союзників яскраво ілюструє перехоплена Радою Нар. Комис. шифрована телеграма, послана 28 листопада 1917 р.: «Французька військова місія на румунському фронті, — читаємо ми в перехопленій шифровці, — одержала термінові інструкції французького уряду, щоб зав'язати тісні стосунки й з усієї сили підтримувати українську Раду, після того, як вона висловилася за те, що підтримуватиме лад та за те, що складе угоду на мир у згоді з союзниками. Чини французької місії працюють у безпосередньому зв'язку з Радою, французи так само мали вказівки з усієї сили підтримувати спокій румунського фронту.

За моїми відомостями, французи спільною працею з тим урядом, що тут утворився; сподіваються підтримати видимість російського фронту до лютого чи березня і відволікти остаточне замирення до весни, попередити підготування німцями весняної кампанії на західному фронті.

А весною будуть сприятливіші умови, щоб замиритися всім країнам.

За розрахунком французів, українізовані частини можуть затримати румунський фронт та частину південно-західного фронту, на якому стоять нині українці. На Дін відряджено особливу комісію з кількох французьких офіцерів, щоб за згодою з військовими колами забезпечити постачання рум. та півд. фронту вугіллям та всім іншим і зокрема закупити в козаців до 100 тис. пуд. хліба. Замирення, пропонуване пом. головком. Рум. по-за генералом Раттель, викликало цілковите незадоволення останнього, французи запевняють, що румуни погодилися замирити дуже радо, а це свідчить ще більше про те, що вони потай од союзників давно робили спроби розпочати переговори з Німеччиною про сепаратний мир»¹⁾.

Ця телеграма трохи відслонила завісу над таємними переговорами, що саме тоді провадилися між Антантою і українцями. Неймовірно швидко союзники зав'язують стосунки з українськими державними і громадськими установами й організаціями, пропонують Генеральному Секретаріатові фінансову й технічну допомогу.

Вже 15 (3 грудня) французький представник при штабі південно-західного фронту, генерал Табуї поспішає повідомити Винниченка, що «хоч союзні держави ще не ухвалили офіційної постанови що до України, то мені вже було доручено передати г. Шульгіну (Генеральний Секретар Закордонних Справ — М. Р.) симпатію за ті зусилля, яких вживає український уряд, щоб завести лад, відновити силу, на яку можна було — б спертися та бажання лишитися вірним союзником»²⁾.

Отже, політика Генерального Секретаріату вже в грудні викликала симпатію союзників. Представники антантівського імперіалізму, а втім, люди діла, вони не обмежилися тим, що висловили симпатію і не гаяли часу, і «я вважаю за свій обов'язок, — говорить далі той самий французький генерал, — не чекати офіційного

¹⁾ Газета «Новая Жизнь» Ч. 202. 15 (28) грудня 1917 року.

²⁾ Ноти подано В. Винниченком у «Відроджені нації», стор. 232 — 243, та уміщено так само у журналі Ліги націй (Société des Nations ч. 88, Annexs VIII p. 19 — 20).

мандату і просити побачення з Вами, щоб не марнувати дорогого часу (куди там чекати, час гарячий! — М. Р.), щоб не захопили нас несподівано, як треба буде виступати... Учора увечері я одержав наказа просити Вас, з метою фінансової і технічної допомоги, яку може дати Україні Франція, визначити точніше й передати як-найшвидче до французького представництва програму, яку український уряд має на думці реалізувати».

Незабаром після того (21 грудня за стар. ст.) генерал Табуї офіційно повідомив Шульгіна про те, що його призначено французьким представником при Генеральному Секретаріатові. Другого дня урочисто в супроводі генерала Арке, полковників Ваніо й Дено його прийняв голова уряду в присутності інших генеральних секретарів, і тут знову французькі дипломатичні військові агенти запевняли від імени своїх урядів, що «Франція підтримуватиме всіма своїми моральними й матеріяльними засобами й силами зусилля, яких ужила українська республіка до того, щоб піти тим шляхом, якого накреслили союзники та яким вони йтимуть і далі певні свого права та своїх обов'язків перед демократіями усього світу й усієї людности»... І далі, він кінчає, що Франція вважає, що від нині вона розпочала офіційні стосунки з Україною¹⁾.

Слідом за Францією і Англія, яку теж, очевидно, спонукали «обов'язки перед демократією та перед людністю всього світу», поспішає призначити своїм офіційним представником колишнього одеського генерального консула Піктона Багге. Останній що до своїх намірів «допомогти» Україні ставить питання одвертіше. У своєму офіційному повідомленні про своє призначення він пише, що його уряд: «Буде підтримувати з усієї сили український уряд що до накреслених останнім прагнень до того... щоб підтримувати лад та до війни з Центральними державами, ворогами демократії і людности»²⁾.

Та справа не обмежилася самим формальним визнанням.

«Демократи» французького й англійського імперіялізму — великі «матеріялісти», щоб зміцнити свої дипломатичні кроки, пропонували фінансову допомогу в формі позики, не гидували пропонувати і просто хабаря деяким особливо «щирим» борцям із більшовизмом. Так, приміром, другого дня на засіданні Генерального Секретаріату 23 грудня (ст. ст.) вже обмірковувалося питання про позику: «Слухали: пропозицію генер. секретаря Шульгіна, — читаємо ми у протоколі засідання Генерального Секретаріату, — принципово обмірковувати справу з позикою у Франції, яка це пропонує». В преніях що виникли, Золотаріов пропонував замість зовнішньої позики зробити внутрішню позику. Зільберфарб пропонував організувати лотерейну позику, а Коліух повідомляє, що на «Україні тепер доводиться годувати румунську армію, яка споживає коло 6 мільйонів пудів хліба й фуражу що-місяця. Румунія, щоб заплатити за це, пропонує видавати чеки на французькі й англійські банки». У наслідок Генеральний Секретаріат ухвалив постанову: «Чеки румунського уряду

¹⁾ Там - же.

²⁾ Там - же.

на французькі та англійські банки, як плату за харчування румунської армії, приймати»¹⁾).

Очевидячки, французів не задовольнила ця половинчата постанова попереднього засідання й вони через свого прибічника Олександра Шульгіна знову поставили питання про позику: «Слухали, — читаємо у протоколі засідання Генерального Секретаріату 29 грудня (ст. ст.), — повідомлення Генерального Секретаріату Шульгіна, що Франція пропонує Українській Народній Республіці скласти з нею угоду на позику до 500 мільйонів». На цей раз постановили: «Обміркування цієї справи відкласти» (курсив наш—М.Р.²⁾).

Як бачимо, другий раз питання про позику поставлено виразніше і пропонувано досить велику суму. Питання відкладено, безумовно, не через те, що принципово не хотіли брати грошей, а через те, що саме тоді хиталися і вагалися між антантівською та німецькою орієнтацією і не можна було позикою в'язати собі рук.

Та якщо справа з позикою у французів не вигоріла, то зате іншого характеру «позики» бралися з успіхом. Про це просто й одверто пише тодішній член ЦК українських есерів Павло Христюк, що, безумовно, добре знав закулісні справи «історичного кону». «Коли уряд Керенського упав, — читаємо ми у нього, — антантські представники в Києві таки добре заходилися біля українців; між іншим, щоб прихилити на свій бік українців, вони пустили «в ход» між певними українськими колами навіть «франки». Помітниця «Антантофіли» одержали в той час немалі суми. Частина цих сум (10.000 карб.) призначалося якимсь чином через М. Порша навіть «Робітничій Газеті»... були якісь грошового характеру звязки антантівських агентів і з деякими членами залізничних українських організацій». (Христюк «Укр. Революція», кн. 2, ст. 92).

Таким чином Антанта просто і скісно з позиками та зі звичайними підкупам за - для «демократії і людности» використовувала український національний рух, щоб якось затримати і зволікти кінець війни, щоб задушити більшовиків, які пішли проти волі світового імперіялізму, з тим, щоб революційним шляхом припинити криваву різанину. Та хоч антантівські агенти виявили багато спритности й енергії, плани їхні провалилися. Провалилися, бо спілка Центральної Ради з Антантою ховала в собі непереможні суперечности.

Найголовніше, що заважало перевести цю справу, так це те, що зазначена спілка говорила про те, що війна тягтиметься далі. Генеральний Секретаріат та Центральна Рада могли до якогось часу виступати у спілці з Донеччиною і Каледіним проти більшовиків, Генеральний Секретаріат міг силуватися провадити реакційну політику «ладу і спокою», тоб - то захищати приватну власність. Усе це ще не перечило інтересам тих соціальних верств, на які вони спиралися. Та провадити таку політику й разом із тим провадити далі війну було, з одного боку, не на користь і куркулям, а, найголовніше, це викликало

¹⁾ § 12 протоколу засідання Ген. Секретаріату 23 грудня 1917 року.

²⁾ § 12 засідання Генерального Секретаріату 29 грудня 1917 р. На оригіналах обох протоколів стоять підписи Винниченка, Шаповала, О. Шульгіна, Коліуха, Д. М. Антоновича.

ворожі відносини реальної сили з сьогонішнього дня — салдатської маси. Як пригадаємо, що вже 5 грудня Раднарком ухвалив постанову про загальне тимчасове замирення, а 22 грудня почалися мирні переговори в Бересті-Литовському, то зрозуміємо, що примусити своїх українських салдатів лишатися на фронті, а великоруським давати наказ розходитися додому (Петлюрини накази), було цілком неможливо. Українські есдеки разом із федералістами п'ялися з усієї сили і гнули антантофільську лінію, та через себе не перескочили. Хоч і як вабило визнання «великими-демократичними державами», хоч і дуже приємно було зразу-ж одержати велику позику в 500 мільйонів, хоч і як тепло було декому від неофіційних «позик», які йшли до кешень, та все-ж в умовах на кінець грудня 1917 року додержуватися антантівської орієнтації було все одно, що враз зломити собі в'язи, надто-ж після того, як маси вже уявили собі справжню фізіономію Центральної Ради.

Політика Радянської влади що до миру спокунала Генеральний Секретаріат провадити аналогічну політику. Винниченко якось на одному засіданні мусив сумно зауважити, що «маси відходять», що «за більшовиками нам не по-стигнути».

Та крім питання про мир та про припинення війни, питання, що тільки тимчасово мало переважний характер, була ще друга причина, яка заважала спілці з Антантою та що мала глибше коріння. Французька й почасти англійська буржуазія визнали самостійність України в грудні 1917 року, вони розкидали туди й сюди гроші, вибирали, як ми казали вже вище, з усього того найменше лихо. Безумовно, що тільки через безсилля російської буржуазії котра не змогла першими часами зорганізувати хоч трохи сильної контр-революції, Антанта мусила зробити все, щоб тільки не дати Україні вступити до спілки з Німеччиною, з одного боку, і щоб залякати Румунію, яка в той час провадила таємні переговори про сепаратний мир — з другого.

По-за цим тимчасовим (доки закінчиться світова війна) зацікавленням, визнання Антантою України суперечило постійним інтересам Франції і почасти Англії: для них угода з ворожою Україною, російською промислово-фінансовою буржуазією була надмірно важливішою¹⁾.

III

Спілка з Антантою не вдалася. Правда, як уже зазначалося, не Генеральний Секретаріат був тому виною, він з усієї сили старався її здійснити. Та фактична неможливість угоди з Антантою не говорила про те, що Генеральний Секретаріат, хоч один день провадив свою політику, незалежно від світового імперіалізму. Відносини й переговори з Антантою провадилися далі, а разом із тим,

¹⁾ Тут слід зауважити, що після того, як припинилася світова війна, як не стало цього тимчасового зацікавлення, ні Франція, ні Англія і слухати не хотіли про самостійність України. Коли представники Директорії і Петлюри нагадували представникам Франції і Англії про їхні офіційні акти що до визнання у грудні 1917 року та січні 1918 року, ті відповідали їм у самий неясний спосіб, що, мовляв, це визнання в дійсності не було визнанням, що то було за інших часів: умов і т. ин.

правда, інша частина «єдиного національного фронту», переважно українські есери, провадили переговори з Німеччиною. Треба пам'ятати, що в ті часи основним тлом розвитку подій була імперіалістична війна. Незалежно від часу й місця, на суходолі й на морі, у повітрі й під водою, куди тільки простягалася на нейтральному ґрунті рука однієї з ворожих країн, жадною помилкою не буде, коли сказати, що туди простягалася і рука іншої сторони з ворожого табору. Якщо, з одного боку, все робили за «франки», то, з другого боку, сипалися «марки». Тільки пролетарська революція, що вихопила з чіпких обіймів імперіалізму Радянську Росію, зуміла стати одночасно проти всього фронту: «франків», «фунтів», «доларів», «марок», «крон».

Та, звичайно, не грошове питання було переважним чинником, який обумовив перемогу німецької орієнтації. Справа полягала в тім, що орієнтувалися на Німеччину через те, що це розв'язувало не тільки питання що до ліквідації війни, а сприяло й забезпеченню деяких важливіших інтересів національного руху української буржуазної демократії.

Ми тут у рямцях даної статті не можемо докладно зупинитися на аналізі історичного коріння німецької орієнтації, а подаємо тільки саму схему питання.

* * *

Кінцевою метою український національний рух ставив собі об'єднати всіх, що являли суцільну територію, заселену переважно українцями, і заснувати з цих земель цілком самостійну державу. Здійснення цього завдання, зв'язаного з приєднанням до «російської» частини України, Галичини й Буковини та з розв'язанням спірних територіальних питань із Польщею, робило українське питання міжнародним не тільки для східної Європи, а й далеко по-за її межами. В українському національному русі на початку XIX століття в відношенні до німців й Германії можна грубо накреслити дві доби: перша починаючи з роботи українських елементів Сполучених Слов'ян, охоплює Кирило-Методієвське братство й тягнеться до Драгоманова включно. За цієї доби рух мав панслов'істський, ворожий германізові, характер. Його ідеологи були федералісти, тим-то вони й мислили собі відродження єдиної України, як частини загальнослов'янської федерації. Драгоманів, не зважаючи на свій «вропеїзм», вбачав у німецькому «Drang nach Osten» найбільшу небезпеку, що загрожувала слов'янству. Не зважаючи на свою ворожість до російської великодержавности, хоч і розумів, що з нею органічно зв'язані ліберальні поступові елементи тодішнього російського суспільства, Драгоманів у демократизації і федералізації Росії, а не в зовнішній допомозі з Заходу, вбачав для України розв'язання її національної проблеми. Звідци (в даному разі, а взагалі й не тільки звідци) його родичання з земськими ліберальними колами.

Та вже під кінець XIX століття й на початку XX слов'янське питання було вже до певної міри розв'язано. Балканські слов'яни домоглися незалежності, чехи і словаки на ґрунті капіталізму, який бурхливо розвивався,

утворили свій міцний національний рух, що ставив перед себе самостійні завдання, які часто розходилися із загальнослов'янськими інтересами.

На сході Європи лишилися самі поляки й українці. І от нове покоління української радикальної інтелігенції, що гуртується в Галичині у цих нових конкретних умовах міжнародніх взаємин, неминуче відійшло від романтичного федералізму з його пансловітською оманю. На зміну виступила реальна політика, яка зважала лише на реальні факти: для неї вугілля на Донеччині, криворізька руда та пшеничний експорт мали більше значіння, ніж романтичні й месіянські ідеї пансловізму.

У самій Галичині вперта боротьба з поляками спричинялася до певної на якийсь час близькості між ліберально-буржуазними колами української інтелігенції та третьою силою—Австрією. Рівнобіжно все питання про повернення Польщі незалежності було органічно зв'язано з Україною на сході, а з Німеччиною на заході. Історична боротьба по-між українцями й поляками, яка провадилася в літературі й публіцистиці, тривала одночасно з боротьбою, яку провадили поляки проти знічужування своїх західніх провінцій. Крім того, політика царського самодержавства, яку підтримувала російська буржуазія, не давала жадної надії сподіватися, що від Сходу можна домогтися значних досягнень що до українського питання. Усе це в цілому неминуче вабило очі українських діячів на Захід у бік Німеччини й Австрії. Протигерманізм першої доби мусив пірнути в минуле (ми тут не ставим питання про суперечності між Австрією та Німеччиною в Українські проблеми).

Для Німеччини Україна, яко самостійна держава, могла бути підмогою, що одноразово виконувала два завдання: по-перше, відбивала в Польщі хіть до «історичних кордонів од моря до моря», по-друге, знесилювала Росію тим, що від неї відокремлювала важливу її частину. Самостійна Україна, що перебувала під впливом Німеччини, розв'язувала відразу дві проблеми східної політики Німеччини.

Якщо до початку світової війни ці плани і згоди впливали переважно в головах українських ідеологів та громадських діячів і почасти в генеральних штабах, то з війною вони почали реально здійснюватися. З полонених українців у Німеччині закладається спеціальні табори, де провадиться широку роботу що до культурного розвитку полонених на національному ґрунті. З охоческомонних формується військові загони, що поклали початок дивізії «синіх жупанів».

Царська політика жорстокого переслідування українського руху та найсправжнішого його фізичного нищення, підчас окупації Галичини, неминуче мусила зміцнити «сепаратистські течії». Даремне російська буржуазія, з її ідеологами кадетами, кричали про український сепаратизм. Це були природні і звичайні наслідки царської політики, яку провадили за німою згодою самої російської буржуазії.

Таким робом, ще до революції до певної міри склалася й розвинулась думка про те, що розв'язати українське питання можна тільки за допомогою зовнішньої сили й то, в разі, коли буде розбито царську Росію.

*
*
*

Лютнева революція відсунула питання про німецьке орієнтування. Український національний рух, що набув завдяки революції глибокого масового характеру, сподівався від неї і чекав розв'язання тих проблем, що перед ним стояли. Якщо й були зовсім незначні елементи, що все ще вбачали в Німеччині панацею від усякого національного лиха, то однаково думки ці не ширилися, бо патріотичний чад перших місяців революції, звичайно, не сприяв добрим умовам для такої агітації, яка дискредитувала - б увесь український рух, яко справу «німецьких агентів» і т. ин.

Дальший розвиток революції і політика, спершу суто-буржуазного, а потім коаліційного уряду, загострили стан. Тимчасовий уряд що до українського питання провадив далі царську політику. Колишні таємні угоди, що задовольняли Румунію і почасти Польщу рахунком української землі (Буковина й т. ин.) зберегли свою силу. Коли Д. І. Дорошенко, якого було призначено на комісара Галичини, проти волі Мілюкова, відвідав останнього, щоб погодити деякі спірні питання, то Мілюков сказав йому: «А чи відомо вам, що ми зобов'язалися згідно з таємною угодою (він назвав дати) поступитися Буковиною для Румунії». Я відповів на це, — пише Дорошенко, — що національне чуття українського суспільства з цим миритися не буде... «Ну, що-ж робити, та тільки ви глядіть, нікому не говоріть про існування цієї угоди... Особливо будьте обережні що до поляків, бо їх уже й зараз трохи бентежить ваше призначення, яко українця»¹⁾.

Цей випадок, а разом із ним ще низка інших фактів уже свідчили про те, що сподіватися добра від російської буржуазії нічого. Перший час керовничі кола українського національного руху (а тоді ще велику силу мали помірковані елементи колишн. «туповців») сподівалися домогтися від російської буржуазії та демократичної дрібної буржуазії, яка йшла за нею, значних уступок. Та спроба скласти угоду, що зробили Церетелі, Керенський та Терещенко, які прибули до Києва, щоб гасити українську пожежу, провалилася, бо її зірвали кадети. Навіть помірковані кола українців, що гуртувалися біля федералістів, не задовольняли російської буржуазії. Вона не хотіла ділитися монополією визиску та матеріальними привілеями, які мала бурж. інтелігенція владної нації, що допіру одержала до повного свого розпорядження увесь державний апарат. Російська буржуазія не взяла до уваги (й тим самим зробила одну з своїх згубних помилок), що слаба, яка тільки - но народжується, українська буржуазія та буржуазна інтелігенція зв'язана з куркульством, зуміє, як прикриється українським національним прапором, заручитися допомогою (бодай на короткий час але час великого значіння) селянських мас. Російська буржуазія не відчувала всієї глибини тієї безодні, над якою вона провадила свою політику. Вона не зуміла об'єднати двох контр-революційних таборів — «свій свого не пізнав».

¹⁾ В. І. Дорошенко. «Война и революция на Украине», «История и Современный» кн. 5.

Лідери дрібної буржуазії російські меншовики й українські еседеки краще, ніж кадети, зрозуміли історичну необхідність припинення боротьби з українцями та спілки проти спільного, що наступав, ворога — пролетаріату. Вона добре відчувала, що насувається лихо. Українські еседеки разом із фєдаерлістами з усієї сили хотіли скласти угоду, їм допомагав Церетелі й Керенський, та справжнім диригентом і господарем політики коаліційного уряду була буржуазія, що помилково вважала компроміс не вигідним для себе. Здавалося, що як російська дрібна буржуазія після корнілівського бунту ніби почала, всупереч бажання своїх лідерів, відігравати політичну роль: тимчасовим виходом із того стану (в якому вона опинилася) буде угода з нею. Та виявилось, що на дрібну буржуазію та на її силу покладатися нічого, між керівничими елементами українського руху що-раз гостріш поглиблювалися розходження. З одного боку, революція розвивалася далі, і влада переходила до пролетаріату, а це йшло всупереч соціально-економічним інтересам тієї частини української інтелігенції та куркульського селянства, що з нею зв'язане, та що керувало рухом і вело тут перед, з другого-ж боку, перемога реакції загрожувала не лише розвитковій національного руху, а й тим наслідкам, яких уже досягли.

Зупинити розвиток революції було не можна. Тоді Центральна Рада вирішила спробувати на короткий час відіграти роль третьої «нейтральної» сили. Проте, це могло тривати лише до рішучої перемоги хоч революції, хоч реакції. Коли перемогла пролетарська революція і буржуазію було розбито, Центральна Рада неминуче стала контр-революційною силою. Та революційна роль, яку вона іноді відігравала, завдяки своїй боротьбі з коаліційним урядом, — закінчилась.

* * *

Природним і логічним виходом із цього становища для дрібно-буржуазної Центральної Ради була спроба відмежуватися від революції і оголосити цілковиту самостійність. У процесі здійснення цього плану збіглися максималістські вимоги національного руху та захист соціально-економічних інтересів куркульської частини українського селянства. Центральна Рада неминуче вступила в спілку з контр-революцією і тим самим загубила допомогу з боку переважної частини трудящих мас. Коли виявилось, що, щоб здійснити цього плана, Центральній Раді нема чого сподіватися на допомогу від трудящих у самій країні, вона природно на-далі мусила звертатися до зовнішньої сили. Ми вже зазначали, що Антанта не могла стати цією силою з деяких причин. Логічно й неминуче нею стала Німеччина.

Німецька орієнтація, про яку забулися на початку Лютневої революції, знову почала користуватися що-раз більшим кредитом. Той самий ідеал, що виник задовго до світової війни та розвинувся і оформився в її процесі, знову ожив і почав в нові інтерпретації набувати чим-далі більшої сили по-між українською буржуазною демократією.

IV

Чим саме пояснити політику Генерального Секретаріату? Що саме штовхало його в обійми контр-революції?

Відповідь на поставлене питання дає аналіз: 1) соціально-економічного коріння тих класових сил, на які спиралася Центральна Рада і 2) аналіз постановки і програми реального здійснення української національної проблеми.

У завдання цієї статті не входить подати вичерпливі дані що до цього питання, ми спробуємо тільки в загальних рисах накреслити його схему¹⁾.

Український національний рух охоплює селянство, висунуте в процесі розвитку капіталізму його заможною частиною про шари інтелігенції і почасти пролетаріят ще зв'язаний із селом.

Основною базою всього руху було селянство й село. Місто вважалося «чужим», яке ще треба було завоювати. Соціально-економічна диференціація села, чи звичайно не помічалася, чи свідомо замазувалася. Гадали, що селянство взагалі єдине й має однакові інтереси в революції.

Тоді, як диференціація українського села була помітніша, ніж села російського, взятого в цілому, питання ставили так, що розв'язати аграрне питання можна, зліквідувавши тільки велике землеволодіння, а куркульських господарств можна й не зачіпати. Ми не будемо подавати тут докладних статистичних даних, а тільки зазначимо, що розмір засівної площі поміщицьких господарств становив трохи менше за п'ятої частини всієї засівної площі 1916 р. (3.263,000 десятин з усієї площі на 17.288.000).

А засівна площа куркульських господарств, за винятком тієї землі, що належала їм згідно з урівняльною нормою, становила, остільки помітну величину, що у сподіванках та надіях селянства що до прирізки й розподілу землі, вона мала величезну вагу. Особливо по тих мало забезпечених землею районах, де поміщицької землі було мало або й зовсім не було. Тут куркульські лишки набували великої переважної ваги у класовій боротьбі на селі.

Треба взяти до уваги, що на кінець 1917 року куркулі забрали собі ніби свою власну, орендовану ними в поміщиків, землю і у значній мірі перші скористалися із ліквідації поміщицьких економій, яка тоді почалася. Таким робом диференціація селянства на кінець 1917 року, безумовно, ще збільшилася, коли порівняти з тим, що було напередодні Лютневої революції.

Отже, розв'язання аграрного питання на зразок «чорного переділу» або до певної міри урівняльного розподілу землі, якого вимагали маси незаможного й середняцького селянства, потребувало не лише зліквідування великого поміщицького землеволодіння, а вимагало ліквідації в той чи інший спосіб усіх

¹⁾ Мусимо зауважити, що конкретна історія подій у поодиноких випадках, які не мають ухвального значіння, могла ухилитися, а то навіть і йти всупереч тій схемі, яку ми накреслювали. Та ми вважаємо, що правдивість її визначається не цими другорядними фактами, а основними переважними, що нею охоплювалися загалом і цілому.

лишків, що перевищували пересічну норму куркульського господарства. У соціальній боротьбі що до цього питання, власне, і полягає основний стрижень дальшого розвитку революції на Україні. Далі обмеженої буржуазно-демократичної революції Центральна Рада йти не могла, щоб не змінити своєї соціальної суті. Вона могла неспішно й нерішуче погодитися зліквідувати велике землеволодіння, це не перечило інтересам куркуля, що мостився одержати найситіші шматки поміщицьких маєтків та їхніх земель, а вже хіба в крайньому разі ними затулити пельву незаможникам. Куркуль перший час сподівався, що в найгіршому випадкові, зліквідуванням великого землеволодіння він зможе задовольнити земельні потреби найбіднішого селянства й тим самим захистити свою власну землю від заздрих очей малоземельних. З другого боку, зліквідування великого землеволодіння сприяло розв'язанню національної проблеми великих землевласників на Україні, бо національно склад був «чужим», це були переважно росіяни, поляки, німці й це виривало економічну базу в головних ворогів українського руху.

Та велике землеволодіння було, особливо на Україні, органічно зв'язано з банками та промисловістю, через те неминуче виступало питання знищення власності взагалі, висувалося питання не тільки про те, щоб скинути поміщиків, а й буржуазію, але здійснити це можна було тільки з поглибленням і розвитком революції.

А розвиток революції призводив до перемоги пролетаріату, і ця перемога підкопувала святі підвалини буржуазного ладу та загрожувала й українській інтелігенції, що була зв'язана з буржуазією і куркульством, для яких поглиблення революції неминуче ставило питання про існування не тільки поміщицьких, а й куркульських господарств.

Тим-то й куркульство й українська інтелігенція, яка здебільшого походила з нього, ставала контр-революційною силою.

Куркулі були революційними чи в усякому разі не були проти революції доти, доки справа йшла за зліквідування великого землеволодіння. Коли-ж революція в своєму розвитку поставила питання не тільки про те, кому мають дістатися землі, живий та мертвий реманент поміщиків, а й питання про зліквідування й самого куркульського господарства, куркуль стає неодмінно контр-революційною силою.

Перед Центральною Радою стояло завдання зупинити за всяку ціну дальший розвиток революції, що загрожувала соціально-економічним інтересам куркульства та зв'язаним із ним численним шаром інтелігенції.

От тут-то й використано теорію «єдиного національного фронту». На підставі того, що Україна не мала власного промислово-фінансового капіталу та великого землеволодіння, а індустріальний пролетаріат по містах був переважно не український,— вважалося, що найперше завдання трудящих мас у революції це розв'язати національне питання, а соціально-економічні інтереси українських трудящих мас можна буде задовольнити потім, тоб-то досягнувши національної мети; а до того часу класові суперечності в самому русі не мусять загострюватися і розвиватися.

* * *

Національні завдання, що ставились перед українським рухом, були зформувані ще задовго до Лютневої революції.

М. С. Грушевський, один із головних лідерів та безумовний теоретик українського національного руху, після революції 1905 року (здається, 1907 року) писав: «Повна самостійність та незалежність — це останнє й логічне закінчення потреб національного розвитку та самовизначення усякої нації, що посідає певну територію та має певні дані й енергію для національного розвитку... Від прагнення закласти власну державу може утримувати тільки певність того, що належність до даної державної спілки обіцяє надто великі вигоди та користь»¹⁾.

У другому місці Грушевський конкретизує загальну постановку питання, прикладеного до України і зазначає, що «не тільки культурно-національні, а суто-економічні умови місцевого життя такі, що вимагають самостійної господарської політики, зважаючи на те, що ці умови в корінь одмітні від умов північно-західних та північно-східних країн Росії» (курсив скрізь наш. — М. Р.²⁾).

На початку революції, навіть у найпоміркованіших статтях березня-квітня 1917 року, ця постановка набирає ще гострішого формулювання. Грушевський зазначає, що попередні вимоги українців про волю культурного розвитку вже застарі й не відповідають вимогам даного часу, що спроби угоди з поступовими елементами російської суспільності (буржуазно-ліберальної) до 1917 року провалилися, він пише: «З тим стало все більше зростати переконання в неминучій потребі забезпечити українському народові державне право — або федерацією російської держави, а як ні, то повною незалежністю України... В теперішній хвилі прихильники... незалежної України годяться зістатися на спільній платформі широкої національно-територіальної автономії і федерального забезпечення державного права України.

Прапор самостійної України стоїть згорнений. Але чи не розгорнеться він з хвилию, коли всеросійські централісти захотіли-б вирвати з наших рук стяг широкої Української автономії»³⁾.

Таким чином, прапор самостійності хоч і згорнутий та був готовий широко розгорнутися ще на початку революції в програмі керівників українського національного руху.

Другий лідер руху, В. Винниченко, так само ясно ставив питання. Він у відповіді самостійникам на другому всеукраїнському військовому з'їзді зазначив, що в «даний момент не може вимагати більшого, ніж автономія, то я скажу одверто, шлях повстання для нас із фактичного боку неможливий... великі міста не пішли-б із нами, вони стануть нашими через 2—3 роки.

¹⁾ М. С. Грушевський. Збірник ст. «З бідної хвилі», стор. 47.

²⁾ М. С. Грушевський. Збірник ст. «Форми нац. движенья в совр. госуд.» за редакцією Костянтина, стор. 312.

³⁾ М. С. Грушевський. «Вільна Україна», статті з останніх днів, стор. 5—6.

Зараз ми-б мали силу тільки на селях і довели-б країну до різанини й анархії... Тільки за-для того, щоб на один рік раніш досягнути того, чого ми й без того досягнемо, ми цього не зробимо. Якщо прогадаємо, то вже не на один рік. Захоплювати владу ми не хочемо. До цього ми самі прийдемо згодом»¹⁾).

Таким чином, що до національного питання, то в самому єдиному національному фронті розходження полягали тільки в питанні що до часу й темпу. Якщо автономія була первісним гаслом, то поволі з розвитком революції розгортався і підіймався прапор самостійної України. Якщо влітку 1917 року В. Винниченко ще міг чекати один рік, то пролетарська революція, яка тоді насувалася, примушувала поспішати. Треба було поспішати, бо питання про незалежність України вже не являло тільки національного питання. Відокремлення від Росії після Жовтневого перевороту було вже не так національною, як соціально-політичною проблемою захисту від пролетарської революції соціально-економічних інтересів, ворожих їй класових сил. Відмежуватися від Рад—було гасло мало не всієї контр-революції, яку підтримував світовий імперіалізм обох таборів, що боролися. Відокремлювалася під національним і красивим федералістичним прапором не сама Україна, а й Донеччина, Кавказ, Урал, Сибір і т.ин. Скрайні національні інтереси українського руху взяті з буржуазно-демократичного погляду збіглися що до вимог цілковитої незалежності з соціально-економічними інтересами куркульських та інших контр-революційних сил, ворожих пролетаріатові.

Ми вважаємо за неправильний той стан, що керівники українського національного руху, щоб домогтися незалежності ніби жертвували соціально-економічними інтересами мас заради національних. Приміром, після того, як справа к-револ. політики провалилася, ставлять питання самі ці керівники, щоб якось виправдати свої вчинки. Та, на жаль, цю думку переказує і дехто з наших радянських публіцистів.

Розгляньмо це питання трохи докладніше. Якщо підійти до єдиного національного фронту й розглянути його складові частини після Жовтня, то можна в ньому грубо накреслити три групи: 1) праву (соц.-федералісти, більша частина есдеків, самостійники і праві есери); 2) центр (частина есдеків, значна частина есерів); 3) ліва (невеличка група есдеків, значно більша група лівих українських есерів). В ухвальних питаннях центр завжди схилявся вправо і, таким робом, переважну роль що до керівництва відігравав правий фланг руху. Та диференціація, що сталася потім у самому правому крилі, коли Петлюра заарештовував самостійників (Оскілко), і навпаки, у той час, на кінець 1917 року це накреслювалося ще не так гостро й не так виразно. Переважним спірним питанням у самому правому крилі в той час було тільки питання що до орієнтування на Антанту чи на Німеччину. Соц.-фед. і есдеки, що представляли міську ліберально-буржуазну інтелігенцію та міських службовців і тими про шаруваннями пролетаріату, які до них приєднувалися, були за угоду з росій-

¹⁾ «Робітнича газета» 1917 р.

ською дрібною буржуазією та зв'язаним із цим орієнтуванням на Антанту. Друга частина правого крила й центру, що представляє інтереси селянських елементів, куркульське селянство та трудову сільську інтелігенцію під натиском селянських і салдатських настроїв, вимагали припинення війни й неминучого орієнтування на Німеччину.

Отже, за тієї доби в самому переважному правому крилі були різноголосиці що до орієнтування на той чи инший табір імперіалізму. Що-ж до внутрішньої соціальної політики, то тут ніяких помітних і хоч трохи важливих розходжень не було.

Що-ж і за-для чого приносилося в жертву в політиці правого крила в цілому, соц.-економічні інтереси національним, чи навпаки? Ми вважаємо, що праве крило в найрішучіші критичні моменти жертвувало національними інтересами за-для соц.-економічних інтересів куркульства та буржуазної інтелігенції. Центр ішов за правими без опозиції тоді, як політика правих не йшла всупереч національним інтересам (погляду буржуазно-парламентарної України), хоч ця політика зраджувала соц.-економічні інтереси більшості селянства, незаможників та середняків. Та через те, що політика правого крила зраджувала й національні інтереси, центр иноді ставав в опозицію, проте, він аж до 1920 року не поривав остаточно з правим флангом. Якщо можна говорити про жертви соц.-економічними інтересами, так це була жертва інтересами незаможного й середняцького селянства, та з метою захисти соціально-економічних інтересів буржуазно-куркульських елементів¹⁾.

¹⁾ Ставлення до російської буржуазії характерне надзвичайними зигзагами. У першу добу революції, коли влада ще належала буржуазії, коли здавалося, що соціально-економічним інтересам класових сил, які керували національним рухом, ніщо не загрожує, на першому плані всієї діяльності Центральної Ради стояла національна проблема. Центральна Рада опиралася на широкі селянські і салдатські маси, гостро й навіть революційними методами боролася з російською буржуазією за здійснення національних завдань. Та як дальший розвиток революції що-раз гостріше почав висувати питання влади, миру й землі, у самому єдиному національному фронті почалися різноголосиці. При чому характерно, що першими зрадили єдність не ліві, а праві елементи. Соц.-федералісти та права частина УСД перші почали надкраювати і притупляти національні вимоги й пішли на компроміс російської буржуазії, у той час, як українські есери різко їх критикували й виступали проти угоди. Можна, звичайно, це пояснити суб'єктивним фактором, що ось, мовляв, на чолі укр. есерів стояв М. С. Грушевський, найрадикальніший з націоналістів, який думку цю довів, звичайно, до краю. Це, може, до певної міри й пояснює питання, та ми вважаємо, що відповідь ця нікого не задовольнить.

Тут відбивається соціально-політична диференціація в самому національному русі, що почала гостріше виявлятися. Ліберальна і дрібно-буржуазна інтелігенція перші помітили небезпеку від зростання сили пролетаріату й через те почали відступати перед коаліційним урядом. Політична диференціація українського селянства йшла повільніше, віж у місті, і відставала від економічної. Перша здогнала другу в процесі самої революції. Тільки 3—5 місяців згодом після того, як вона почалася, уся селянська маса, а не тільки заможні її верхи, що досі майже монополярно представляла селянство, розв'язала язика й серйозно почала ставити питання про землю. Тільки тоді почалася диференціація селянських інтересів та надій що до революції.

Усі оті селянські кооператори, агрономи, вчителі, фельдшері, поштові й земські службовці, що складали кадри есерівських організацій і спілок, були органічно зв'язані з куркульським заможним селянством. Ця частина селянства могла посилати своїх дітей у середні технічні й инші підвищеного типу школи, які потім працювали й поповнювали нижчі та почасті середні ланки залізничних, поштових,

1920 року, коли громадянська війна вже закінчилася перемогою пролетаріату над буржуазією і куркульством, М. С. Грушевський до певної міри відмовився від своєї старої схеми й намагався поставити це питання так: «Досвіди мас, які вийшли на шлях прямої акції, неминуче поставлять перед усіма завдання соц.-економічного характеру й усі захочуть узяти від революції, як найбільше, а культурно-національні й політичні завдання приймуть за свої лише остільки, оскільки вони не суперечитимуть і не обтяжуватимуть завдань соціально-економічних...»

«Українська інтелігенція повинна була відповідно скласти свою програму й тактику, так щоб політичні й національні домагання, які належало задовольнити у процесі революції, були побічними завданнями підчас розв'язання соц.-економічної проблеми, були її формою і гарантією, доповняли, а ні в якому разі не обмежували й не паралізували розв'язання цієї проблеми... Але вона, — каже далі Грушевський, — злякалася цієї дороги й не пішла нею, убоїлася соціалізації фортепіянів»...¹⁾ Ми цілком згодні, що маси ставлять перед собою в першу чергу соціально-економічні вимоги, але не погоджуємось із тим, що М. С. Грушевський вважає «українські маси» за «єдине ціле», перед яким українська інтелігенція, яка через те, що вона ніби неправильно зрозуміла відносне значіння національного питання, пожертвувала соціально-економічними інтересами мас. Українське селянство не являє чогось єдиного ні економічно, ні політично. У громадянській війні куркульство й незаможне селянство виставило й обстоювало дві різних програми й з усієї сили намагалося їх здійснити і далі там же М. С. Грушевський нападає на соц.-федералістів під ними розуміючи тих, що відігравали контр-революційну роль. Він цілком даремно киває тільки на федералістів. Останні справді боялися соціалізації фортепіянів, а треба додати, що так само й віталень, по яких вони стоять, і тих прибутків, на які існували віталні з фортепіянами. Та в революції боротьба провадилася не тільки за фортепіяно та за панські віталні, а й за мільйони десятин куркульської землі, за те, кому дістанеться поміщицька земля з економіями. А от за ці важливіші речі боялися вже не самі соц.-федералісти, а і права частина разом із центром українських есерів. Тим-то ми й вважаємо за потрібне відповідно з дійсністю додати до тієї інтелігенції, про яку говорив вище Грушевський, так само й українських есерів.

земських, кооперативних і т. ин. державних і громадських апаратів. Саме ці елементи були національно-активні і стали. Коли розвиток революції хоч трохи й пізний, як порівняти до міста, поставив у першу чергу питання про землю (перед Жовтнем), тоді вже малися куркульські угруповання, що були свідомі своїх власних інтересів у революції та що мали в місті своїх представників і ідеологів. Ці елементи трохи згодом зрозуміли й відчували причини національного угодства есерів і есдеків та, як зрозуміли, гостріше поставити питання про вихід із того стану, в якому вони опинилися. Вихід знайдено не в угоді з російською буржуазією, а в повному розрив з нею, але не за - для того, щоби піти з пролетаріатом, а щоб закласти спілку з німецькими імперіалістами.

¹⁾ М. С. Грушевський. «УПСР та її завдання», журнал «Ворітеса — поборете» Ч. 1. стор. 17 — 18, 1920 р.

Це натякання на федералістів та виправдовування есерівської партії до такої міри не відповідає дійсності, що сам Грушевський в іншому вже місці й з іншого приводу проговорився цілком.

«Жаль, розуміється, — пише він там, — що наші плани безкровної революції і мирної будови українського національного життя можливо без конфліктів і різних перетурбацій, з якими ми вступили до революції і вся та марудна мурашина праця, з якою Центральна Рада збирала українські землі, розбилася об втручання сторонніх сил, і революція, вирвавшись з нашого керовництва, пішла своїм стихійним суто-революційним розвитком...

«Жаль, що українська інтелігенція не витримала революційного іспиту в значній часті відскочила від народу, вдарила в контр-революцію і антисоціалізм»... (курсив скрізь наш — М. Р.¹).

Якщо порівняти цю цитату з вищенаведеними, то ясно видно, що кінці з кінцями не звязано. Бо, якщо українська революція, як зазначає сам Грушевський, — тільки тоді, як вихопилася з - під «нашого, керовництва» (тобто керовництва Грушевського, Винниченка та инш.), тільки тоді пішла «іти суто-революційним розвитком», то цілком ясно, що попередня путь із планами «безкровної» революції була контр-революційною. М. С. Грушевський, звичайно, сам про себе добре знає, які класові сили протягом усієї світової історії стояли за «безкровні революції». Тут треба виразно ставити питання про те, що до складу тієї інтелігенції, яка «відскочила від народу» й «ударилася в контр-революцію і антисоціалізм», належала, за дуже малим винятком, уся партія українських есерів, крім її лівої частини майбутніх боротьбистів.

Ми, на підставі всієї попередньої аналізи, можемо сказати, що ця контр-революційність та антисоціалізм переважної більшості української інтелігенції, зовсім не випадкове явище. І політика керівників, проводирів руху ґрунтувалася не на помилці й не на тім, що вони дали маху, коли брали до уваги характер революції.

В. Винниченко, після провалу його політики, мусив визнати, що «головним чинником» нашої неспіддатливості на соціалістичну революцію на Україні було наше недовір'я в успіх її, а також відсутність гарячого бажання боротись за таку революцію, не зважаючи на те, чи буде успіх, чи ні, в ім'я самої ідеї соціалізму і пропаганди його ділом акцією самим життям»²).

Значить, річ не в тім, що дали маху, коли брали до уваги характер революції, а в тім, що взагалі не хотіли соціалізму.

Лідери другої керовничої партії в своєму вузькому колі на закордонній конференції УПСР у Празі лютого 1920 року просто й одверто говорили один одному: «Ми не мали за конкурента буржуазію, — каже Чечель, — проте, уперто хотіли власними руками створити буржуазну республіку».

¹) М. С. Грушевський. «На село». Журнал — «Борітєся — поборєте» № 4, 1920 р., стор. 4 — 5.

²) В. В. Винниченко. «Відродження нації» ч. 2, стор. 222 — 3.

«Ми боролися за буржуазну державність, — признався Жуковський, — і перестали бути соціалістами (та чи й були на самому початку? — М. Р.). За національну культуру ми продали економічний інтерес мас». А сам докладчик М. Шаповал вірно (та чи не надто пізно — М. Р.) зауважує: буржуазне розуміння української державности штовхало нас до української буржуазії, а з нею й у бік світової буржуазії...

Звідци впливали всякі орієнтації та шукання допомоги у своїх сповонівних ворогів (Антанта, Румунія, Польща¹⁾).

Отже, в буржуазному розумінні характеру революції, в упертому захистові інтересів буржуазії, протягом української революції, їх штовхала не помилка, не те, що вони дали маху, як накреслювали шляхи здійснити національну мету, бо питання йшло не тільки за те, щоб утворити незалежну Україну, а й за те, щоб утворити незалежну буржуазну Україну.

Коли не пощастило зупинити розвиток революції, навіть під національним прапором, лідери дрібної української буржуазії намагалися відмежуватись од пролетарської революції. Невеличка частина спробувала в кращому випадку сісти осторонь і вичікувати, чим усе це закінчиться. Та здійснити хutorянське прислів'я: «моя хата з краю, я нічого не знаю», як це виявилось, було не можна. Україна й територіяльно і соціально стояла на перехресті шляхів, якими йшов розвиток революції, якими вона йшла зі сходу на захід. В умовах громадянської війни логіка штовхала до спілки з реакційними силами, що силувалися не тільки зупинити розвиток революції, а навіть потягти революцію назад, ця логіка штовхнула до спілки з силами глибоко ворожими українському національному рухові — Каледін і донські козаки, Родзянко й Мілюков, Антанта 1917 року, Денікін і знову Антанта 1919 року, Польща 1920 року. От ті береги, до яких революція неминуче прибивала лідерів куркульської України.

Діалектика історичного процесу була така, що найщиріші націоналісти мусили ради захисту соціально-економічних інтересів тих класових сил, які вони представляли, самі зраджували національний рух заради якого вони, ніби, йшли вкуші з буржуазією.

РОЗДІЛ ДРУГИЙ²⁾

I

Перед пролетарською революцією стояло завдання здійснити Радянську владу на Україні. Влада коаліційного уряду Керенського на Україні було скинуто київськими боями (30 — 31 жовтня за ст. ст.). Та, проте, хоч цю владу скинули більшовики, хоч увесь тягар боротьби винесли останні на собі, в наслідок цього,

¹⁾ Протокол дебатів партійної конференції УПСР у Празі, стор. 22, 23, 26.

²⁾ Цей розділ, так само як і попередній і пізніший, являє собою тільки систематизовані попередні замітки й матеріали тієї роботи, що складається з історії української революції.

з цілої низки причин, влада опинилася в руках Центральної Ради, а не Рад робітничих депутатів.

На шляху до здійснення Радянської влади стояла Ц. Рада з її урядом Генеральним Секретаріатом, який що до Рад ступив на ворожу позицію.

Перед нашою партією було два шляхи, якими можна було розв'язати завдання, що перед нею стояли: або збройною силою скинути Ц. Раду, чи спробувати на ґрунті соціальних суперечностей тих складових частин, які вона національно об'єднувала, розкласти її з середини, утворити в ній самій ліву частину, яка або мирним шляхом, або збройним, це залежало - б од умов, допомгла - б нашої партії установити Радянську владу.

Тоді, через цілу низку соціально - політичних умов, які склалися в процесі історичних подій та безпосередньо тому, що не дооцінили ролі і значіння національного й селянського питання в революції, провідні кола наших основних партійних організацій на Україні не мали єдиної думки що до метод здійснити ці завдання, що стояли перед партією. У тих працях, — нарисах і статтях, що написані з історії революційного руху на Україні, досить повно освітлено питання про це розходження в самих українських організаціях. Та зате друге питання, питання розходжень що до політики ставлення до Центральної Ради між партійними організаціями України, з одного боку, і ЦК РКП - та Рад Народн. Комісарів — з другого, зовсім не з'ясовано і стоїть у тіні. Розходження ці були серйозні і ґрунтувалися на тім, що неоднаково розуміли деякі принципові питання, які поставила на чергу дня українська революція, і найголовніше ці розходження спричинилися потім до великих наслідків.

Якщо можна взагалі говорити про загальноукраїнську думку, про боротьбу з Центральною Радою (слід пам'ятати, що тоді, ні ЦК, ні якогось іншого всеукраїнського об'єднання нашої партії фактично не було), то її представляла керівнича група київської організації, що покинула зірваний Центральною Радою з'їзд Рад. Ця група переїхала до Харкова й утворила Нар. Секретаріат, тоб - то перший радянський центр всеукраїнського масштабу ¹⁾.

У цьому розділі ми аналізуємо політику Ради Народніх Комісарів та Народнього Секретаріату що до Центральної Ради з погляду взаємовідносин робітничої класи й селянства у пролетарській революції в умовах ускладнених національним питанням.

Ми не розглядаємо тут низки ще інших важливіших питань про героїчну боротьбу пролетаріату, що від - на - віч зустрів натиск контр - революції, історії роботи наших парт. організацій і т. ин., бо це є в завданні нашої роботи в майбутньому.

¹⁾ По - між київськими товаришами, які керували рухом до самісінького від'їзду до Харкова (а почасти й після того) теж не було єдиної думки в політиці що до Центральної Ради. Частина Київщини вважала за потрібне тимчасовий компроміс з Ц. Радою, інші вважали всяку угоду за тих умов шкідливою для пролетарської революції. «Хоч перше засідання з'їзду було зірвано, — пиш. Є. БОШ — київські товариші ще сподівалися, що Центральна Рада не піде на те, щоб розгонити з'їзд Рад і заперечували проти того, щоб переносити засідання з'їзду Рад до якого міста. У Києві був такий настрій, щоб піти на коаліцію з Ц. Радою і тимчасово скоритися збройній силі Центральної Ради у Києві» (Евг. Бош «Год борьбы» стор. 79. Курсив наш — М. Р.). Ми не будемо тут зупинятися на тому, чи вірно викладені розходження у Києві, поданих Євг. БОШ (особливо що до Жовтня та до початку листопада). Ми підкреслюємо тільки безперечний факт, що були розходження в політиці що до Центральної Ради в самих Києві.

Ми вважаємо, що ця група представляла нашу всеукраїнську політику що до Центральної Ради, бо тільки вона зрозуміла кончу потребу утворення єдиного для всієї України радянського й партійного центру. Що правда, до цього київських товаришів призвело не саме розуміння органічної потреби існування такого центру, якого вимагало національне питання, а робилося це більше з міркувань «від противного», тоб-то через те, що було розуміння konieczности боротьби з Центральною Радою, якої вимагали інтереси справи. Та в процесі здійснення й переведення в життя цього плану склалося й потрібне певне позитивне розуміння цього питання, незалежно від потреб боротьби. Та щоб там ні було, а тільки київська організація, яку підтримувала полтавська та ще деякі організації, мала цю єдино-вірну думку. Інші великі центри на Україні, або стояли осторонь, або ставилися до неї вороже.

Одеса була далеко і взагалі вважала себе за «вільне місто». Перед неї стояли свої особливі завдання, які вона переводила в життя під керівництвом Румчероду. Харків та Катеринослав вважали себе принципово за «пролетарські губернії», що не мали стосунків до селянської дрібно-буржуазної України. Провідні елементи цих організацій з Артемом і Квірінгом на чолі, висували план організації своєї окремої «Донецько-Криворізької Республіки».

До якої міри тут не розуміли того, як Ленін розв'язував національне й селянське питання в революції, свідчить розмова Ілліча з Артемом, яку наводить тов. Затонський. Тов. Затонський подає аргументацію Артема, що прибув до Ілліча, щоб розв'язати суперечки, які виникли по-між ним та Антоновим що до того, як ставитися до Харківської буржуазії, і переказує далі цю розмову, що зійшла на тему про політику в українському питанні: «Артем почав енергійно нападати на Український Радянський Уряд... Він доводив (пам'ятаю, ніби це було вчора) реакційність думок утворити Україну, хоч-би й Радянську. Він доводив, що утворити Україну, хай і Радянську, це знатить, відкидати принцип диктатури пролетаріату. Замість цього, — гиворить він, — силкуються завести диктатуру правобережного мужика. Ілліч слухав і посміхався, та нічого певного не сказав тоді...

Проте, він зауважив, що нічого реакційного в Радянській Україні немає і що може нам доведеться будувати її справді й серйозно з тим, що до неї неодмінно належитимуть і робітники Донеччини саме за-для того, щоб Україна була Радянською»¹⁾).

Це так говорив Артем, що вже тоді був членом ЦК РКП і можна собі уявити, які думки з цього питання снувалися у головах широких кол активу харківської організації. Звідци зрозуміло, що харківчани, хоч і брали участь у Народньому Секретаріатові, що саме тоді заснувався, та, проте, активної ролі там не відігравали. Провідну вагу мала група київських товаришів із краювої організації.

Безперечно, організація Народнього Секретаріату мала величезне значіння для кристалізування та збирання сил, що стояли чи схилилися до радянської

¹⁾ В. Затонський. «Водоворот». Жовтневий збірник. Держ. Вид. Укр. 1924 р., стор. 139—140.

платформи. Збирання має навколо Українського Радянського Уряду загострювало і прискорювало політичну диференціацію в супротивному таборі. Та в пізнішій боротьбі, що виникла між Народнім Секретаріатом і Центральною Радою, та конкретна тактика, яку Народній Секретаріат почав здійснювати, була до певної міри невірною¹⁾.

Народній Секретаріат уважав за потрібне й можливе скинути Центральну Раду тільки збройною силою. Ця думка склалася під впливом тих умов, які були на той час у Києві сразу після ультиматуму Рад. Нар. Ком. 17 (4) грудня. Тимчасовий і короткий вибух шовінізму, що стався швидко після ультиматуму та що поширився навіть на деякі елементи, що раніш схилилися до Рад, було взято за вихідний пункт²⁾.

З неминучого тимчасового зміцнення впливу Центральної Ради та її правої частини було зроблено висновки про неможливість швидкого розкладу Центр. Ради. Звідци висувалася, випливала потреба збройної боротьби з ворогом, якого не переконаєш, з яким нема чого розмовляти, якого треба перемогти військовою силою.

Ця політика Народнього Секретаріату трохи суперечила тій політиці й тактиці, яку провадила в боротьбі з Центральною Радою Рада Нар. Комісарів та ЦК РКП. Різниця була не в тім, що Рада Нар. Ком. була взагалі принципово проти збройної боротьби, про це нема чого й говорити. Рада Нар. Ком. та ЦК РКП вважали, що в даних конкретних умовах треба додержуватися політики розрахованої не тільки на максимальний розклад та поразку ворожого табору взагалі, а такої політики, що разом із тим давала-б максимальну можливість притягти на свій бік маси, які йшли за Центральною Радою. Такої політики, що з найменшими труднощами й жертвами дала-б можливість досягти поставленої мети й не ставила-б в основному нових пере-

¹⁾ Редакція подає ці авторові думки про політику Нар. Секр. та про його відносини до Центральної Ради, проте, вона не солідаризується з цими поглядами, бо вважає їх спірними, які ще треба обмірковувати. Прим. редакції.

²⁾ Цю тимчасову силу Центральної Ради правдиво змальовує Євгенія Бош, яка зазначає, що після ультиматуму й наказу Центральної Ради, яка готується до війни з Великою Росією, у селянських масах, у військові, а почасти й серед робітників, особливо серед залізничників, національне питання висувалося, яке найважливіше питання, яке вимагало серйозного розв'язання; його обміркування викликає суперечки в широких масах що до певної міри загострюється кончею зараз - же зі зброєю в руках стати до борні за ухвалену постанову.

Агітація Центральної Ради, ніби Рада Нар. Комісарів не хоче визнати за українських народом права на самовизначення й через те, мовляв, оголосила Україні війну, першими місяцями мала своїм наслідком не тільки недовірливе ставлення маси до всіх, що підтримували Раду Народніх Комісарів, переважно до більшовиків, а і штовхнуло багатьох до постанови підтримувати Центральну Раду, яко національну владу, хоч-би вона й не була цілком своєю. Кілька робітничих та військових організацій, що не мали своїх представників у Центральній Раді, почали обирати своїх делегатів і ухвалювати постанови про повне підтримання її. Навіт ті робітничі маси, що активно боролися за владу Рад, у цей момент почали хитатися і схилилися до того, щоб підтримувати Центральну Раду й уважали її за національний український уряд. (Євг. Бош. «Год Борьбы». Держ. Вид., стор. — 109 — 110).

шкод до спілки російського міста з українським селом, та давала-б максимальну можливість використати для пролетарської революції активність салдатських та селянських мас.

Ця політика Ради Нар. Ком., що провадилася за ініціативою т. т. Леніна і Сталіна, ґрунтувалася на розумінні особливої ваги для України національного і звязаного з ним селянського питань. Цю політику розраховано на неминучість швидкої політичної диференціації так у самих масах, що йшли за Центральною Радою, як і неминуче в ній самій. Центральна Рада фактично стала до влади й мусила показати масам свою справжню суть. Через російських лівих есерів провадилися переговори з лівим крилом українських есерів про організацію з більшовиків та з українських і російських лівих есерів Радянського Уряду, що мав-би національно-український характер. Швидкий розклад у ворожому таборі й те, що від Центральної Ради відсахнулися широкі селянські й салдатські маси, а про робітників нема чого й говорити, підкреслювало, що взято вірну лінію.

Рада Народніх Комісарів, яка провадила цю політику, відволікала переговори з Центральною Радою до середини січня (новий стиль). Хоч вимог першого ультиматуму не виконано, хоч не раз зазначалося, що «пряма чи убічна допомога з боку Ради каледінцям являє для нас безумовну підставу для військових виступів проти Ради», хоч ці вимоги не виконано й останню відповідь Центральної Ради визнано за «безоглядно невиразну», Рада Нар. Ком., проте, фактично війни не починала й не хотіла починати.

Коли командир радянського війська, що виступило проти Каледіна, Антонов-Овсієнко змушений був, щоб припинити пересування козацького війська на Дін, вжити деяких заходів самозахисту свого тилу, т. т. Ленін і Сталін давали йому категоричні директиви військових дій проти Центральної Ради не розпочинати. «Зважаючи на такий стан річей (тоб-то зважаючи на цілком певні ворожі виступи Центральної Ради — М. Р.), я, — пише в цій справі тов. Антонов, — обмежував на Україні військові виступи тільки заслоном, розбровенням українізованих частин та тим, що пірвав зносини України з Донбасом та Донеччиною. Але й ці мої виступи здавалися Раді Народніх Комісарів надто ворожими що до Ради. Сталін закидав мені в цім теж і я мусив йому пояснити стратегічну конечність для нас захоплення південної магістри»¹⁾).

Отже ворожі виступи у «прикордонній смузі» залізничної лінії Харків—Олександрівськ, як що й мали місце з боку російського радянського війська, то являли собою військово стратегічну конечність щасливої боротьби з Донеччиною, а принципових змін мирної політики Ради Народніх Комісарів що до Центральної Ради тут не було.

Ще виразніше цю політику Ради Народніх Комісарів характеризує попереднє ставлення російської делегації в Бересті, що тоді визнала в особі товариша

¹⁾ В. Антонов-Овсієнко. «Записки о гражданской войне». Т. I-й, стор. 128.

Троцького 30 грудня (старий стиль) самостійну делегацію Центральної Ради¹⁾.

Коли-б у цей момент Рада Нар. Ком. мала на думці воювати з Ц. Радою і тільки військовою силою розв'язати той конфлікт, що виник, то і ясно, що не відбулося-б ніякого визнання, яке мало потім велике формальне значіння для кінця і наслідків Берестейських переговорів.

Із зазначеною вище політикою Ради Народніх Комісарів Народній Секретаріат в значній мірі не згоджувався. Провідна група Народнього Секретаріату не дооцінила умов, які змінилися протягом грудня, того, що змінилося співвідношення сил у ворожому таборі проти реакційної частини Центральної Ради, не взяла до уваги того, що надійшла реакція, після короткого вибуху шовінізму, не обчислила того, що в боротьбі з Радянською владою Центральна Рада мусила показати своє справжнє лице й одштовхнула-б од себе маси й далі вимагала на чому-б не стало лише збройної боротьби з Центральною Радою. У перший період свого існування Народній Секретаріат не мав у своєму розпорядженні власних значних військових сил, не мав реальної сили, щоб здійснити свого плану збройного скинення Центральної Ради. Але тут-же в Харкові стояв штаб Антонова-Овсієнка, який мав у себе цю військову силу. Більшість Народнього Комісаріату вважала, що політику свою вони мають здійснити як-найшвидше й увесь час вимагала від Антонова рішучих військових виступів проти Центральної Ради. Поодинокі сутички загонів Антонова з військом Центральної Ради, яких взагалі вимагали чи стратегічні потреби захисту тилу, або ворожі наскоки, що їх викликали виступи супротивної сторони, під впливом Народнього Секретаріату набирали гостріших форм. Коли в кінці грудня та на

¹⁾ На цьому засіданні після того, як Голубович оголосив ноту Генер. Секретаріатові, Кюльман звернувся до російської делегації із запитанням: «чи гадає вона й на-далі бути тут єдиним дипломатичним представником усіх питань, що стосується Росії». Троцький відповів на це так: «Російська делегація заслухала оголошену українською делегацією ноту Генерального Секретаріату Українсько-Народньої Республіки, що до цілковитої відповідності принципу права кожної нації на самовизначення і повного відокремлення виключно, і зі свого боку зазначає, що немає заперечень що до участі української делегації в мирових переговорах». Кюльман, який визнавав оголошене тов. Троцьким за недостатнє після відповіді т. Троцького, виступив знову й вимагав виразнішого формулювання того, як ставилася до цього питання російська делегація. «Українське питання, — зазначає Кюльман — призводить ось до чого: чи мусять українська делегація вважатися відділом російської делегації, чи вона має бути представництвом самостійної держави».

Тов. Троцький на це відповів: «Через те, що українська делегація виступила тут, як цілком самостійна делегація, через те, що ми пропонували визнати її участь у переговорах і нічим її не обмежувати та через те, що тут, коли я не помиляюся, ніхто не подавав пропозицій про те, щоб з української делегації зробили частину російської делегації, питання мені здається, відпадає само по собі».

Кюльман зазначає, що «сказане т. Троцьким буде свідчити і стане за основу для визначення в майбутньому тих форм, в яких українська делегація братиме участь на конгресі».

Голубович висловив цілковите задоволення з тієї заяви російської делегації... і просив занести до акту мирових переговорів, що «ми являємо два зовсім самостійні й окремі представництва одного фронту колишньої Російської Імперії».

Цитуємо (скорочено) звіт про засідання мирової делегації в Бересті-Литовському 30 грудня ст. ст., якого вміщено в «Новій життя» Ч. 215 16 (3) січня 1918 року.—М. Р.

початку січня (ст. стиль) почали надходити відомості про значний розклад сил Центральної Ради та про те, що її реакційна політика зміцніла, про те, що вона без жалю чинить утиски нашим радянським і партійним організаціям; тоді вимоги Народного Секретаріату ще збільшилися. Антонова вабила легка перемога, а крім того він мусив уважати так само й на вимоги допомоги, які ставилися і надходили з різних міст України, що підлягали Центральній Раді.

II

Усі знають, що переломним моментом що до взаємовідносин з Центральною Радою був наступ радянських загонів на Полтаву, де за кілька днів до того гайдамаки розгромили Раду роб. депутат. й розстріляли кількох наших керівничих товаришів. Цей виступ почався 18 (5) січня 1918 року, проте, він не визначав ще початку загальної військової боротьби між Радою Нар. Ком. та Центральною Радою (останнє сталося лише кілька днів пізніше). Фактичним і формальним ініціатором цього наступу на Полтаву був не Антонов. Те, що в тому війську, яке наступало, був Мурав'єв із невеличким загonom та панцирним потягом, ще не доводить, що це зроблено за згодою та за вказівками Ради Нар. Ком. Безперечно, Антонов виступав тут із власної ініціативи та всупереч тим директивам, які він мав. Тут перемогли військово-стратегічні міркування, що зміцнювалися відомостями про розклад ворога, можливістю легкої перемоги, прагненням раз назавжди забезпечити свій тил.

Про це пише й сам Антонов: «Разом із тим настигла серйозна оперативна потреба захистити Харків, якому загрожувала якась небезпека, що готувалася в Полтаві. Від делегатів чехо-словацьких салдатів одержано було відомості, що їхні офіцери склали угоду з Радою і дають свій корпус, який стоїть під Києвом, до її розпорядження. До 28 січня вони мали одну з корпусних дивізій увести в Полтаву. Крім того, перехоплено телеграму начальника 13 дивізії Капкана про наступ на Харків та на Лозову¹⁾.

За те, що це було справді саме так, свідчить протокол угоди з чехо-словаками (якого ми подаємо в додатках) та протокол засідання Ген. Секретаріату 29 грудня (ст. стиль). Тут у доповіді про військовий стан, хоч і було констатовано розклад та малі сили, щоб боротися з нами, проте Порш зазначає що «з румунського фронту їде десятий корпус, незабаром прибуде 9 і 10 кавалерійські дивізії... До 15 січня є певна надія вибити більшовиків з України...»²⁾. Хоч цей оптимізм зовсім не пасує з сумним початком доповіді й з фактичного боку не відповідає дійсності, але це тільки доводить, що тоді Генер. Секретаріат ще намагався перейти до активних військових виступів проти нас.

За те, що наступ на Полтаву розпочато проти волі, всупереч політиці Ради Нар. Ком., говорить сам тов. Скрипник, один із керівників Народного

¹⁾ В. А. Антонов-Овсієнко. Там-же, стор. 133.

²⁾ Протокол засідання Генерального Секретаріату 29 грудня.

Секретаріату. «Тепер про це вже можна говорити і треба пригадати, — каже тов. Скрипник, — що більшовицький наступ на Київ наприкінці 1917 року... почався, так-би мовити, самочинно, проти тієї лінії, що її додержувалося командування. Позачергового завдання боротись із контр-революцією Дону, тієї боротьби, яку провадила загальна військова влада й Центр. Радянська влада у Петербурзі, комісія ВУЦВК'у не виконала, навіть цілком зламала директиву центру, коли викинула гасло: «На Київ проти Центральної Ради». З тов. Антоновим-Овсієнком... комісії довелося провадити досить довгі й гарячі дебати, поки він відмовився, нарешті, перешкоджати її намірам і навіть постановив допомогти» (Курсив наш.—М. Р. ¹⁾).

Виходить, як зазначає тов. Скрипник, що наступати на Полтаву Антонов не тільки не погоджувався, а перший час навіть заважав цьому.

Це сталося не тільки зважаючи на самі військові міркування та через те, що він не хотів розпорошувати сили на два фронти, про що зазначає тов. Скрипник, а також через те, що початок загальних військових акцій проти Центральної Ради суперечив вказівкам Ради Нар. Ком. та почасти зривав політику, яку остання провадила, та з якою Народній Секретаріат до певної міри не погоджувався і в тому-ж місці тов. Скрипник сам підкреслює, що перспектива захопити Катеринослав і Сінельниково, перетнувши Катерининську магістраль, тоб-то припинити перекидання козацького війська з фронту на Донеччину, спокусила, кінець-кінцем, і Антонова.

Та якщо наступ на Полтаву 5 січня перечив політиці Ради Народніх Комісарів, то через якийсь час із причини нових умов остання мусила змінити свою політику й перейти до загального військового наступу проти Центральної Ради. Цими новими умовами була та зрадницька політика, яку остаточно провадила делегація Центральної Ради в Бересті й те, що виявилася можливість скласти угоду між Центральною Радою та Центральними державами, яке може зірвати наші Берестейські переговори, пошкодити й умовам миру, яких ми могли-б добитися.

У цей момент військовий наступ міг-би відіграти позитивну роль, бо підштовхував і збільшував ту диференціацію і кризу, яка прородно відбувалася в Центральній Раді.

Коли через кілька днів далі виявилася невдача спроби організувати Український Радянський уряд за допомогою перевороту в самій Центральній Раді, коли українських лівих есерів, що керували цією справою та що мали увійти до складу цього уряду, заарештовано, коли остаточно у ворожому таборі визначилася перемога правої реакційної частини Центральної Ради, тоді Рада Народніх Комісарів мала перейти до негайних і рішучих способів зліквідувати Центральну Раду військовою силою. Таким чином, кінець-кінцем, збіглися обидві лінії Народнього Секретаріату й Ради Народніх Комісарів, та це в усякому випадкові не звідчить про те, що політика першого і другої була єдина від самого початку. Тільки після того, як розв'язати конфлікт так, щоб не

¹⁾ М. О. Скрипник. «Історія пролетарської революції на Україні», стор. 41—42.

стигатися з національним моментом не пощастило, тільки тоді почався рішучий загальний військовий наступ.

Прихильники в цьому питанні політики Народнього Секретаріату можуть тут заперечити, що, виходить, вони правильніше розуміли й цінували Центральну Раду й загальний стан речей, що з самого початку треба було рішуче збройною силою скинути Центральну Раду, що сподіванки і плани рзкладу її з середини виявилися безпідставними, що Рада Народніх Комісарів та ЦК РКП самі-ж, кінець-кінцем, змушені були здійснити ту політику, яку з самого початку пропонував Народній Секретаріат.

Ми вважаємо, що така постановка питання невірна й не відповідає дійсності. Коли-б політику виключно збройної боротьби почали провадити в атмосфері того вибуху шовінізму, про який ми писали вище, то цей вибух шовінізму дав-би Центральній Раді змогу опертися на досить значну військову силу, яку вона тоді мала в своєму розпорядженні. Ця сила тоді ще не розкласяся, процес диференціації і відходу салдатських та селянських мас од Центральної Ради тоді ще тільки починався, тим-то боротьба, яку-б ми розпочали проти Центральної Ради, певно кончилася-б нещасливо, бо наші сили були дуже обмежені й надто слабкі, вони-б не витримали боїв із добре озброєними регулярними частинами, які тоді ще були в розпорядженні Центральної Ради.

Ставити так питання не можна ще й через те, що невдача тієї політики, яку провадила Рада Народніх Комісарів, визначалася не тільки непереможними об'єктивними умовами тодішніх реальних політичних обставин, як до певної міри так само ще й тією неправильною лінією та політикою, яку провадив що до лівої частини Центральної Ради Народній Секретаріат.

Тов. Скрипник подавав і обґрунтовував політику Народнього Секретаріату що до Центральної Ради й заперечував проти того, щоби змінити цю політику, він зазначив, що: «оскільки УНР роззброювала робітників і опиралася на дрібно-буржуазні військові частини, оскільки конституція була в її владі, а влада в її руках. Для того, щоб перейти на інший шлях, треба було переступити через десятиденну бомбардировку Києва, через жорстоку боротьбу в січні 1918—19 року» (Курсив наш. — М. Р.¹⁾).

Ми згодні з тов. Скрипником, що коли-б на початок січня Центральна Рада й далі опиралася на військові частини, то іншого способу, ніж «десятиденна бомбардировка» й не було-б. Та такого стану на початку січня і на кінець грудня ми вже не мали. Військові сили та салдатська маса від Центральної Ради вже відсахнулися. Ми згодні, що до певної міри військовий натиск, щоб прискорити й підсилити диференціацію, яка сама природно вже відбувалася, був корисний, та далі (й тут ми розходимося) основне завдання полягало в тім, щоб після того, як змінилося співвідношення сил, за допомогою лівої частини Центральної Ради в спілці з нею, а не тільки через саму десятиденну бомбардировку, постаратися привабити на свій бік маси, що відходили від

¹⁾ М. О. Скрипник. Там-же, стор. 45.

Центральної Ради й розбити її праву реакційну частину. Політика - ж тільки військового натиску, що не йшла в супроводі засобів привабити на наш бік ліву частину Центральної Ради, що, звичайно, розколола - б єдиний національний фронт, була політикою, що в принципі не збігалася з тією єдиновірною лінією, яку провадила що до Центральної Ради Рада Народніх Комісарів¹⁾.

Ми тепер не будемо зупинятися на майже аналогічних розходженнях у цьому питанні між Харковом та Москвою в кінці 1918 року та на початку 1919 р. що до Директорії (це ми зробимо в іншому місці). А щоб краще зрозуміти питання, яке ми розбираємо, ми накреслимо в основних рисах, у чому полягає своєрідність соціально - політичних умов України; своєрідність, що об'єктивно заважала (почасти за винятком Харкова й Катеринослава) негайному переходу влади до Рад, одразу - ж після Жовтня. Своєрідність, що вимагала до певної міри іншої тактики в боротьбі з Центральною Радою, ніж та, яку провадила більшість Народнього Секретаріату²⁾.

III

Центральна Рада і дрібно - буржуазні партії на Україні есдеків та есерів, що, керували нею, не мали влади в своїх руках до Жовтневої революції. Вони ще не дискредитували себе перед широкими масами. Увесь тягар звинувачень, зненависти робітників, салдатів і селян за те, що тяглася війна, за саботування передачі земель селянам та репресії проти салдатів, що не хотіли воювати, та проти селян, що «самочинно» брали землю, словом за всю політику від лютого до жовтня, політику, що зрадила інтереси найширших трудящих мас, — уся ця відповідальність падала на російські дрібно - буржуазні партії меншовиків та есерів. Українські дрібно - буржуазні партії не тільки стояли осторонь, а, навпаки, їхня боротьба з тимчасовим урядом що до питань національної політики, певна близькість до більшовиків, які підтримували національні вимоги українського руху, збільшували моральний капітал цих партій. Що до питань

¹⁾ Ми вважаємо тепер за можливе й потрібне зупинитися на цьому питанні, бо в цілій низці праць, написаних про історію революції на Україні, ці питання свідомо й несвідомо обходять; є навіть продинокі товариші, які помилки деяких українських робітників, наше лихо (лихо, що має деякі історичні коріння і причини, які виходять із соціально - політичного розвитку попереднього дореволюційного періоду, та, проте, все - ж лишається лихом і помилкою) називають добродійством, вважать за ідеально правильну політику.

²⁾ На підставі вищеподаного можна бачити, як не відповідає дійсності, оскільки невірна та схема, яку розвивають націоналістичні історики української революції, що здебільшого в минулому були лідерами і проводирями Центральної Ради. За їхньою схемою на Україні на кінець 1917 р. та на початку 1918 р. боротьба не була громадянсько - класовою боротьбою, а національною між українським та великоросійським народом.

За цією схемою події і факти підбирається і маюється так, що вся політика більшовиків України проказувалася «Москвою» (тоді ще Петроградом), що Народній Секретаріат був заслоною, поставленою російською Радою Народніх Комісарів, щоб зручніше під українським прапором провадити свою великоросійську централістичну політику.

«Іронія» діалектики історії полягала в тім, що коли вперше в російській історії «Москва» провадила вірну національну політику, вона зустріла опір там, унизу на Україні.

соціальної політики: землі, миру, влади, — то на засіданні Центральної Ради, на всіх з'їздах і конференціях лідери українських дрібнобуржуазних партій виступали з революційною фразеологією, подавали дуже радикальні пропозиції, що зовні мало чим були відмітні від того, що говорили більшовики. Приміром, один з молодих лідерів укр. есерів на засіданні Центральної Ради робив такі типові заяви: «Ми вже не раз зазначали, що коаліція веде до загибелі. Зараз же, уже після пророблених експериментів, ми рішуче відкидаємо цього принципа. Ми вимагаємо, щоб негайно припинити війну, конфіскувати землю і передати її до рук земельних комітетів, вимагаємо повного контролю над промисловістю та розподілом»¹⁾.

Такі заяви мало чим різнилися від більшовицьких виступів. А говорив це український есер О. Севрюк, той самий, що 9 лютого 1918 року всього лише через кілька місяців згодом підписав зрадницьку Берестейську угоду.

Українські салдатські маси, що під впливом нашої агітації відходили від уряду Керенського, потрапляли не тільки під наше керівництво й вплив, а до певної міри й особливо у процесі українізації війська потрапляли під вплив українських есдеків та есерів. Якщо до жовтня вплив російських дрібнобуржуазних партій із прискореним темпом увесь час падав, то цього зовсім не можна сказати про вплив і авторитет аналогічних українських партій, що до самісінького жовтня перебували в процесі зростання.

Тільки після Жовтневої революції, як Центральна Рада взяла владу й мусила показати масам не тільки свою національну політику, не тільки фразеологію в царині соціальних питань, а і свою практичну політику що до питань землі, миру і влади, тільки тоді Центральна Рада та українські партії, які нею керували, своїми ділами виявили перед салдатами, робітниками й селянами свою класову суть. Треба сказати, що виявили вони своє справжнє лице так швидко, ніби їм хтось замовив робити це заради інтересів пролетарської революції. Так швидко зсувалася з них машкара «соціалістів», що вже в грудні салдати й селянські маси знали, з ким вони мають справу.

Треба було мати час і, як побачимо потім, часу треба було небагато (листопад — грудень), щоб Центральна Рада та українські дрібнобуржуазні партії майже зовсім дискредитували себе, щоб маси кинули їх, щоб вони повиснули в повітрі, так само, як місяць тому, перед Жовтневою революцією їхні російські брати.

Та для того, щоб цей процес стався, треба було мати час, треба було мати ці два місяці й у цьому полягала рішуча своєрідність становища на Україні, якщо відкинути на бік національне питання, з якого ця своєрідність і постанала.

Події відбувалися скаженим темпом. Ті військові частини, що на початку грудня були на боці Центральної Ради, що роззброювали робітників та військові частини, які йшли за більшовиками, на кінець грудня самі йшли за більшовиками, чи в гіршому випадку лишалися «нейтральними».

¹⁾ Робітнича газета. Ч. 132. Засідання Малої Ради 9 ІХ.

Ті справжні документи Генерального Секретаріату, які ми маємо у своєму розпорядженні, яскраво малюють цей процес (не кажучи вже за мемуарну літературу, яка з усіх боків освітлює цей період).

Вже 15 грудня на засіданні Генерального Секретаріату слухалося повідомлення генерального секретаря Ещенко «про зростання більшовизму в масах та в українському війську». Тут-же констатується, що «сил для боротьби з більшовизмом Генеральний Секретаріат не має. Петлюра підтвердив, що «становище дуже грізне»¹⁾.

І коли 15 грудня з суперечок виявилось, що за основу «грізного стану», вважають брак грошей, недостатню організацію і агітацію, то вже через кілька днів згодом самі генеральні секретарі почали розуміти справжню суть свого безсилля, коли відмовлялися опиратися на ті військові частини, які тоді існували, та вже відходили від Центральної Ради.

Через 10 день 26 грудня на засіданні Генерального Секретаріату новий ген. сек. військових справ Порш у своїй доповіді про військовий стан у тилу й на фронті повідомлює: «армія з кожною дниною розвалюється, військові частини зменшуються так більшовицькі, як і українські, щоб мати у своїх руках силу, треба взятись до організації нової армії: 1) добровільного характеру, 2) платну і 3) платити гроші тим військовим частинам, які вже існують і визнають владу Генерального Секретаріату і підлягають усім його розпорядженням». У дебатах після цієї доповіді представник українських есерів Шаповал висловлюється проти того, щоб давати плату тим частинам, які «борються з більшовиками, бо це дасть в їхні руки великий демагогічний засіб до агітації. Раз армії немає, а треба боронити Україну, то єдиний вихід — проголошення незалежної України, що дасть змогу стати твердо на міжнародній арені і приступити до організації нової фізичної сили».

Другий промовець Шульгін, генеральний секретар закордонних справ, найяскравіший прихильник союзного антантівського орієнтування, заперечує проти сказаного Шаповалом і цілком слушно зазначає, що «незалежність нам підсовують німці й тому її не треба оповіщати. Тепер у звязку з кризою мирових переговорів треба помиритися з більшовиками»²⁾.

Другий представник українських есерів Жуковський, майбутній військовий міністр есерівського кабінету Голубовича, зазначає що «перед Генеральним Секретаріатом стоїть три завдання: 1) фронт, 2) боротьба з анархією і з більшовизмом, 3) організація нової армії. Підняти фронт тепер нема змоги, треба будувати армію на нових підставах, однією з них і є платність армії. Для організації нової армії можна вивести штаби корпусів із фронту, яко готовий технічний апарат. Через 1½—2 місяці можна мати невелику, але міцну армію на 100.000 чоловіка. Крім того, треба розробити новий статут

¹⁾ § 3 Засідання Генерального Секретаріату 15/XII — 17 р. див. першу частину статті 79 стор. ч. 2 (11) «Лет. Рев.».

²⁾ О. Шульгін був соціаліст-федераліст і представляв ту частину правої течії українського національного руху, що складалася з елементів, які найцільніше були звязані з російською ліберальною буржуазією.

армії, який-би забезпечив її від участі в політичних переворотках» (скрізь курсив наш — М. Р.).

Після дебатів Генеральний Секретаріат ухвалив: «Доручити Генеральному Секретаріатові військових справ узятись до організації добровільної армії на платних підставах, яко початок міліційної армії».

А через 3 дні 29 грудня на засіданні Генерального Секретаріату Порш зробив уже безнадійну доповідь про військовий стан на Україні: «Настрій залоги в Києві різний: одні частини займають нейтральну позицію, інші ворожу, приміром, полки Тараса Шевченка, Дорошенка. Деякі частини, на які можна було-б опертися, як «Буринь смерті», Полуботківський полк, Богданівський, дуже втомилися і до активної роботи тепер мало придатні. Найбільш певний робітничий полк вільного казачства, який тепер несе охорону порядку в Києві (курсив наш — М. Р. 1).

Ці документи відбивають справжній військовий стан Центральної Ради²⁾. Якщо і єсть якась невідповідність, то швидче в бік прикрашування, аніж у бік згущування фактів.

Про що-ж свідчать ці документи?

Військо розклаталося, військових сил немає, у столиці одна боездатна частина, що має проти себе кілька ворожих полків та кілька нейтральних. Таким робом, протягом одного місяця грудня стався, підготовлений ще у листопаді, відход од Центр. Ради мало не всього українського війська. У Києві, де політика Центральної Ради з усіма її негативними рисами особливо спадала на очі день-у-день, з документів, резолюцій військових частин і т. ин. можна простежити цей швидкий процес.

Об'єктивною загальною основою цього швидкого падіння авторитету Центральної Ради та її уряду, Генерального Секретаріату, була їхня політика що до питання миру й землі. Переговори та загравання Генерального Секретаріату з союзниками, що офіційно визнали Україну, яко самостійну державу, ще до оголошення 4 універсалу, ця політика відволікання миру на тлі нашої енергійної роботи в Бересті-Литовському підкошувала коріння авторитету Центральної Ради серед солдатських мас. До цього додавався ще й загальний реакційний режим в українізованому війську (козирили, носили погони, влаштували різні паради з участю духовництва й т. ин.).

Та найголовніше для даного моменту, звичайно, полягало в тім, що Генеральний Секретаріат братався з союзниками й одволікав справу миру. Навіть на кінець грудня, коли вже гостро виявилось, що солдати кидають Центральну Раду, О. Шульгін, генеральний секретар закордонних справ, ще провадив антантівську лінію і виступав проти сепаратного миру.

¹⁾ Цитовано за первотворами протоколів засідань Ген. Секретаріату.

²⁾ Зважаючи на те, що цю частину архіву ще не систематизовано, ми не маємо змоги подати ні числа зошитів, ні числа тому. Ми могли-б подати висновки зі спогадів наших товаришів, що на місцях керували цією боротьбою з Радою та що в цілому підтверджують картину загального розкладу військових сил Ц. Ради, та розмір статті примушує обмежитися вище поданим.—М. Р.

«Війна загрожувє повною руїною,—каже він,—так Росії, як і Україні. Через це Центральна Рада почала переговори про перемир'я на своїм фронті. Але ми йдемо иншим шляхом, ніж більшовики. Але остаточно замирити може федеральним тільки, а не Рада Народніх Комісарів. Більшовики хотять замирити сепаратно, а ми на це не згодні, ми не допустимо, щоб німці та австрійці перекидали свої полки на англійців, французів та інших. Ми стоїмо за загальний мир»¹⁾ (курсив наш — М. Р.).

Салдати бачили в цих промовах справжнє лице керівників Центральної Ради, ставали до неї вороже, розходячись по домівках, розносили по селах нові настрої.

Яскравим прикладом перелому що до ставлення до Центральної Ради широких селянських мас були дебати, що виникли 14 грудня в Центральній Раді (8 сесія) у справі куркульського земельного законопроекту, якого подав генеральний секретар есдек Мартос (за законопроектом усі господарства, що мали не більше 40 десятин не позбавлялися права власности і їхня земля та господарства лишалися незайманими), і от у справі цього куркульського законопроекту почали висловлюватися селянські представники.

«Приїхати додому з таким законом,—каже селянин Манько, що виступив у дебатах,—значить дістати по потилиці».

«Якщо ми скажемо,—зазначає инший селянин Паньків,—що законопроект залишає в одних руках 40 десятин, то нарід не визнає і самої Ради».

«Коли-б селяни знали, які закони ви випускатимете, то вони-б не обрали вас до Центральної Ради, а самі-б складали земельні закони (селянин Пригода)».

«Оце так революція! Залишати по 40 десятин в одних руках... Якщо такого закона ухвалять (жест до Центральної Ради), то ви не діячі з народу. Кажуть, що землі не вистачить на всіх. А як будете лишати по 40 десятин, то що хіба землі більше від того стане? Ми до соціалізму доросли. Може не доріє той, хто тає про нас говорить (селянин Хвиленко)».

«Не годиться цей законопроект і якщо його ухвалять, то не буде життя й нам, і тим, що писали його, 40 десятин! Та як повернутися з фронту наші вояки, то вони своїми багнетами переміряють 40 дес. (селянин Гуленко)».

И нарешті селянин Сторубель: «Нарід підтримував і підтримує Ц. Раду, але якщо ми ухвалимо закона з приватною власністю до 40 десятин, то всі відмовляться підтримувати Раду...»²⁾.

Лідери дрібної буржуазії швидко виявляли свою справжню суть навіть перед верхами, що представляли селянську масу. Сама селянська маса, що від сотень тисяч своїх салдатів дізналася про те, що робилося з поміщицькими землями в Росії, рівняла радянську земельну політику до політики Центральної Ради й ще гостріше й ворожнїше ставилася до неї.

1) «Земля и Воля». Орган харьк. губер. ком. есерів. Грудень.

2) Цитовано за В. Скорогостанським «Революція на Україні», стор. 85—86, й також маєтсья в часописі «Земля и Воля». Харків. Грудень, 1917.

Генеральний Секретаріат своїм земельним законопроектом насмілювався сказати тільки про те, що він має на думці боронити куркульські господарства та що по таємних канцеляріях лагодилися до того, щоб захищати не тільки самих куркулів, а й поміщицькі маєтки. Про це, звичайно, не висувалося законопроектів, та в цьому полягала суть тієї нової платної армії, для якої Жуковський висував статута, «що забезпечив-би її від участі в політичних переворотках».

Ще не розроблено архіви центральних і місцевих органів Центральної Ради, але та частина архіву Генерального Секретаріату, яку ми маємо у своєму розпорядженні, вже має документи, що яскраво показують не тільки куркульське лице українських есдеків, а й те, що вони просто захищали інтереси буржуазії та поміщиків. Про це свідчить другий пункт угоди, складеної 16 грудня між Генеральним Секретаріатом та командуванням чехословацького корпусу. Вона містить такі рядки, про які мусять знати вся селянська Україна. «Наколи-б виникла потреба, — читаємо ми у цьому пункті, — захищати від зруйнування й розграбування злочинним елементом народного майна (маєтків, лісів, сільсько-господарського інвентаря, який раніш був власністю поміщиків та інших приватних власників): фабрик, заводів, залізниць і всіх підприємств культурного значіння, особливо коли вони зв'язані з потребами військового стану, корпус дає свою допомогу, згідно з вказівками української військової влади¹⁾».

Отже, рівнобіжно з розробкою куркульського земельного законопроекту складено угоду чехословацьким корпусом, щоб він захищав од «злочинного елементу», на якого показуватиме військова влада, поміщицькі маєтки, фабрики й заводи. А через те, що керівникам військовими справами вже й тоді «злочинним елементом» здавалися навіть українські ліві есери та члени їхнього Ц. К., то салдати й селяни, що не хотіли чекати далекого парламентарного одержання поміщицької землі та інвентаря від Установчих Зборів, звичайно, і тим паче були «злочинним» елементом. Це проти них, що самі хотіли провадити соціалізацію та що виступали проти 40 десятинного закону, складала Ц. Рада угоду в грудні з чехословаками, а в лютому з німцями²⁾.

¹⁾ Повний протокол цієї угоди ми подамо в додатках до статті, тут-же тільки відзначимо, що протокол має резолюції, писані власною рукою Петлюри такого змісту: «Зі свого боку висловлюю згоду на постанову комісії; корпус має зайняти об'ємний усяток на фронті й за вказівками української військової влади. 14/ХІІ — 1917 року С. Петлюра».

А поруч резолюція Шульгіна: «Протокол комісії читав, коли погляд військового секретаріату, що озброєна сила чехословаків потрібна так для того, щоб забезпечити фронт як і для охорони ладу в краї. з з політичного погляду вважаю умови, вироблені комісією відповідними.—О. Шульгін».

²⁾ Питання про невідчуження норми на 40 десятин має свою історію. Спершу мали цю норму встановити до 50 десятин, про що навіть розіслано офіційне пояснення, приміром, у газеті Харківського Губерніяльного Земства «Народное дело» за 24 листопада 1917 р. Ч. 161 ми читаємо от що: «Пояснення Ц. Ради що до земельного питання».

... Губерніяльний земельний комітет одержав од Ген. Секретаріату Центр. Укр. Ради обіжника, який пояснив питання що до земельного справи.

У цих поясненнях зазначається, що відібрання приватно-власницьких земель не стосується трудових господарств, які мають площу меншу, ніж 50 десятин. Певну думку й постанову що до таких господарств скажуть тільки Установчі Збори».

Не стільки інтереси національного визволення, а класові інтереси українського куркульства були захованою ухальною пружиною в роботі Генерального Секретаріату, а пізніше есерівського кабінету Голубовича.

IV

Так ставилися на кінець грудня до Центральної Ради салдатські та селянські маси. Про робітників нема чого й говорити, бо мало не всі вони ставилися до неї гостро вороже; це доводить повстання, що спалахнуло в Києві, а також збройне захоплення влади в Катеринославі робітниками Брянського й інших заводів та події по багатьох ще містах, де були робітничі маси.

Центральній Раді ні на кого було в масах опертися. Військова сила була проти неї. Салдати поверталися з фронту, ставили під небезпеку Центральну Раду й підривали можливість організувати куркулям реальну допомогу Центральної Раді, а куркульські елементи, що були у війську, потопали в загальному салдатському морі.

Деморалізація і розклад так само панували в партіях, що керували Центральною Радою, в партіях есдеків та есерів. Було це не тільки по їхніх низових організаціях, що відбивали переважно настрої мас, а навіть вершок центрального комітету являв собою таку саму картину.

Про те, що робилося в тому колі, що керувало справами українських есдеків, ми вже подали деякі факти в першій статті (ч. 2 (11) «Л. Р.», стор. 83). Провалилася спроба скласти угоду з російською дрібною буржуазією, провалилося орієнтування на Антанту, маси зневірилися, не було реальної сили, на яку можна було опертися, — усе це викликало цілковиту розгубленість проводирів есдеківської партії. Цей розпач, те, що загубилася найменша перспектива, яскраво відбилася в одній із статей, які написав тоді Винниченко. «А що - ж наше військо, — читаємо ми в цій статті — яке так сильно, так гаряче любить біднуеньку Україну? Чом - же воно не кричить болісно й з мукою образи, глибокої туги за честю і щастям своєї матери? Де воно славне військо українське?..

«Ах, синки п'яненські луцять насіннячко по казармах, продають на базарах цигарки і приятелюють зі справжнісінькими російськими більшовиками. Чого хотять наші бідні, нещасливі, запаморочені більшовицьким криком, хохлики? Чом не запитують вони свого народу, своєї ньеньки України, що то за Рада? Чого вона хоче, що їй болять? До чого йде?.. (саме через те, що вони дізналися, чого хоче й куди йде Центральна Рада, українські салдати й лушили «нейтрально» насіннячко — М. Р.).

«Та чи - ж прийдуть ті синки? Чи запитують? Яке їм діло до України, до рідного краю, до долі окраденого мужицького, згвалтованого всякими панами народу? Вони мають повні кешені насіння, вони гуляють по базарах, слухають щироруських молодців і вкупі з ними дають «в батька і матір» і свій народ, і своїх братів у Центральній Раді...

Пошана вам, синки - базарники» ¹⁾.

¹⁾ В. Винниченко. Робітнича Газета № 220.

У цьому страшному зневір'ї в масах, на які раніш покладалося надії, відчувається і відбивається усеї розпач становища того часу. Ми не будемо тут заперечувати Винниченкові, а тільки зазначимо, що даремне він у своєму розпачі не бачив того, що українські полки й селянство у своїй масі зовсім не були «базарники». Центральну Раду їм нічого було справді питати, бо за два місяці її влади вони дуже добре розібралися, що вона собою являла. Вони посилали «у батька й у матір» Центральну Раду, та зовсім не український нарід.

Ми подали уривки з цієї статті, яко «людський» документ, що характеризує стан і настрої проводиря есдеківської партії в найкритичніший момент тоді, як провалилася політика, якою він сам-же й керував. У цих умовах загального розкладу справді могли виникнути плани цілковитої капітуляції. Пропозиції від одної частини Генерального Секретаріату заарештувати иншу й т. ин. [Див. примітку до 83 стор. «Л. Р.» ч. 2 (11)].

Та розклад вершка есдеківської партії не являє для нас переважного місця в загальній картині. Головну роллю що до цього відігравала партія українських есерів. Вона, а не есдеки, відбивала й репрезентувала селянські маси. Стан, в якому перебувала українська партія есерів, має велике значіння в справі що до розуміння поставленого нами питання, вірності тої чи иншої політики що до Центральної Ради.

Партія українських есерів фактично організувалася, яко велика масова партія, тільки 1917 року; це була молода [партія, з дуже слабим, керованим ядром; людей, що мали б політичне й революційне минуле в ній, можна було перелічити на пальцях. У неї влилися мало не всі елементи сільської трудової інтелігенції та шкільної молоді, усі, що брали хоч трохи активну участь у суспільно-політичному житті Лютневої революції. Винесена хвилею селянського моря на гребінь революції партія УПСР мала абсолютну більшість у Центральній Раді й одержала на виборах до російських Установчих Зборів 3.400.000 голосів, тоб-то 45% усіх тих, що подавали голоси¹⁾.

І то ця партія не мала навіть людей, щоб організувати уряд, хоч і мала абсолютну більшість у Центральній Раді, вона змушена була аж до останнього моменту підтримувати есдеківський кабінет із Винниченком на чолі.

Соціально-політична диференціація українського села, що не встигала так за містом, як і за соціально-економічним розшаруванням самого села, не сприяла диференціації в самій партії. Українські есери весь час були в опозиції не тільки що до політики до самого коаліційного уряду, а до певної міри й до власного Генерального Секретаріату. Становище опозиції було до певної міри сприятливе для того, щоб збільшити вплив. У той час, як у Росії участь есерів дискредитувала й показувала масам їх справжню суть, на ґрунті чого в самій партії проходило швидке політичне самовизначення різних складових частин партії, в українських есерів цей процес був, як то кажуть, ще в зародку. Їхньої

¹⁾ Російські есери одержали 1.878.000, тоб-то 25%, більшовики 754.000, тоб-то 10% усіх голосів (більшовики в загально-російському масштабі одержали 25% усіх голосів), кадети 277.000 — 4%. Усього голосувало на Україні 7.581.000 чоловіка. На західному фронті українські есери одержали 30% голосів, на румунському — 34%.

соціально-економічної політики в житті й на практиці селянство на Україні ще не бачило. Вони чули слова досить радикальні, щоб співчувати їм. Діло - ж до жовтня полягало в національній політиці, якій, безумовно, співчувала більшість селянства. Самі тільки українські есери малу вплив на селі. Хвилю нових більшовицьких настроїв принесли туди салдати значно пізніше, салдати, що поверталися з фронту та з міста. Саме тоді, як російські есери після жовтня вже організаційно розкололися на дві самостійні партії, ліве крило українських есерів у жовтні і навіть у листопаді було ще мало помітним.

Диференціація в самій партії та в її ЦК була остільки слабкою, що в рямцях однієї партії під впливом усіх вищезгаданих причин та гасла «єдиного національного фронту» існували ще поруч соціально чужі елементи від напівлібералів (колишніх туповців), куркульських представників і до справжніх представників масового революційного селянського руху. Та події посувалися швидким темпом. Салдати поверталися додому, практика аграрного руху в Росії, вимоги широких селянських верств, а не куркульства, так гостро виявлялися, що протягом дуже короткого часу почався швидкий розклад в есерівських лавах. На ~~кінці грудня в ЦК партії вже накреслилося три групи: ліва, права й центр.~~ Приклад радянської Росії, де вже стався розкол, де ліва частина ввійшла до Ради Нар. Ком., сильно спокушав. Коли Генеральний Секретаріат із його антантівським орієнтуванням за проводом українських есдеків не зумів досягти миру, не зміг і не зумів дати землю селянам і не зміг навіть завести порядку, ЦК есерів, не зважаючи на те, що тоді існували різні течії в його складі, однодушно потягся до влади.

Наше військо наступало й це прискорило кризу. Кабінет Винниченка подав до демісії в активну й у найгарячішу пору боротьби з більшовиками, почалася довга боротьба в самому ЦК за владу.

Праве крило партії разом із центром ~~брало саме владу, коли в Києві почалося вже повстання і коли до нього вже підступало радянське військо.~~ Воно не могло опертися на якусь унутрішню силу і брало владу, бо сподівалося, ~~що допоможуть німці.~~ Кабінет Винниченка склав свої обов'язки, але не через те, що його внутрішня політика не відповідала інтересам тих соціальних сил, які представляла права частина УПСР. Лівішої внутрішньої політики вона й не збиралася провадити. Найголовніша причина стремління до влади цього флангу есерів полягала, з одного боку, в тім, щоб не допустити до влади більшовиків, а з другого — щоб новою зовнішньою політикою, що орієнтувалася на спілку з Німеччиною, зміцнити свою владу. Без миру і спілки з Німеччиною не можна було триматися, а цей мир мусив був дати реальну зовнішню силу, на яку - б можна було опертися у внутрішній боротьбі на той час, доки пощастить zorganizувати ті соціальні сили, на які УПСР мала на думці опиратися на - далі. Та для цього були потрібні нові люди, що не скомпрометували ще себе зв'язками з Антантою.

Ліве крило партії українських есерів, з Михайличенком на чолі, скидало Винниченка з інших міркувань: воно хотіло захопити владу до своїх рук для того, щоб припинити війну з більшовиками та за їхньою допомогою у спілці

з ними встановити українську радянську владу. З цією метою, через російських есерів провадилися переговори з тов. Леніном та з Радою Народ. Ком. РСФРР.

Та не зважаючи на те, що одна частина УПСР провадила таємні переговори з більшовиками, а друга з німцями, партія все ще лишалася формально єдиною. В ЦК партії були представники обох ворожих сторін, які провадили переговори й силувалися примирити непримириме.

Яскраві штрихи внутрішньої боротьби подає тов. Любченко у своїх свідченнях на процесі УПСР у Києві. «ЦК, — свідчить тов. Любченко, — засідав дві 5 чи 6 та співвідношення сил складалося так, що кабінет, як голосували персонально, приймався більшістю голосів, а поставлений у цілому більшість голосів ЦК не приймався. Тяглося так днів з п'ять, а тим часом Михайличенко провадив переговори про склад уряду, де ділено місце між більшовиками та есерами». — Тут же в ЦК так само ставилося питання про характер влади. На одному із засідань питання, кінець-кінцем, поставлено руба: «чи визнає ЦК УПСР Радянську систему, чи визнає парламентаризм». Ось альфа й омега, яку треба було розв'язати та від цього залежало, чи буде мир, чи ні з Радянською Росією, через те, що самі балачки про шляхи революції ні до чого не привели. Оскільки я пам'ятаю, засідання комітету було щось біля 12. чи о 3 годині вночі. Більшістю одного голосу пройшла Радянська система. Це викликало страшенний переполох серед уряду Центральної Ради. Особливо між керівниками партії соц. - демократів, які говорили, що вони не згодні на Радянську систему. Скликано всіх членів, скликано засідання комітету й більшістю двох голосів ухвалено парламентаризм» (курсив наш — М. Р. 1).

І ось як «молоді люди, на бік яких перейшов на початку революції Грушевський, щоб не допустити рух до скрайности»²⁾, перестали слухатися сво-

¹⁾ Стенографічний звіт процесу ЦК УПСР, стор. 194 — 5.

Що то був за парламентаризм, якому протиставлялася Радянська система, це досить добре маємо тов. Рафес, яко тодішній лідер «Бунда», що гаразд знав події того періоду. «Мала Рада, — пише він, — завжди вгадувала волю пленуму Центральної Ради. І 3 й 4 універсали оголосила Мала Рада напередодні відкриття Сесії Центральної Ради, що завжди мала справу з фактом, який уже стався. Генеральний Секретаріат у свою чергу ставив Малу Раду перед розв'язанням дуже серйозних справ, що перед тим ним не обмірковувалися. І справа пішла далі: «Мирова делегація Генерального Секретаріату в Бересті вимагала від більшовиків, щоб вони визнали самостійність України, якої тоді ще зовсім не оголошувано... За лаштунками Центральної Ради всі питання розв'язували лідери впливових фракцій, переводили в життя навіть за спиною Генерального Секретаріату»... М. Рафес «Два года революции на Украине», стор. 73.

²⁾ М. С. Грушевський, лідер і керівник центральної течії, яка в основних питаннях тоді фактично йшла з правим крилом, перейшов до партії есерів тільки на початку революції, і то не зразу. Під його впливом «ТУП» реорганізовано в партію соціалістів - федералістів, а тоді швидко після цього Грушевський перейшов до есерів. Д. І. Дорошенко, один із видатних представників туповців, так пояснює причини його переходу вліво до есерів: «М. С. Грушевський дуже швидко орієнтувався в оточенні, і дуже швидко ми, старі туповці, співробітники М. С., його вірна стара гвардія, помічали й дивувалися, що М. С. не з нами. Він більше бував і оточував себе товариством молодих есерів і з нами навіть мало говорив і радився. а після того, як дехто із старших українців, що особисто стояли до нього близько, питалися в чому справа, М. С. ухилявся від прямої відповіді й

го батька, постановлено їх умовити не парламентською метою, а шляхом переконування. На кону з'являється комендант Києва Ковенко, тодішній фактичний диктатор, бо в його розпорядженні була єдина бойова сила Ц. Р. Загін «Вільного козацтва», згідно з його наказом, заарештовував кандидатів до того Радянського уряду лівої частини ЦК, що мав складатися. Заарештовано, безумовно, за згодою керівничої групи правого крила (Грушевський, Салтан-Голубович, Лизанівський).

Кінець боротьби в самому ЦК УПСР, у самій Центральній Раді та в «єдиному» національному фронті, кінець, на який покладалися надії Ради Народніх Комісарів, вирішив сам загін «вільних козаків» інженера Ковенка. Українська буржуазія, яка тільки-но народилася, була ще надто слабою, щоб відігравати помітну роль, та вона виявилася була досить сильною і організованою, щоб у рішучий момент допомогти лідерам дрібної буржуазії, що п'ять днів дискутували питання що до влади та щоб «критикою зброї» розв'язати спірне питання між «парламентаризмом» і Радянською системою.

* * *

Чому саме в Києві, де стояло багато полків з артилерією і кулеметами, полки, що не тільки тримали нейтралітет у боротьбі Центральної Ради з Радами робітничих депутатів, і що навіть висловили їй своє недовір'я, кінець боротьби вирішив невеличкий загін Ковенка, а не ці численні, добре озброєні селяни, зодягнуті в сірі шинелі. Тут пригадується дуже гарна аргументація тов. Леніна, який цитував Маркса про те, що «повстання — це мистецтво».

Бо-ж владу можна було взяти й з середини голими руками. «Вони (салдатські маси — М. Р.) навіть у самому Києві, — пише Винниченко, — не виявляли ніякого бажання битися проти більшовиків, браталися з ними, переходили до них. Український уряд не міг покластися ні на одну з частин, що стояли в Києві, і навіть для власної охорони не мав вірної частини.

Часто бувало, що при Генеральному Секретаріаті, коло будинка, де засідав уряд, на варті стояли частини з більшовицьким настроєм. Коли-б вони мали більше ініціативи, то усякого вечора могли-б заарештувати весь уряд»...¹⁾

Треба було виявити ініціативу. Отут-то і бракувало тих суб'єктивних чинників, що іноді мають таку велику вагу в рішучий момент підготовування повстання.

Та, «ліва течія, — зазначає тов. Блакитний, у минулому один з її видатних лідерів, — тоді не була організованою групою. Це була просто течія кількох груп, що змовлялися, що йняли віри ілюзії, вірили в словесний революціонізм

говорив, що реальна сила за цими... молодими людьми... що незабаром за ними підуть маси, тим-то і краще заздалегідь стати на чолі їх, щоб не допустити рух до скрайності та до великих помилок. Так треба було розуміти його відповідь та пояснення. «Історик и Современник», книга 5. Д. І. Дорошенко «Война и революция на Украине», стран. 195.

¹⁾ В. К. Винниченко. «Відродження нації», ч. 2, стор. 216.

центру»¹⁾). Це була до того політично недосвідчена група чи течія, що вже після арешту її керівників, коли вони вже переконалися в контр-революційності правої частини своєї партії та «революційності» її центру, їх ще й тоді задовольняли балачки й вибори, з приводу арешту, слідчої комісії й дозволяли, за виразом тов. Любченка, «водити себе за ніс»²⁾).

Тільки, як уявити собі всю ускладненість умов, узятих у цілому з усіма її суперечностями і кривинами й не забувати, що ці події були зв'язані органічно з тією боротьбою, що відбувалася в Бересті з німецьким імперіялізмом, тільки тоді можна розв'язувати питання, чи вірна та чи інша наша політика що до лівого крила Центральної Ради.

Прихильники в цьому питанні лінії Народного Секретаріату робили й можуть зробити висновок про те, що коли ліве крило УПСР було остільки мало оформленим і політично недосвідченим, що не можна було його і вважати за серйозний чинник, на підставі якого можна провадити ту чи іншу лінію, то значить вірна була та політика, яка не вважала на лівих есерів.

Ми не погоджуємось з цим. Коли-б ця слаба, мало оформлена течія являла собою тільки парламентарно-інтелігентську групу, тоді ігнорування його було-б зрозумілим, але ця течія відбивала глибокий, сильний рух уліво, мільйонних селянських і солдатських мас. Ставитися до цієї течії так, як ставилася більшість Народного Секретаріату, було великою помилкою, яку, на жаль, не швидко виправлено³⁾.

Якщо ліва течія УПСР була слаба, то як зважити її значіння в даному випадку, її треба було-б підтримати, допомогти усім, чим тільки можна було, щоб прискорити організаційний розкол. А політика Народного Секретаріату цього не робила, а в значній частині робила протилежне. З цього погляду характерна та оцінка, яку давали діячі Нар. Секретаріату політиці Ради Народніх

1) Стенографічний звіт процесу ЦК УПСР, стор. 377.

2) На процесі ЦК УПСР тов. Любченко сказав, що тоді, як дізнався він про арешт своїх товаришів: «Я прийшов на засідання (есерівської фракції Центральної Ради) й повідомив, що заарештовано членів ЦК, що фракція мусить їх визволити, що треба протестувати проти арешту. Від ЦК виступив Салтан (один із лідерів правого крила—М. Р.) і сказав, що вимагати, щоб звільнили зараз, не можна, а треба обрати слідчу комісію. І вони обрали комісію, що вела їх потім за ніс» (курсив наш — М. Р.). Стенографічний відчит процесу, стор. 199.

3) Заперечення проти доцільності на певний період тоді коаліції з українськими лівими есерами через їхню слабкість «інтелігентність» неорганізованість, через їхню недостатню політичне самовизначення що до Радянської влади й т. д. до певної міри аналогічні твердженням, що коаліція з лівими російськими есерами була зайвою, бо останні повстання проти нас довели свою контр-революційність. Така аргументація абстрактна й наочна, вона не бере до уваги своєрідності окремих етапів революції, тих неминучих вагань селянства та потреби використати до краю всі революційні можливості, що були в селянстві. Коаліція з лівими есерами в тих конкретних умовах була потрібна. Наша партія на початку Жовтневої революції була ще слабо зв'язана з селянством, щоб зуміти безпосередньо очанувати селянство. Треба взяти до уваги всі труднощі, які стояли перед нами другого дня після того, як захоплено владу, треба взяти до уваги симпатії й авторитет, яку тоді ще мали ліві есери серед селянства.

— На певний період за допомогою лівих есерів, а не безпосередньо, робітничка класа та їх авангард — наша партія, легше, з меншими труднощами могла здійснити керівництво селянством з метою успішного розвитку пролетарської революції.

Комісарів. В уривках своїх спогадів т. Затонський мимохідь зауважує: «Він (Ілліч — М. Р.) саме тоді провадив гру з лівими есерами що до радянзації Центральної Ради». Що це не була гра, про це в тих самих спогадах каже сам тов. Затонський, тоді, як Народний Секретаріат уже зорганізувався: «Рада Народніх Комісарів РСФРР до часу не хотіла в'язати себе тією чи іншою постановою що до України й не поривала формально з Центральною Радою. Я почав вимагати офіційного визнання. Після тижневого приблизно відволікання, після кількох крутих розмов зі Сталіним, ухвалили, що Рада Народніх Комісарів РСФРР визнає за законний Радянський Уряд — нас...».

Та треба визнати, що ставка на можливість іншої комбінації з Україною не було відкинуто остаточно... і тов. Затонський далі правильно пояснює причини: «Справа в тім, що в Центральній Раді справді викристалізовувалась ліва опозиція, — це було справжнє виявлення глухого незадоволення широких мужицьких мас України з нерішучої політики Ради що до земельної справи» (журів наш — М. Р.). Тов. Затонський далі пояснює, що «ЦК більшовиків було не від того, щоб підтримати цей процес диференціації, при чому роботу провадити через лівих есерів (російських)».

Слова «не від того» і «гра» не зовсім добре відбивають справжню політику Ради Народніх Комісарів. Це була не гра. Тов. Затонський випадково дізнався про те, що має статися переворот, про те, що роблять це з відому й за згодою Ради Народніх Комісарів РСФРР і вимагав у Сталіна, щоб той дав йому пояснення. «Я вимагав, — пише тов. Затонський, — щоб мені сказали, яку саме політику провадить Рада Народніх Комісарів РСФРР і на що робить ставку. Сталін від прямої відповіді ухилився¹⁾. Тов. Сталін ухилився від відповіді на питання, чи робить Рада Народніх Комісарів ставку на Народний Секретаріат, чи на Радянський Уряд, який мусив був скластися шляхом перевороту в самій Центральній Раді з більшовиків, українських і російських лівих есерів, бо т. Сталін разом з тов. Леніном провадили не гру, а хотіли серйозно допомогти українським лівим есерам виконати те завдання, що стояло перед ними — скинути власними «національними» руками свою дрібнобуржуазну контр-революцію, і тим допомогти нашій партії установити радянську владу на Україні.

Те, що це так, те, що ця політика не була грою, а була органічною складовою частиною Ленінської схеми розвитку пролетарської революції, доводить пізніші розходження й суперечки що до цього питання протягом кількох років, а так само кілька спогадів і документів. В цьому погляді для 1917 року великий інтерес являє не давно так опублікована стаття тов. Скрипника «Основные вопросы украинского Октября». Тут тов. Скрипник подає свою розмову з тов. Леніном у грудні 1917 року. Він пише: «Друге питання, яке я мав на увазі з'ясувати в тов. Леніна, перше ніж повернутися на Україну, було питання про нашу тактику у відношенні до інших партій, правдивіше, це було питання

¹⁾ В. Затонський. «Водоворот». «Октябрьский сборник», стор. 134 — 135.

не про тактику нашої партії, а швидче про характер та ступінь непримиримості пролетаріату на Україні у відношенні до інших суспільних клас, до соціальних сил.

Я мушу покаятися зараз, що в мене саме в листопаді і у грудні 1917 року був до певної міри ультра-лівий ухил, а саме: я вважав за потрібне, щоб наша лінія що до наших ворогів була гострішою й трохи непримиримішою. Ленін тоді в розмові зі мною... зауважив мені на мої ультра-ліві ухили, що така непримирима революційна лінія відштовхнула-б од нас селянську партію лівих есерів, а провадити Жовтневу революцію без селянства і проти селянства та його організацій, якою була партія лівих есерів, — неможливо.

Я виїздив з Петрограду й хотів мати вказівки з цього питання від Ілліча. Вказівки ці були цілком визначеними в своїй скrajній і безперечній непримиримості у відношенні до поміщиків та до буржуазії, але разом із тим твердо говорили про конечність рахуватися з настроями і ступнем (?) свідомості селянської маси перш над усе, оскільки вона виявляється в селянських революційних партіях, і зокрема в есерів, та скільки вона виявляється в салдатських масах.

Зі слів Ілліча, — каже далі тов. Скрипник, — я зрозумів, що цю думку він тоді (і після того — М. Р.) не поширював на міську дрібну буржуазію. Я навіть перепитав про це Ілліча й одержав на своє запитання певну відповідь, що дрібна буржуазія в цей момент не являє тієї сили, що коли-б рахуватися з нею, треба було-б міняти і свою тактику¹⁾ (курсив наш — М. Р.).

Тепер, якщо поставити поруч ту директиву Ілліча, яку подав тов. Скрипник з тією практичною політикою відносно лівих укр. есерів, яку провадив Народній Секретаріат, то стає цілком ясним невідповідність цих ліній²⁾.

*
*
*

Проте, зазначаючи невірну лінію більшості Народнього Секретаріату в політиці до лівої частини українських лівих есерів, треба тут зауважити, що така політика Народнього Секретаріату визначалася не самими суб'єктивними причинами, невірними поглядами поодиноких керівників, а й об'єктивними політичними умовами того періоду.

¹⁾ Газета «Комуніст», орган ЦК КП(б)У, 20/XII 1925 року.

²⁾ За трактуванням тов. Рубача виходить так, ніби Ілліч давав тов. Скрипнику безпосередні вказівки про неминучість угоди з лівими українськими есерами, справді - ж що виходить зі статті тов. Скрипника, справа йшла про російських лівих есерів.

А різниця між цими двома партіями була ось у чім: за лівими російськими есерами першими місіями Жовтневої революції справді йшли селенські маси, а в лівих українських есерів що до цього справи складалися гірше це визначає і сам автор статті. Він пише далі, що робітничі й салдатські маси ще мало знали про існування радянського крила в укр. нац. русі. Та чи - ж єсть якісь дані, щоб запевнити, що селяни, про це крило щось знали. В усякому разі автор цих даних не подає. Прим. редакції.

На початок січня, протягом двох місяців після жовтневого перевороту утворилося неймовірне загострення становища. Той факт, що установи й організації, які керували українським національним рухом у соціальній боротьбі, опинилися по той бік барикад укупі з буржуазією і поміщиками (спілка з Каледіним), неминуче дискредитував у робітничих і селянських масах і самий український національний рух, викликав до нього те вороже ставлення, якого не спостерігалося до жовтня.

Зрадницька контр-революційна політика більшості Центральної Ради та її уряду, Генерального Секретаріату, зробила все, що тільки можна, для того щоб протиставити робітничу класу та більшість селянства національним вимогам, які пролетарська революція легко могла б задовольнити.

Репресії і утиски, що дійшли до розгрому Рад та інших робітничих і більшовицьких організацій на місцях, розстріл у Києві Л. Пятакова, у Полтаві та по інших містах партійних і революційних робітників, яких любили й поважали маси, викликали неймовірну лютість, утворили умови, з яких випливала потреба жорстокої непримиримої боротьби.

Київське повстання, яке почалося не то що за вказівками Народного Секретаріату, а й всупереч його дерективам, являє собою яскравий показник об'єктивного стану, як маси стихійно рвалися до бою.

Наступ на Полтаву, який почався 5 (18) січня та пізніше події, теж до певної міри являють наслідок загостреного стану.

Ліве крило українських лівих есерів надто пізно почало оформлятися (ми вище вже зазначили причини цього), і після того, як воно стало що до кількості численнішим крилом, воно надто слабо відмежовувалося від більшості Центральної Ради, від її офіційних керівників Винниченка, Грушевського й инш. Робітничі й салдатські маси мало знали про існування лівого крила українського національного руху, що переходив на бік Радянської влади. Суперечки в партії укр. есерів та в її фракції Центральної Ради провадилися здебільшого в самій партії, в її вершках, і надто мало доходили до маси.

Тут безперечно криються об'єктивні причини провалу того перевороту, який мав статися в самій Центральній Раді, коли арешт його проводирів не викликав масового відгуку. Маси лівого крила мало знали, а наші партійні організації на місцях на них не вважали, бо вбачали в Центральній Раді єдиний ворожий фронт.

Тут ми знаходимо відповідь на питання, через що саме Рада Народніх Комісарів у своїй політиці до лівих укр. есерів не могла опертися на наші місцеві партійні організації і на Народній Секретаріат. (Бо ж мета була єдина, різниця полягала тільки в розумінні найдоцільніших шляхів до її здійснення). Чому саме ліві укр. есери, як лагодився переворот (лагодився, безумовно, слабо й невміло й т. д.), не погоджували свої роботи з нашою київською організацією і Народнім Секретаріатом? Бо, коли - б останній і керівничі елементи київської організації досвідченіші й організованіші, що керували переважною більшістю робітників, коли - б вони зуміли допомогти лівим українським есерам, коли - б зуміли об'єднати зусилля в боротьбі проти майже спільного ворога, тоді, можливо, були - б ті суб'єктивні чинники, що при об'єктивно сприятливих умовах для повалення Центральної

Ради могли-б змінити кінець того перевороту, що мав статися з усіма тими важливими подіям, які з цього випливали.

Загострення, про яке ми згадували вище, слабе викристалізування й виявлення перед масами лівого крила, збройна боротьба, яка вже провадилась проміж Центральної Радою та Народнім Секретаріатом, звичайно, не могла дати сприятливих умов для політики угоди з лівими есерами. Ми підкреслюємо ті об'єктивні, досить важливі перешкоди, але разом із тим мусимо зазначити й суб'єктивний момент. Коли-б Народній Секретаріат мав тверду свідомість вірності, конечности, доцільности політики, яку провадила Рада Народніх Комісарів у відношенні до українських лівих есерів, то деякі об'єктивні труднощі тодішніх політичних умов можна було-б перемогти. Важко сказати, які й оскільки (ворожити на гущі з кави не можна, а що до історії і зовсім не годиться) важливі питання вимагали докладної аналізи, вивчення подій буквально кожного дня, бо події відбувались неймовірно швидко.

* * *

Що-ж спричинилося до помилкової в цьому питанні тактики Народнього Секретаріату? Ця помилкова тактика виходила з не зовсім вірного розуміння ролі і значіння національного і звязаного з ним селянського питання в революції.

Національне питання на Україні та ставлення до лівої частини українських есерів були, кінець-кінцем, до певної міри питанням ставлення робітничої класи до селянства. У листопаді за партією українських есерів, особливо її лівою частиною, ішли ще широкі маси українського селянства. Це довели вибори до Всеросійських Установчих Зборів, де селянство голосувало за есерів, при чому не за російських, а за українських. Тут питання про спілку робітничої класи й селянства було разом із тим питанням про спілку російського міста й українського села. Тим-то розв'язання цієї соціально-економічної проблеми було органічно звязано з національним питанням. На Україні, де наші партійні організації були куди слабші й організаційно й політично, ніж у Росії, де наш спільний вплив на маси був менший, ніж там (на виборах до Установчих Зборів більшовики одержали на Україні 10% усіх голосів, а в загальноросійському масштабі 25%), гадали обійтися без цього проміжного ступеня — спілки з лівими есерами, без яких навіть у Великоросії, у сприятливіших умовах, не могла успішно розвинути революція. Те, що в Народньому Секретаріаті був. тов. Тарлецький, тоді російський лівий есер, ще не визначало розв'язання цього питання. Тут на Україні спілка й угода з українськими лівими есерами були потрібні з соціально-політичного й національного поглядів. Тут вони були подвійно потрібними. Те, що єдиний національний фронт, який об'єднував українців, починаючи від кадетів і лібералів і до справжніх представників національно-революційних елементів селянства включно, не був розірваний, — було, безумовно, нашою найбільшою хибкою того періоду.

Це питання набиало особливого значіння, бо воно було звязане з міжнародною політикою, з боротьбою між пролетарською революцією і німецьким імперіялізмом.

Бої, що відбувалися в Києві й навколо нього, спроби радянського перевороту в самій Центральній Раді були щільно зв'язані з дипломатичними боями у Бересті-Литовському. Розбита, прогнана з України Центральна Рада тільки через угоду з німецьким імперіялізмом одержала реальну силу для боротьби з пролетарською революцією. Центральна Рада взяла на себе ролю заслони для німецьких багнетів і знову захопила Україну. І тут питання про ту чи іншу політику що до лівої частини Центральної Ради зв'язане з іншим корінним питанням. Чи можна було в складних умовах того часу перешкодити контр-революційним лідерам української дрібної буржуазії скласти угоду з німецьким імперіялізмом? Адже ясно і зрозуміло, що на певний період пізніші події після того, як на Україну прийшли німецьке й австрійське військо, визначалися в основному не внутрішнім співвідношенням тих соціально-політичних сил, які змагалися, переважною силою німецького імперіялізму. Повернути події в той чи інший бік остільки, оскільки це взагалі залежить од суб'єктивних чинників, було вже неможливо.

Зв'язок Центральної Ради й лідерів правої частини укр. есерів із німецьким імперіялізмом, хоч про нього майже вже одверто говорили в грудні 1917 року, міжнародне значіння українського питання майже зовсім не взяла до уваги більшість Народнього Секретаріату. «Ми на Україні тоді всі, — пише у своїх спогадах тов. Антонов-Овсієнко, — не були в курсі тієї політики, яку німці провадили що до української Ради. Ми гадали, що коли ми захопимо Київ і зміцнимо свій стан на Правобережній Україні, наші бойові виступи проти Центральної Ради в основному на цьому й закінчуються і що буде змога кинути всі сили на контр-революцію Донеччини й Кубанщини¹⁾».

Тут можуть заперечити, що це питання не має великого значіння, бо наступ німців на Україну є неминучий, зважаючи на те об'єктивне співвідношення сил, яке склалося між німецьким імперіялізмом та пролетарською революцією в цілому й що через це саме та чи інша наша політика тут нічого не пособляла.

Ми вважаємо, що співвідношення реальних сил тих сторін, що боролися, було не остільки безнадійне для пролетарської революції, щоб байдуже було, яка політика буде провадитися на Україні.

Та чи інша політика на Україні не могла змінити того факту, що на якийсь період нам довелося б до певної міри чимсь поступитися Німеччині: дати їй хліб, м'ясо й т. ін., і може не тільки саме харчування. Але-ж питання про окупацію України зовсім не являло собою справи наперед вирішеної, накресленої і об'єктивними політико-економічними умовами того періоду.

Щоб довести цілковиту реальність цього припущення, ми мусимо подати й розглянути в головніших рисах соціально-економічний стан того періоду Німеччини й Австро-Угорщини, ті вимоги, які малося нам пред'явити раніш, ті зміни в цих умовах, які додала делегація Центральної Ради своєю зрадницькою політикою і, нарешті, загальні умови Берестейських переговорів.

Та про це далі.

Грудень 1925 року

¹⁾ Антонов-Овсієнко. «Записки о гражданской войне», стор. 158—159.

Кілька зауважень до статті тов. Рубача

Тов. Рубач, взявшись до цілковито недослідженої царини історії України, порушив поруч цього надзвичайно цікаве питання про те, що «Москва» (за тих часів ще Петроград) в особі Раднаркому РСФРР «провадила вірну нац. політику що до України, але - ж остання зустріла опір там, унизу — на Україні» (цитую зі статті тов. Рубача. В. З.). Мова йде про те, що РНК РСФРР всякими способами уникала в грудні 1917 року (і навіть на початку січня 1918 р.) військових акцій проти Центральної Ради й ставила ставку на розпад останньої та притягнення її лівих елементів. Народний - же Секретаріат (Український Радянський Уряд, що перебував у Харкові), не розуміючи значіння національного моменту й т. и., руйнував заміри РНК «організувати Український Радянський Уряд із більшовиків, українських та російських лівих есерів, Радянський Уряд, що мав-би національно - український характер» (у лапках — слова т. Рубача. В. З.).

Я зовсім не збираюсь доводити, що Народний Секретаріат, а трохи раніш Київський Комітет більшовиків, рішуче ні в чім не помилялися й що вся їхня політика була абсолютно вірна. Проте, тов. Рубач у своїх міркуваннях перемудрував і тому сам прийшов до невірних висновків.

Чи мали київські більшовики у грудні 1917 р. яскраве уявлення про ті події, що плинули з кінематографічною хуткістю, та чіткий продуманий план акції? — Зрозуміло, що ні. Тов. Є. Бош, на яку посилається т. Рубач, зазначає в своїй книжці («Год борьбы»), що тоді не було однастайности думок. Правда, сама Є. Бош (несвідомо чи свідомо — не добереш) трішки підфарбовує історію і добре-таки перекручує факти, але-ж, на тому, що однастайности не було, вона має рацію.

Є. Бош, саме в листопаді й на початку грудня 1917 року (це т. Рубачеві надто повинно бути цікаво) мала таку думку, що коли розігнати Центральну Раду силами наших більшовицьких частин (наприклад, 2-го гвардійського корпусу), то це поклало-б край українському повнізмові й усе пішло-б на-гаразд, тоб-то все пішло-б по лінії соціальної боротьби, лише без неприємного національного моменту. Але вона була в меншості. Частина киян, з якими сперечається Є. Бош, вже збагнули на той час, що Ц. Р. не є випадкове явище і що за допомогою такої спрощеної методи викнутого національного моменту не злізвідуєш (ось у чому в дійсності полягала суть суперечок із київськими «опортуністами», за термінологією тов. Є. Бош).

Усі течії погоджувалися на спробі скликати всеукраїнський з'їзд у Києві, щоби сприяти Ц. Р. розпастися, і в разі пощастить, — то лагідно захопити її. Далі, в процесі цього з'їзду, зфальсифікованого Ц. Радою, Є. Бош, з одного боку, зрозуміла як слід докончу потребу боротьби з українським шовінізмом — утворивши Радянську Україну; з другого-ж боку, супротивникам передчасної озброєної боротьби з Ц. Радою стала ясною неминучість сутички, Центральна-бо Рада рішуче стала на тому, щоб задушити революцію. Вже почувалося наближення того, що спалахнуло у січні озброєним повстанням київських робітничих кварталів.

Тов. Рубач і сам не заперечує того, що «організація Народнього Секретаріату мала величезне значіння, щоби викристалізувати та концентрувати сили, які стояли на радянській платформі, або схилялися до того», і т. д., але-ж сам він визнає, що «та конкретна тактика, яку почав здійснювати Народній Секретаріат у дальшій боротьбі між ним та Ц. Р., була в значній мірі невірною»...

Ось тут уже тов. Рубач перемудрував.

Коли вже в країні утворюється два урядові центри (як оце в данім разі один у Києві, а другий у Харкові), то цілковито-ж ясно, що вони між собою повинні перебувати в стані озброєної боротьби. Як-же може бути инакше? Останнє, проте, аж ніяк не виключає спроб кожного з них провадити роботу, щоби прискорити внутрішній розпад ворожого табору — всіма можливими для того засобами, але-ж, у всякому разі, злагоди між ними бути не може (инакше прибічникам лагідних засобів впливу довелося-б самоліквідуватися).

Адже в тому й полягала різниця між Народнім Секретаріатом та групою т. Артема в Харкові, катеринославцями та іншими криводонбасцями, що останні намагалися відгородитися від «радівської» України у своєму Донбасі, а ми прагнули утворити національний український радянський центр для всієї України.

За таких умов у тов. Артема з Радою злагода була можливою, хоча-б теоретично (на тій підставі, що Ц. Р. відмовиться від промислового району, хоч остання умова, звичайно, була цілковито неможливою для Ц. Р.), але-ж у Народнього Секретаріату з Радою ніякої злагоди, ні за яких умов, бути не могло.

Це було цілком ясно для всіх. Невже т. Рубач гадає, що Раднарком та ЦК РКП, а зокрема й т. Ленін, не здогадувалися про характер наших взаємин із Радою і тільки тому й не запропонували нам налагодити з нею мир, із метою кристалізувати ліву частину Ради?

Адже т. Ленін знав про наше існування і ухвалив самий факт організації Народнього Секретаріату.

Далі, саме за пропозицією Володимира Ілліча, про яку нас було повідомлено під кінець грудня, ми направили з Харкову делегацію до Берестя, щоби репрезентувати там Радянську Україну. Тов. Рубач про це знає, але мовчить, це бо порушує девчому ладність його теорії; він вважає за краще повідомити лише про те, що т. Троцький визнав у Бересті делегацію Ц. Р., а про нашу «поки-що» замовчує.

В тім-то й річ, що Раднарком РСФРР що до Ц. Р. була зовсім в иншому стані, аніж Народній Секретаріат, і тому РНК могла провадити із Ц. Р. складну

комбіновану політику переговорів, і навіть угод, унутрішнього розпаду (за допомогою с-рів) і нарешті натиску (через нас, або безпосередньо озброєною рукою).

Чи вірно робила РНК? Загалом, звичайно, вірно. Було-б дурницею з її боку, коли-б вона принципово відмовилася будь-яких з вищезазначених метод.

Чи в усіх випадках вірно розраховувала Рада Наркомів? — Навряд, наприклад, спроба лівих с-рів не вдалася, а чи й був це просто нещасливий випадок?

За тих часів ліве крило українських с-рів Центральної Ради було геть кволе, невизначене, орудувало нерішуче й, безумовно, було засуджене на провал. Так, Народний Секретаріат і не покладав віри на цю справу, бо не що-давно (місяця ще не минуло з того часу), як ми бачили тих героїв у Києві. То правда, що ми не зважали хуткості минулих подій і покладалися на те, що притягне українські селянські маси не через Ц. Р., або навіть через її ліве крило, а безпосередньо зв'язавшись з селянами. Безперечно, ми зробили помилку, бо недоцінювали значіння тої течії, що так чи інакше визначилася в Ц. Р. і яка потім в особі боротьбистів прийшла нам на допомогу. Але, навіть, коли-б ми тоді мислили інакше й мали-б за мету всіма способами підтримати лівий переворот у Ц. Р., то однак політика Народного Секретаріату що до Ц. Р. не могла бути інша аж до того перевороту, що мав статися. Та Рада Народніх Комісарів РСФРР (або ЦК РКП) прекрасно це розуміли й жадного разу не знімала питання про те, щоб ми змінили наше вороже ставлення до Ц. Ради.

РНК сама не бажала втручатися у війну з Ц. Р., не хотіла, щоб у натиску брало участь військо під орудою т. Антонова, якому треба було провадити боротьбу з козаками на Донеччині. Це все зрозуміле. Але, як міг Народний Секретаріат, як такий (тоб-то, яко урядовий центр України) не натиснути в розумінні активнішої політики що до Ц. Р. Це — незрозуміло. Міркування т. Рубача в цій частині — невірні. А що, як хтось повірить т. Рубачеві, що можна утворити революційний радянський центр (коли вже дійшлося до цього) і замість бійки почати розмови з колишнім буржуазним (або дрібнобуржуазним) урядом того-ж таки краю чи національної країни. Це була-б гірша руїна, ніж у Саксонії 1923 року.

Тепер, звідки постали такі ідеї у т. Рубача? Я не хочу читати в душі, але схоже на те (інакше виходить незрозумілим), що т. Рубач гадає, ніби Народний Секретаріат не мав досить підстав, щоб оголосити себе за Український Радянський Уряд, що за дійсний національний центр він міг стати лише об'єднавшись з лівим крилом Ц. Р. Зрозуміло, що юридичних підстав для свого існування революційний уряд не потребує, проте, розраховувати реальні можливості здійснити свої права — неодмінно слід. І я гадаю, що ці розрахунки загалом були вірні. Ми не вважали за свій обов'язок чекати, доки ліве крило українських с-рів, що засіли в Ц. Р., дійде думку, що треба визнати радянську владу. Події вимагали утворити перший радянський центр без радівців, хоч-би і лівих, та другий центр теж повинен був утворитися на початку без них. Товариші, які створили Народний Секретаріат, зробили вірно. А раз уже вони

його створили й оголосили себе за уряд, то вже не могли не провадити агресивної політики що до Ц. Р. Инакше навіщо - ж було й заходжуватись біля цієї справи?

Я ще раз кажу й підкреслюю, що абсолютно не маю Народній Секретаріят за непогріховний. Охоче припускаю, що політика останнього що до Ц. Р., не так базувалася на глибокій аналізі подій, що блискавкою неслися, як викликав її натиск збігу обставин. Я ладен все це припустити (хай буде й так) тому, що не в цій справа. По суті незгода моя з т. Рубачем у тому, що, на мою думку (теперішню, по змозі об'єктивну, ба й тому, що я особисто не брав тими часами участі у творенні політики Народнього Секретаріату, бо перебував саме тоді у Петрограді), оскільки об'явився Народній Секретаріят, він уже не міг провадити иншої політики, як домагатися сколупнути Ц. Р. озброєною рукою і ніякої його помилки тут не було.

Ось, наприклад, коли - б Народній Секретаріят продовжував озброєну боротьбу і в разі вдалого лівого перевороту — це вже дійсно було - б не то що помилкою, а й дурницею.

Инше питання — чи було - б корисно мати на Україні дужий есерівський радянський центр, якщо брати в масштабі всеросійському (або в усесоюзному — по-сучасному?) Річ зрозуміла, краще мати лівоесерівські ради, аніж Керенщину, або Петлюрівщину, коли - ж є змога одразу забезпечити більшовицький вплив — це не так уже шкідливо. Оскільки цього не трапилося, — морочить собі голову тим, що було - б, якби це сталося — не варт. А втім, і вважати аксіомою, що такий шлях був - би найкращий — навряд чи варто.

Тепер я переходжу до останнього зауваження. Складність політичного «перепльоту» за тих часів полягала між иншим у тім, що ліве крило Ц. Р. було не тільки українське (це для нього плюс), але й есерівське (а це вже мінус) і керували ним саме російські есери, які під той час уже починали стягати сили проти більшовиків.

Я в моїх замітках, на які посилається т. Рубач, вживаю виразу «гра». Може навіть самий вираз цей невірний (хоч у терміні «політична гра» нема нічого негожого, навіть коли прикласти його до політики Володимира Ілліча), — проте, оскільки пригадую (немає ще тепер тексту під руками) про гру йшла мова лише прикладаючи її до лівих с-рів, у яких треба було одбити селянський з'їзд і яких треба було примусити погодитися на злиття Ц. В. К. робітничого та селянського (що перед тим існували окремо). Я припускав і припускаю, що угода Володимира Ілліча (коли - б вона й була) з есерами що до України (с - ри вихвалялися, ніби Ілліч обіцяв, якщо пощастить із переворотом, ліквідувати більшовицький радянський український центр) перебувала в зв'язку з більш важливим тоді питанням: про єдиний загальноросійський робітничо-селянський центр. Ні тоді, ні тепер не вагався й не вагаюсь в тім, що в Ілліча не було гри в українство й що коли - б поважно можна було зміцнити тоді ще дуже кволий радянський центр України, підтримавши ліві радянські групи з колишніх радівців, Ілліч безумовно пішов - би на це, і також є безперечним, що його пропозиції, Народній Секретаріят не відхилив - би.

А на чому вже абсолютно має рацію т. Рубач, — так це на тому, що Раднарком РСФРР ужила всіх можливих заходів, щоб уникнути військових акцій російських частин на Україні, що Ленінові ніколи й на думку не спадало провадити окупацію України, тоб-то, що Ленін провадив вірну національну політику. На те-ж він і Ленін!

Коли-ж т. Рубач натякає на те, що Народний Секретаріат України мусив робить те саме, що й Раднарком РСФРР, цеб-то (хоче т. Рубач, чи не хоче) він приводить до того, що Народний Секретаріат не був (і навіть не смів себе рахувати) за дійсний український центр, — дозвольте з ним не погодитись і його поради, хоч вони вже й запізнилися трохи, з подякою відсилити. В усякому разі Ілліч ніколи під ті часи нічого схожого нам не радив (а я з ним тоді майже що - дня протягом місяця розмовляв із приводу цього). Навпаки, з відому Леніна надіслали ми радянсько-українську делегацію до Берестя; прекрасно знав він про наші взаємини з Ц. Р. на Україні; напевно знав, наприклад, про організацію Червоного козацтва, адже-ж останнє утворювалося з цілком визначеною метою.

Гадаю, що т. Рубач цього разу трохи перемудрував. Загалом-же матеріал він підібрав цікавий і решті надав вірного освітлення.¹

Октябрьский период на Звенигородщине

Период с ноября 1917 года по февраль 1918 года на Звенигородщине можно назвать Октябрьским периодом в революционной истории этого уезда Киевщины.

Небольшая группа товарищей, незадолго до этого вернувшихся частью с фронтов, частью из промышленных центров, осознав себя большевиками, приступила к деятельной подготовке Октября на Звенигородщине. Группа состояла вначале из семи человек. В состав ее входили: Г. Герасун, И. Заславский, Фаерштейн-Чижов, Бняжанский-Семенов, Маковецкий-Мальтус, Кац и Ивченко. Наездами из центра принимали участие в работе И. Дашковский и, изредка, М. Грановский. Прежде всего приступлено было к организации профсоюзов и революционизированию имеющихся уже налицо, чтобы в нужный момент использовать их для переворота. Существовавшие союзы находились всецело под влиянием «Бунда» и ряда других мелкобуржуазных партий, выросших здесь в предыдущие месяцы. Вскоре, благодаря большевистской агитации, союзы фронтовиков, швейников и союз безработных были завоеваны. В их правления удалось влить большевиков. Работа большевистской группы быстро оживилась с приездом члена партии большевиков тов. Каца, прибывшего с мандатом Кронштадского Совета. Звенигородщина к этому времени представляла собой очаг самостийничества и националистического патриотизма, разжигаемого «жовтоблакітними» и неоднократно посещалась приезжающими из центра (Киева) украинскими эсерами и эсдеками — членами Центральной Рады.

Приезжающие «политические деятели» вели самостийническую агитацию, сеяли национальную вражду между населением, вербуя кулачество в свои партии и организовывая кулацкое «вільне козацтво».

Характерна история организации в республиканском масштабе «вільного козацтва», начавшейся на Звенигородщине, примерно, в первых числах апреля 1917 года. Первое появление «вільних козаков» приурочивается к празднованию Февральской революции, которое на Звенигородщине проводилось в апреле украинским с.-р. Ковтуненко, прибывшим сюда в средних числах марта 1917 года в качестве уездного комиссара Временного Правительства Керенского. Праздновать Февральскую революцию съехалось с уезда до 20.000 крестьян. Праздник

проходил спокойно, несмотря на упорное стремление писарей воинского начальника, конвойной команды и монархистов спровоцировать крестьян и охранную роту на еврейский погром. Погромная агитация началась на почве того, что организующиеся демобилизованные фронтовики, в большинстве евреи, требовали немедленной отправки на фронт засидевшихся взяточников-писарей воинского начальника, деливших добычу с начальством. Провокация не удалась, и митинг был проведен очень удачно, тем более, что это был первый большой революционный праздник в уезде. К концу митинга неожиданно появились девять всадников из села Гусаково с национальными песнями, в пестрых национальных костюмах, возглавляемые тогдашним комиссаром городской милиции Грызло, который вместе с гусаковским кулаком Смоктием фактически были первыми организаторами и руководителями «вільного козацтва».

Патриотическое ослепление было так велико, что тут же стихийно началась агитация между селянами за организацию «своей» национальной охраны из «вільних козаків». Вскоре после этого, на втором всеукраинском казачьем съезде в Киеве впервые появились представители «вільного козацтва» от Звенигородщины, с агитацией за организацию такового по всей Украине, что вторым съездом было с большим энтузиазмом подхвачено.

Украинский шовинизм к этому времени переживал свой медовый месяц и душил в зародыше малейшие проблески подлинной революционности.

Если в Киеве Центральная Рада Винниченко и Грушевского юридически подчинялась комиссару Временного Правительства, то у нас с появлением «вільного козацтва», как военной силы, руководимой темным анархо-бандитским элементом, как Шевченко из с. Кирилówki (родины поэта Шевченко), Грызло, Бутвин и другие, начались самочинные действия и серьезные трения между последними и ставленниками Временного Правительства, в результате которых было уступлено место в земской управе и комиссариате одному из организаторов «козацтва» кулаку Смоктию из села Гусаково.

Сельское кулачество и интеллигенция организовались в ряд «спілок» и «просвіт». Искусственно и насильственно насаждаемая украинизация приняла здесь уродливые формы, усиливая недовольство трудящихся Центральной Радой...

Центр тяжести работы большевистской группы был в профсоюзах города, общественных организациях и Городской Думе, которую мы использовали как трибуну, с которой разоблачалась продажная политика Центральной Радой и лицемерие титулованных общественных деятелей, спекулирующих своей общественностью во вред трудящимся. Одновременно большевики вели упорную борьбу с еврейскими политическими группировками, всячески разлагая их изнутри. Кроме того, тов. Кацом, руководителем Звенигородской организации, имевшим связи с некоторыми сахарозаводами, велась работа среди рабочих сахарных заводов уезда. Что касается работы среди крестьянских масс, то политическое воспитание последних подвигалось очень медленно...

В отдельных селах, однако, были организованы революционные ячейки, как, например, в селе Колодистом (возглавляемая тов. Обломом, впоследствии убитым бандитами), в Екатеринополе (возглавляемая С. и Т. Кушаковскими),

в с. Ольховце на сахарном заводе и в других. Но это были лишь крупинки в бурлящем море шовинизма и гайдамащины.

Во время подготовки и организации переворота, в первых числах февраля 1918 года, прибыла телеграмма из Киевского Совдепа, адресованная еще несуществующему Звенигородскому Горсовдепу об организации на Звенигородщине Уездного Совета.

Неустойчивое положение сторонников Центральной Рады на Звенигородщине и отсутствие Горсовдепа побудило городского голову Телиженко передать эту телеграмму через тов. Дашковского в Союз Фронтвиков, который обывателями считался звенигородским штабом большевиков. Немедленно по получении телеграммы в помещении Союза Фронтвиков (в здании бывшей епархиальной школы) было созвано экстренное заседание группы большевиков совместно с представителями от более революционных союзов. На этом заседании был выделен временный Горсовет, куда кроме большевиков вошли и сочувствующие беспартийные товарищи. Председателем Совдепа был избран тов. Кац, руководитель большевистской группы. С целью подготовки масс был проведен ряд собраний профсоюзов и других организаций. На следующее утро временный Горсовет занял самое большое здание в городе (бывш. с'езд мировых судей), ставшее Звенигородским «Смольным», и вооружился единственным имевшимся в распоряжении большевиков пулеметом. На первом заседании Горсовдепа были распределены функции между его членами, члены Горсовета сейчас же явились со своими мандатами в соответствующие учреждения и организации в качестве комиссаров Совета. Противодействий и столкновений они не встретили, и многие учреждения тут же перешли во власть Совета: телеграфная станция, телефонная станция, почта, казначейство, а спустя несколько дней и городская управа. Земская управа, состоявшая из махровых черносоптенцев и украинских с.-ров и возглавляемая «отцом вільного козацтва» Смоктием, желая выиграть время, заявила, что до уездного с'езда селянства (то-биш кулачества) они отказываются признать временный Горсовдеп и сдать дела. Городская же управа просила разрешения устроить на следующий день расширенное заседание Думы. Этим заседанием мы воспользовались для превращения его в широкое открытое собрание не только Думы, но и всех профессиональных и других организаций города, в том числе союзов, безработных, швейников и бывш. фронтвиков, настроенных большевистски. После пламенных выступлений т. т. Каца и Дашковского, приехавшего из центра с большевистской декларацией, Городская Дума, под давлением подготовленных нами членов профсоюзов, подавляющим большинством голосов согласилась принять выделенного Совдепом комиссара городской управы тов. Герасуна и этим признала факт захвата власти Горсоветом. Характерен следующий момент: когда городской голова стал голосовать вопрос о признании Думой Горсовдепа и выделенного комиссара, неожиданно раздался возглас из толпы, требующий, чтобы голосовали все присутствующие на этом собрании. Этот неожиданный возглас был подхвачен и поддержан большинством присутствующих. После долгого сопротивления Городская Дума вынуждена была, наконец, согласиться на это и, таким образом, акт признания Горсовдепа был

продиктован Городской Думе волей огромного большинства присутствовавших на заседании рабочих.

Одним из первых шагов Совдепа была подготовка к уездному съезду рабочих. бывших фронтовиков и крестьянской бедноты уезда. Был выработан соответствующий модус представительства на съезд, сообщенный телефонограммой по уезду. Группа товарищей (Файман - Нилин, Чижев и Раутберг) выпускали листовки и лозунги для распространения по уезду. Для ведения работы по подготовке уездного съезда Совдепом была наложена контрибуция на местную буржуазию, из которой в первое время удалось получить около 2.000 рублей. Украинские эсеры, в большинстве работавшие в земской управе, усиленно готовились к бою с нами, нелегально подготавливая «вільне козацтво», и систематически провоцировали селян на выступление против «кацапско - жидовского порабощения».

Центральна Рада, отступая на Житомир, оставляла в тылу своих верных людей. Звенигородка дала приют, прославившемуся впоследствии, Юрку Тютюнику.

По уезду шныряли гайдамаки, возглавляемые своими атаманами — сторонниками Центральной Рады. Украинские эсеры и эсдеки в противовес нашему уездному съезду, назначенному на 22 февраля, подготавливали свой кулацкий контр-съезд на 23 февраля, стремясь этим сорвать наш съезд, разогнать большевистский Совдеп и организовать свою национальную «сепаратную» республику.

Вся наша организация вместе с военной силой состояла из 25—30 красногвардейцев, вооруженных одним пулеметом и несколькими винтовками, которые должны были противостоять бурлящему контр-революционному кулацко - шовинистическому уезду и «вільному козацтву» в количестве 200 человек.

День съезда приближался. Атмосфера все более сгущалась. Нами был раскрыт ряд нелегальных совещаний контр-революционных элементов. Небольшой группе большевиков, поддерживаемых малочисленным слоем рабочих и батрачества, предстояла трудная задача. Создавшееся тяжелое положение побудило большевистскую фракцию Горсовета срочно делегировать трех товарищей в ближайшие городские центры для информации, связи и немедленного получения в помощь нам каких-либо вооруженных сил. В Умань был направлен тов. Заславский, в Черкассы — Семенов и в Киев — Чижев.

В это время началось наступление немецкой оккупационной армии и отступление красных из Украины. Видя, что надеяться на помощь из центра нельзя и имея телеграфное предписание из Киева о немедленной эвакуации, звенигородская группа большевиков решила все-таки назначенный уже съезд провести, чтобы срывом его не дискредитировать большевиков, ознакомить делегатов - крестьян с сущностью соввласти, разоблачить продажную роль Центральной Рады и, в последний раз, предупредить о надвигающейся опасности немецкой оккупации. На проведении съезда упорно настаивал пред. Совдепа тов. Кац, несмотря на то, что «жовтоблагітні» и «вільне козацтво» шныряла по всему уезду, готовые по первому зову двинуться на Совдеп.

Наконец, настал памятный день уездного съезда — 22 - е февраля 1918 года.

Назначив контр-с'езд на 23/II, эсеровская земская управа предложила селам не посылать делегатов на уездный с'езд Советов, объявляя его неправомочным. Однако, делегаты явились почти все. Сбитые с толку различными предписаниями, стали являться и кулаки, созываемые на с'езд земской управы. Настроение части крестьянства, все время обрабатываемого украинскими эсерами и эсдеками, было заметно против нас. (Как впоследствии выяснилось такое настроение объяснялось провокацией земской управы. Последняя при помощи «своей» уездной телефонной сети извратила телефонограмму Совдепа и вместо приказа об учете оружия у казаков сообщила им от имени якобы Совдепа предписание свезти со всего уезда оружие для сдачи). Совершенно иначе были настроены делегаты от бывших фронтовиков, от рабочих сахарных заводов, профсоюзов и батрачества.

С'езд открыл председатель временного Горсовета, руководитель большевистской группы тов. Кац. Кулацкая часть с'езда, возглавляемая украинскими эсерами, стремясь вырвать инициативу из рук Совдепа и превратить с'езд в «свой», старалась заглушить криками с мест вступительное слово т. Каца. Однако, под нажимом фронтовиков, матросов, членов профсоюзов и части крестьянской бедноты, шовинисты вынуждены были выслушать «представника радвледи».

Второй характерный момент—это выборы президиума с'езда. Здесь эсеры пошли в лобовую атаку, стремясь провести в президиум побольше своих. Однако, в результате все-таки прошло большинство наших представителей, настроенных советски. Председателем с'езда был избран тов. Кац. В президиум вошел также и демобилизованный армейский большевик, делегат от села Юрковки — тов. Нечитайло и др. 6-ки. Как только тов. Кацем была оглашена повестка дня, раздался крик: «пожар». Поняв уловку эсеров, стремившихся во что бы то ни стало сорвать с'езд, тов. Кац успокоил делегатов, и с'езд приступил к работе. Первым вопросом стоял доклад т. Каца «Текущий момент и международное положение».

В начале доклада то и дело раздавались отдельные злобные выкрики с мест шовинистов. Несмотря на это, Кац продолжал свой доклад. Железная логика его речи настолько увлекла делегатов, даже враждебных нам, что большинство с'езда заставило крикунов прекратить шум...

В это время петлюровская земская управа, возглавляемая Смоктием, не дремала. Срочно было вызвано из с. Гусаково «вільне козацтво», во главе со Школьным, Бутвиным и Березницким. В'ехав в город под видом мирных крестьян с винтовками и пулеметом, спрятанными в возах, они очень быстро разоружили наших красногвардейцев и беспрепятственно окружили с'езд, происходивший на окраине города (в б. коммерческом училище). Дав несколько залпов в воздух, гайдамаки бросилось в здание с'езда. Первыми в зал заседания ворвались золотопогонники царской армии Бутвин и Березницкий. Оба они, местные уроженцы, были «атаманами» вызванного в город отряда «вільного козацтва». Березницкий был членом правления союза фронтовиков и членом временного Горсовета, и вел, таким образом, провокаторскую работу.

Как впоследствии выяснилось, он передавал все секретные сведения полностью штабу сторонников Центральной Рады, руководители которого работали в земской управе.

Окруженный бандой головорезов Березницкий вскочил на стул, держа в руках две гранаты и стал угрожать съезду, объявляя его неправомочным, и требуя разойтись, угрожая в противном случае обстрелом здания. Залпы, топот гайдамаков, появившихся в дверях зала, дикие выкрики Березницкого вызвали панику среди делегатов, несмотря на настойчивые призывы президиума к спокойствию. Видя, что встревоженных безоружных делегатов не удержать, и что последние понемногу оставляют зал, президиум был вынужден дипломатически объявить перерыв на обед. Таким образом, фактически съезд был сорван вооруженной силой сторонников Центральной Рады.

Члены большевистской группы, не имея возможности оказать сопротивление гайдамакам, вынуждены были вместе с остальными делегатами разойтись. Расходились в разные стороны, по одиночке, кто куда, чтобы не быть задержанными. Ввиду того, что не все здание и двор были оцеплены и документы стали проверять с большим опозданием и только у главного выхода, нашим товарищам удалось благополучно уйти. Тов. Кац также вышел из здания черным ходом и, перескочив через забор на площадь спокойно пересек ее, скрывшись на расположенном рядом кладбище. Не задержав ни одного большевика, гайдамаки бросились во все стороны разыскивать наших товарищей, особенно, инициатора съезда и переворота — тов. Каца. По дороге на кладбище тов. Кац был кем-то замечен и гайдамакам указали место, куда он скрылся. Ворвавшись на кладбище, «вільні козаки» схватили Каца и отправили в тюрьму. Всю дорогу его избивали прикладами.

Ввиду тревоги, возбуждаемой в городе бесчинствующими, пьяными «вільними козаками», был создан при городской управе комитет общественной безопасности. В этот комитет входили представители различных организаций. От «вільных козаков» вошел туда вылезший из своей норы Ю. Тютюник, который, благодаря своей энергии, быстро стал главным атаманом «вільного козацтва» на Звенигородщине. Отсюда и начинаются его знаменитые «подвиги»: нападения с тыла на отступающие, теснимые немцами, красные части, неисчислимые грабежи и погромы мирного еврейского населения. Тютюник неоднократно появлялся на горизонте города за контрибуциями, называя себя в зависимости от политического положения, то руководителем эсеровского отряда, то большевистского и т. п.

Городская управа и комитет общественной безопасности, боясь репрессии со стороны проходящих через станцию (в 10 верстах от города) большевистских частей, отступавших под натиском немецкой оккупационной, армии потребовали у эсеровского коменданта города освобождения Каца. Тогда эсеры и эсеровски-настроенная верхушка «вільного козацтва» решили действовать. Ночью в тюрьму, где находился единственный захваченный большевик Кац, ворвалась банда головорезов, возглавляемая Березницким и Калюжным. Т. Кац был зверски убит (на теле его оказалось 13 колотых ран). Труп тов. Каца они положили рядом с убитой ими же собакой на лед реки, находящейся рядом

с тюрьмой. Дикое, небывалое доселе на Звенигородщине издевательство над первой жертвой гражданской войны взбудоражило всех трудящихся уезда...

С большим подъемом, под пение революционных песен, под знаменами профорганизаций и в сопровождении делегации рабочих Ольховецкого и Буженского сахарных заводов, специально прибывших за 30—40 верст в город хоронить своего любимого организатора, был похоронен тов. Кац.

После разгона съезда было арестовано несколько членов Совета и красногвардейцев, в частности: матрос Ивченко, Животовский, нач. красногвардейского отряда Бендер и другие.

Большевик Ивченко так и пропал без вести. Бендеру удалось передать в участок пилу, и он ночью, перепилив решетку, бежал с несколькими товарищами...

Германские оккупанты с Центральной Радой приближались к Звенигородскому уезду и в конце февраля 1918 г. группе большевиков вновь пришлось уйти в подполье.

Так закончился четырехмесячный Октябрьский период работы Звенигородской организации большевиков.

Скрывшись после разгрома и вступления немцев в разных местах уезда, оставшиеся в живых товарищи стали сызнова налаживать работу, восстанавливать связи, с новой энергией накапливать силы, и уже во второй половине 1918 г. разросшаяся и окрепшая Звенигородская организация, организовав батрачество северо-восточной части уезда с с. Олышаной в центре, подняла мощное восстание против немцев и гетманщины и установила советскую власть на Звенигородщине.

Расстрел первого Бердянского и Ногайского Советов¹⁾

(24 - го апреля 1918 года)

Бердянск, представлявший из себя в довоенное время малозаметный уездный городок с 35 — 40-тысячным населением и небольшим портом на берегу Азовского моря, приблизительно с 1914 г. стал быстро развиваться. Производство на имеющихся в городе трех машиностроительных заводах («Матис», Гривеза (Арсенал) и Горохова (Азовско-Черноморский), а также в уезде, в Большом Токмаке («Фукса и Клейна») начало расширяться. а необходимость сразу пропустить через порт тридцать пять миллионов экспортного зерна заставила царское правительство приступить к расширению порта, материалы для чего уже были заготовлены. Лишь война помешала выполнению плана.

К этому времени в городе было до 7.000 человек рабочих. Жили рабочие по окраинам города, составляя целые поселки, перемешиваясь с рыбаками и мелкими виноградарями.

Начиная еще с 1905 года на предприятиях, а особенно на Азовско-Черноморском заводе, крепко засели меньшевики, которые не выпускали инициативы и во время Керенщины, начиная однако же это влияние понемногу делить и с социалистами-революционерами. За период войны главное рабочее ядро, как и везде, расплылось, а предприятия пополнились и мелкими кустарями и местными мещанами, имеющими то виноградник, то рыбацкую «волокушку», что также было на руку меньшевикам и эсерам в их борьбе за влияние.

После низвержения царизма, в дни Керенского в городе был образован «Общественный Комитет», городским головой стал некий Константинов. Все функции городского самоуправления взяла на себя Дума, председателем которой

¹⁾ Очерк о расстреле первого Бердянского и Ногайского Советов 23 — 24 апреля 1918 года составлен мною по личным, а частью письменным показаниям бывших членов первого Бердянского и Ногайского Советов: Волкова, Тольманса, Журкова, Василевского, спасшихся от расстрела, секретаря Бердянского Совета Красногорова, многих участников свержения этих Советов. а также бывшего в то время председателем Городской Думы Ольшанского, руководившего восстанием Буша. и жен расстрелянных членов Советов. — Ф. П.

был Ольшанский, а в число гласных входили, между прочим, Волков (б - ик с 1909 года); Буш, выполнявший должность начальника милиции, меньшевики Федорков, Кисиленко и еще многие большевики и меньшевики, которые вели между собой борьбу в Думе. Лидером меньшевиков был б. Петроградский рабочий Кисиленко, работавший на Черноморско-Азовском заводе инструментальщиком, хороший оратор, имевший огромное влияние на рабочих Бердянска.

Из военных частей в городе стоял 46 - й полк, в котором находилось до 600 человек приезжих офицеров. Настроение там было антиреволюционное и выжидательное.

Таково было экономическое и политическое состояние Бердянска, когда в январе 1918 года власть перешла в руки I Бердянского Совета Рабоче-Крестьянских Депутатов, разогнавшего Городскую Думу.

В состав Совета вошли: председателем — Дюмин (коммунист), заместителем Волков (коммунист), Мазин (старый каторжанин — шлиссельбуржец), Гринштейн, Горбенко, Смекалов, Введенский, Рогов, Винокуренок, Клейн, Воронков, Вильнер, Динер, Азоль, Киорпе, Козлов, Шпитальная, Файнер (жена Горбенко, Зоя), Янютин, Тольманс и Журков и от Союза «Инвалидов» — Василевский. Против Совета меньшевики подняли бешеную травлю с момента его организации.

Белогвардейцы, организовавшиеся вокруг 46 полка и опиравшиеся на владельцев заводов Святогорова, Гриевза, Матиаса и др. местную буржуазию, смотрели на эту борьбу и выжидали подходящего момента для захвата власти в свои руки. Учитывая это обстоятельство, Совет пригласил из Севастополя военных моряков, при помощи которых и разоружили 46 полк.

Оставшиеся после разгрома 46 полка офицеры, жандармы, полицейские и уголовный элемент влились в Бердянскую организацию «Раненых и Увечных Воинов» (в этом обществе «инвалидов» было 90% здоровых людей). Организация эта начала приобретать в политической жизни города доминирующее значение, как реальная сила. Руководителями ее были: бывший поручик 46-го полка Обольянец и Панасенко. Начальник милиции Буш жил с Обольянцем в одной квартире, имел с ним, а также и Святогоровым (Гельбергом) тесную связь по работе в союзе инвалидов. Святогоров к этому моменту выдавал себя за французского и бельгийского консула (по каким полномочиям — неизвестно).

Совет, узнав об этом, отстранил от должности Буша, хотел затем всех троих арестовать, но триумvirат перешел на нелегальное положение и стал тайно вырабатывать план свержения Совета при помощи союза «Инвалидов».

Меньшевики и эсеры ловко играли на настроениях рабочих и мещанских масс города и своей агитацией против Совета также помогали осуществлению белогвардейских планов.

В 1917 году на юге Украины был хороший урожай хлеба, вывоза же не было и в Бердянке остались большие хлебные запасы. Центральным (советским) правительством было дано распоряжение Бердянскому совету эвакуировать при отступлении (в связи с наступлением немцев) этот хлеб, а также и лучшие заводские машины и прочие ценности водным путем через Ростов в Москву,

к чему Совет, вследствие приближения противника, и приступил. Это обстоятельство и являлось главным козырем в руках меньшевистско-эсеровской оппозиции, кричавшей, что комиссары хотят рабочих оставить «без хлеба и работы», увозя все в Россию, меньшевики требовали прекращения эвакуации, свержения Совета и учреждения «Демократической Думы». Однажды им даже удалось собрать толпу перед зданием Совета и устроить митинг протеста против эвакуации. Митинг этот был благополучно разогнан, при помощи воды из пожарных насосов, а инициаторы его — Кисиленко и Федорков — арестованы. Вскоре, впрочем, Совет их освободил и они продолжали свою предательскую работу. На рабочей конференции они провели резолюцию о недопущении эвакуации хлеба и других ценностей. Такую же агитацию вел правый эсер Галкин, действовавший, главным образом, среди портовых рабочих.

* * *

9-го апреля немцы заняли станцию Пологи в 100 верстах от Бердянска. Союз «инвалидов» непрерывно заседал под председательством Буша и требовал от Совета оружия «для охраны города».

Учитывая эти обстоятельства и видя, как трудно будет провести эвакуацию, Совет, имевший в своем распоряжении лишь до 300 человек красногвардейцев и до 100 человек местных демобилизованных моряков, решил послать моряков в Севастополь за военными судами. Видя, с каким воодушевлением и преданностью провожала моряков наиболее сознательная часть рабочих, вожаки союза «инвалидов» несколько охладили свой аппетит к захвату власти и решили действовать более осторожно; они решили, использовав меньшевиков и эсеров, спровоцировать на выступление против Совета заводских рабочих.

17-го апреля Панасенко, Обольянец, Буш и Святогоров последний раз собрали в театре «Шантеклер» закрытое заседание союза «инвалидов», и там под председательством Буша был открыто выработан план свержения Совета.

К 18 апреля, т. е. дню, назначенному для эвакуации Совета, в город прибыл разбитый немцами под станцией Пологи отряд анархиста Мокроусова, который, отведя вагоны со станции по ветке к курорту, остановился там лагерем. Рано утром 18 апреля некоторыми лицами из этого отряда был ограблен магазин Фуки, а на Лазаревской улице брошена бомба, изувечившая женщину.

Приблизительно в 9—10 часов утра на заводах внезапно раздались тревожные гудки, и члены союза «инвалидов» начали созывать всех рабочих в завод Гривеза «Арсенал». Перед собравшимися там рабочими выступили Кисиленко, Федорков и некоторые члены союза «инвалидов», говоря, что нас «комиссары» грабят, убивают, насилюют наших жен и т. п., и призывали к немедленному свержению Совета и задержке уже почти погруженного на пароходы имущества и продовольствия, подлежащего эвакуации. Под влиянием этой агитации рабочие толпами повалили в порт, а за их спинами пошли и вооруженные члены союза «инвалидов». Ясного отчета в своих действиях большинство выступивших на улицу себе, несомненно, не отдавало. Толпа вступила в пререкания с грузчиками и красногвардейцами, охранявшими пароходы, требуя прекращения

нагрузки и разоружения красногвардейцев. В городе поднялся необыкновенный хаос. В это время в порт приехал на грузовике с пулеметом и красногвардейцами Тольманс, встреченный выстрелами офицеров из союза «инвалидов». Один матрос был убит, остальные же разбежались. Скоро красногвардейцы были разоружены, а к вечеру, после геройского сопротивления, все члены Совета, за исключением Тольманса, Василевского и Журкова, арестованы и посажены под охраной рабочих на Черноморско-Азовском заводе. Целый день в городе прошел в бою и невообразимом хаосе. Буш раз'езжал на автомобиле с известным населению провокатором Гохом (впоследствии расстрелянным). К вечеру организовался «Военно-оперативный штаб», в который вошли: бывшие офицеры 46 полка Оболянец, Смирнов, полковники Черток и Вильке, председатель союза «инвалидов» Панасенко, меньшевики Кисиленко, Федорков, Ладыженский, и Баранчик и др. Главную роль в этом штабе взяли сразу же в свои руки офицеры и Буш.

Наряду с этим открыла свои функции разогнанная Советом Городская Дума, и меньшевики праздновали победу, но недолго: на другой день им стало ясно, куда тянут линию офицеры и крупная буржуазия, это им дали почувствовать, и они начали разочаровываться в своих вчерашних союзниках. Это же настроение охватило и рабочих, ясно понявших, что их просто спровоцировали и использовали враждебные им группы для свержения Совета. Белогвардейцы почувствовали этот перелом в настроении и начали опасаться наступления со стороны Мокроусова, окопавшегося возле курорта на косе с отрядом и пушками, который отказывался сдаваться и требовал, под угрозой бомбардировки города, бесприпятственной погрузки на пароходы. Белогвардейцы, надеясь втайне захватить Мокроусова в момент погрузки его или хотя отбить у него припасы и вооружение, находящиеся в вагонах, согласились на это требование.

Однако, Мокроусов из окопов не выходил, пока все не было погружено на пароходы, а затем уже погрузился и сам с отрядом и пятнадцатью красногвардейцами во главе с Тольмансом, укрывшимися у него. После погрузки, став на рейде, Мокроусов принял угрожающе-выжидательную позицию. В это же время появились на рейде две вновь прибывшие канонерки с возвратившимися из Севастополя моряками. Тогда белогвардейцы чувствуя недостаточность своих сил, решили искать помощи извне; они пытались вызвать по телеграфу белогвардейский отряд не то из Полог, не то из Большого Токмака и, чтобы поднять дух буржуазии, созвали митинг. После этого под руководством офицеров из штаба была организована самооборона из офицерства, членов союза «инвалидов» и местной буржуазии. Самооборона заняла боевые позиции в порту.

Прибывшие матросы, угрожая открыть бомбардировку по городу из своих шестидюймовых морских пушек, потребовали выдачи арестованного Совета. Тогда арестованные были переведены из завода в тюрьму; туда же отправили члена Совета Журкова, работавшего до этого в Цареводаровском районе по заготовке хлеба, который, не получая ответа на свои телеграммы и не зная о положении дел в Бердянске, прибыл туда и был задержан «инвалидами».

ЧЛЕНЫ ГО БЕРДЯНСКОГО УЕЗДН. ИСПОЛНИТ. КОМИТЕТА
СОВ. РАБ. КРЕСТЬЯНСК. И КРАСНОГВАРД. ДЕПУТАТОВ.

ДЮМИН

ВИЛЬНЕР

А. ГОРБЕНКО

ВОРЕНКОВ

АЗОЛЬ

З. ГОРБЕНКО

Д. ГРИНШТЕЙН

ШПИТАЛЬНАЯ

А. МАЗИН

П. ВЕДЕНСКИЙ

М. КЛЕЙН

К. КОЗЛОВ

М. ДИНЕР

К. КИОРПЕ

Р. РОГОВ

А. ЕГОРОВ

В. ВИНОКУРЕНКО

ЗВЕРСКИ РАЗСТРЕЛЯННЫЕ ОТРЯД. ГЕНЕРАЛА ДРОЗДОВА
В СЕДЕ КУШОЙ БЕРДЯНСКОГО УЕЗДА 24 АПРЕЛЯ 1918

Дюмин, Вильнер, Горбенко, Воренков (1 ряд сверху).
Азоль, Горбенко Зоя, Гринштейн, Шпитальная (2 ряд).
Мазин, Веденский, Клейн, Козлов, Динер (3 ряд).
Киорпе, Рогов, Егоров, Винокуренок (4 ряд).

Меньшевики из Думы, боясь разрушения своих домов, во главе с Кисиленко и под руководством Обольянца отправились в воскресенье 21 -го апреля в тюрьму, где стали уговаривать членов Совета послать делегатов на пароход к матросам, чтобы убедить их не бомбардировать город. Арестованный Совет, не зная, что белогвардейцы и соглашатели стараются лишь оттянуть время до прихода белых войск, согласились на это и послали на пароход Волкова и Воронкова. Под влиянием их уговоров матросы согласились обождать до следующего дня с условием, что к этому времени Совет будет доставлен к ним на пароход. Когда делегаты возвратились и передали этот ответ штабу, то Обольянцев и Черток сказали, что они лучше примут бой, чем отдадут Совет, и что за каждый снаряд, пущенный из пароходов в город, будут расстреливать одного члена Совета и одного члена семьи матроса, находящегося на корабле.

В понедельник 22 -го апреля на «страстной» неделе рано утром матросы попытались высадиться в порту, для чего один из пароходов со спрятавшимися на нем матросами подошел к берегу. Быстро выскочившим на берег матросам удалось захватить у дежурной телефонной будки Панасенко и еще нескольких человек, но затем, под бешеным огнем самоохраны они отступили и отплыли обратно на рейд, где расстреляли захваченных в плен, а часов с 9 утра открыли ураганную канонаду по центру города. Под прикрытием огня матросы совместно с мокроусовцами пытались еще несколько раз высадиться на берег и взять город силой, но белогвардейцы крепко держались, отбивая нападения ружейным и пулеметным огнем.

Все население города разбежалось по окрестным селам. К вечеру центр города оказался полуразрушенным. Белогвардейцы срочно послали делегацию в составе Буша, Белика (бывшего царского охранника) и артиста Убейко (меньшевик) к идущему со стороны Мелитополя белогвардейскому отряду под командой полковника Дроздова. Вследствие нехватки топлива и продуктов, пароходы принуждены были уйти из Бердянска: матросы — в город Ейск, а Мокроусов — в Таганрог.

Делегация 23 -го апреля рано утром прибыла в г. Ногайск (находящийся в 40 верстах к западу от Бердянска и также на берегу Азовского моря) и в здании городской управы стала ожидать прибытия Дроздова. Дроздовцы действительно скоро явились и в неожиданном налете на Ногайск захватили при помощи местной буржуазии 13 человек членов первого Ногайского Совета, который и не подозревал возможности нападения. Взяты были: председатель Совета Новицкий, начальник милиции Пупкин, председатель трибунала Мадженко, члены Совета Глинкин, Селезнев, Кокошко, Поляцкий, Голубенко, Шутенко, Гладков, Белошников, Захаров и Середа. Всех арестованных тотчас же отвезли за село Обиточное (в трех верстах от Ногайска) и в поле расстреляли.

После кровавой расправы с Ногайским Советом Дроздов со своим отрядом в сопровождении Бердянской депутации отправился в Бердянск. Не доезжая восьми верст до города, в селе Вторая Николаевка (Куца) остановился его штаб с главными силами, а сам Дроздов во главе отряда офицеров в'ехал в город при общем ликовании местной буржуазии, подносявшей «спасителям» цветы и

служившей в их честь молебны. Население вновь увидело офицеров в погонах, которые вскоре показали свою удаль в пьянстве и разврате... А вечером в доме Святогорова (Гольберга) в честь этих спасителей местная буржуазия устроила блестящий бал, где Обольяниц и Буш фигурировали как «герои-победители», и где была решена судьба I Бердянского Совета.

Еще 18-го апреля Мазин и Волков были ранены, но медицинской помощи им в тюрьме не было оказано; явившиеся же 24-го апреля в тюрьму дроздовские офицеры издевались над ними, а затем вывели из тюрьмы и повели под свист и ликование буржуазии в село Куцую. По дороге из толпы в членов Совета летели камни, песок, грязь и все, что попадалось под руку, но товарищи держали себя бодро, а Гринштейн говорил: «Умереть не страшно, страшно только, что гибнешь от руки палачей, а не в открытом бою, и связанным, как затравленный зверь»; он даже шутил, указывая на хромящего, раненого в ногу Мазина: «Брось свою ногу, она тебе больше не нужна».

В селе Куцой, в здании сельского управления был инсценирован, под председательством кн. Урусова и в составе кн. Шаховского и еще одного офицера, «полевой суд» над Советом. После пятиминутного заседания (успели допросить лишь Гринштейна, Файнер и Киорпе), по заранее подготовленному списку вынесли смертный приговор 16-ти человекам: Дюмину, З. и А. Горбенко. Гринштейну, Смекалову, Введенскому, Рогову, Вильнеру, Динеру, Азоль, Киорпе, Козлову, Винокуренко, Шпитальной, Мазину и Егорову. У приговоренных были отобраны ценные вещи, над ними снова издевались, а затем предложили завязать глаза, но Гринштейн сказал: «Мы шли с открытыми глазами, так и умрем». Все были расстреляны.

Меньшевики, учитывая впечатление, которое может произвести эта расправа на рабочих, послали своих представителей в Куцую. Председатель думы Ольшанский и гласный Наймер, явившись к Дроздову, еще до расстрела начали просить его о помиловании большевиков. Но он ответил им: «Что же вы ранее просили расстрелять, а теперь — помиловать? Только-вы, штатские, можете так рассуждать, кровь может быть смыта только кровью».

В это время раздались выстрелы по членам Совета... Дроздов обещал помиловать оставшихся. Однако, вскоре были еще расстреляны Воронков и Клейн, и лишь Волков, Янютин (гласные думы), Журков (которому дали 50 шомполов) и жены Тольмаса и Полякова были освобождены.

Так пал Первый Бердянский Совет Рабоче-Крестьянских и Солдатских Депутатов. Его гибель помогла прояснению сознания бердянских рабочих. Те же рабочие, которые по наущению бело-меньшевиков свергли Совет, через год уже грудью отстаивали советскую власть от нападений белых и махновских банд и кровью смыли свою прежнюю ошибку, вызванную доверием к соглашателям...

Этап Харьков—Бахмут¹⁾

(Из истории деникищины на Украине)

I

Не помню точно числа, знаю только — было это в 1919 г. в воскресенье под вечер. Я вышел на улицу, насунул на глаза фуражку и пошел к базару, избегая встречи с кем-либо, боясь быть опознанным. Нужно было найти кого-нибудь из товарищей и посоветоваться, [как быть дальше. Документов у меня не было (старая квартирная хозяйка-торговка боялась заявлять, говоря, что могут арестовать и ее). Я искал товарищей, чтобы достать документ и отдохнуть после побоев, полученных от «кубанцев» на ст. Валки Балашевской ж. д., перед побегом из плена.

У Основянского базара и у ближней церкви я видел знакомых, но не решался подойти, не зная, как они меня встретят. Надумал идти в город. По дороге у Берлизовского чугуно-литейного завода вспомнил, что во дворе его живут родные одного из моих товарищей — Гейшвандера Альки, члена моей ячейки. Я осторожно вошел во двор. В квартире был огонь... Постучал.

— Кто там? — послышался голос за дверью.

— Свои, откройте, -- отозвался я.

— Да кто свои?

— Да я же... ну, что вы?.. — не желая назвать себя, ответил я.

Щелкнула задвижка. Впустили. Мать не узнала. Алька пил чай.

— А, Вася! Откуда? Здорово.

— Здоров, здоров — обрадовавшись, ответил я.

— Садись да говори откуда принесло.

— Да как же ты - то дома, Аля? — в свою очередь осведомился я.

¹⁾ Настоящий очерк представляет собой воспоминания одного из участников знаменитого Змиевского этапа. Согласно отзывам работников Красного Креста эпохи деникинского подполья, основной ход излагаемых событий, также как и условия тюремного быта при добармии, освещены правильно. Отдельные же эпизоды редакция оставляет всецело на ответственности автора воспоминаний, так как проверить их нет возможности. **П р и м е ч а н и е р е д а к ц и и.**

Он немного смутился, но, оправившись, продолжал:

— Потом, потом. Говори ты, как залетел в Харьков.

Я подробно рассказал, как попал в плен, как вели под конвоем до Каратаяка и как бежал во время боя, как избили на ст. Валках и как добрался до дому. Рассказал, что нужны документы, чтобы недельки две отдохнуть. Дальше же видно будет.

Алька во время моего рассказа сочувственно кивал головой, потом сказал:

— Ну, это еще полбеды. Ты, ведь, наверное хоть какой-нибудь документ имеешь?

— Есть, только старый.

— А партийный?.. — Я насторожился.

— Нет... что ты... что же с ним делать, да и зачем он мне?

— Как зачем? Да я бы тебя связал с подпольным комитетом.

— А разве ты с ним связан?

— Конечно, иначе чего бы я здесь сидел?

— А из харьковцев кто-нибудь есть, кто бы меня знал?

— Не знаю, может, кто и есть.

— Назови хоть одну фамилию.

— Эге, брат, этого не могу. Это не полагается.

«Что-то подозрительно» — вторично мелькнуло в голове. Листок партбилета был со мной, зашит в телогрейку. Но что-то удержало от откровенности — не сказал.

— Ну, как же мне быть?

Он подумал. Мать спросила что-то на немецком языке, он ответил. Я смог разобрать одно лишь слово «коммунист». Мать вышла. Алка обратился ко мне:

— Ты завтра часов в 10 — 11 приди в парк, подойди к участку. Я на пороге буду тебя ожидать, войдем вместе, пропишу я тебя — там есть паспортист знакомый. Потом устройшься с квартирой хоть бы и у меня. Только смотри, завтра часов в 10 — 11.

— Ну, а как же ты остался, Аля?

— Когда ты уехал со штабом обороны, я поехал с летучкой № 2. Летучку взорвали, я едва дошел до ст. Основы, как меня сцапали, но, благодаря моему немецкому происхождению, отпустили. Тогда я сразу скрылся и теперь прячусь и помогаю подпольному комитету. А ты дела все увез?

— Все — ответил я, — только дома кое-что осталось, так и до сих пор цело еще.

Поболтав еще немного о положении соввласти, об успехах белых, собрался уходить.

— Так смотри же, Вася, завтра в 10 — 11. Да, если есть «машина», захвати на всякий случай случай.

— Ладно, только я думаю, что она будет ненужна, а то, чего доброго, еще заметят... Хотя не мешает... Ну, пока...

Я вышел и чуть не бегом пустился домой

На другой день утром я собрался идти, взял документы, но нагана не взял, как бы предчувствуя, а спрятал его в мусорной яме, тщательно завернув в старый валенок. Парком, а не улицей дошел до участка. Алька поджидал.

— Уже устроено все, давай документы, сам стань вон там у окна — тебя вызовут. Бери документы и иди ко мне на квартиру. Да дай мне рубля 3 — 5 денег — надо — ж подмазать.

У меня было всего 4, я дал 3. Через некоторое время подошел ко мне молодой человек:

— Вы будете Косенко?

— Я, а что?

— Вот ваш документ.

— Спасибо...

— Только... — замялся он...

— Что только?

— За вами должок будет...

— Ну, так я вам занесу завтра, а, может быть, и сегодня, у меня. видите ли нет сейчас ни копейки...

— Ну, хорошо, я обожду.

С документом я направился к выходу и, переступив порог, чуть не бросился бежать, как вдруг с обеих сторон на меня направили наганы.

Я остолбенел. С левой стороны стоял, злорадно усмехаясь. Алька, с другой — офицеришка.

Сильным ударом в живот я Альку свалил со ступенек. но тут же меня грохнули наганом по голове так, что в глазах потемнело.

Пришел в себя в паспортной, где с двух сторон на меня были направлены дула.

— Ну, что, сучки, очнулся? Счастье твое, что не вздумал бежать — хорош бы был, — заговорил офицер.

— А где твоя «машина», — заревел Алька.

Я молчал.

— Где, говори, а то все — равно в расход пустим.

— У меня ее нет.

— Ты ж вчера говорил, что есть.

— Не было и нет.

— Врешь, сволочь! — и я получил здоровеннейшую оплеуху.

— Ну, ладно, пойдем — ка к нему домой, посмотрим, что он привез из Совдепии.

* * *

Из участка, под дулами револьверов с поднятыми вверх руками довели меня до дому, напугав порядком родных. Не найдя ничего им нужного, за исключением 30 рублей, которые, как и я, подверглись аресту (вследствие чего семья, в количестве 5 чел. неделю голодала), отправили под конвоем в контр — разведку, в гостиницу «Палас»

Комната № 6. Постучали.

Комната, застланная ковром, была окутана густым облаком табачного дыма, везде валялись окурки, а за столом, установленным бутылками от вина, сидели два золотопогонника, в хмелю о чем-то горячо споря.

— Привели арестованного, г-н капитан, — доложил конвоир.

— Пусть стоит, а ты можешь идти. Бумаги на него есть?

— Так точно... Извольте... — И подали пакет.

Конвоиры ушли, я остался,

— Ты кто? — обратился ко мне один из офицеров.

— Косенко — ответил я.

— Кто?... Кто?

— Косенко, — громче повторил я.

— Да я не спрашиваю, Косенко ты или Мосенко... А кто? Понял?..

— Косенко, Василий Николаевич, — опять сказал я; в уме решая: что будет, то будет: все — равно каюк.

— Сволочь!.. — заревел офицер, — за что арестован?

— За то, что коммунист, — твердо произнес я.

— Вот как... Гм... так ты сволочь, да?

— Нет!

— Замолчи, гадина, а то пришлепну!.. — и градом посыпалась матерщина и пощечины.

Дверь отворилась. В комнату вошел еще офицер. Ему передали мой пакет. Вошедший распечатал пакет и стал про себя читать.

— Так, так... так... Так ты старый унтер-офицер, Георгиевский кавалер, и вдруг коммунист, да еще секретарь ком'ячейки Эвакоприемника... Гм... Это, брат, на две звездочки выше вчерашнего.

Офицер позвонил по телефону. Вошли три здоровенных солдата. Меня усадили на табурет, и начался допрос. Но я упорно молчал в ответ на все вопросы. Тогда меня повалили на табурет, связали и стали избивать. Боль невыносимая, но я закусил губу и продолжал молчать.

— Сколько ему?

— Вали полста...

Я чувствовал, как что-то горячее потекло мне в сапоги... Бюто-то хохотал... Свистела нагайка. Я потерял сознание.

Очнулся в темноте в подвале. Воздух сжат. Руки прикасаются к холодным мертвым телам. Инстинктивным движением отодвигаюсь, хочу сесть и... подсакиваю от жгучей боли; прилипшее белье сорвалось и кровь потекла в сапоги. Я лег на живот и скоро или забылся или заснул. Очнулся от пинка в бок.

— Вставай, иди на верх.

Привели на второй этаж в ту же комнату № 6. Там я увидел еще какого-то несчастного, только что подвергшегося истязаниям. Ему предлагали кого-то выдать, а он стоял как окаменелый.

— Так и не скажешь? Ну, уведите его, — было отдано приказание, и товарищ стал одеваться. Я увидел, что руки его окровавлены. Шатаясь, он вышел.

— Ну, как чувствуешь ты себя после вчерашнего? — обратился ко мне офицер-палач. Тогда я только понял, что сутки пролежал без сознания.

— Так же, как и вчера, — ответил я.

— Значит, ты опять за свое... Ну, что-ж... Мы еще попробуем... А ну-ка, дай, Гриша, его сюда.

Меня повели к двери, раскрыли ее, заложили пальцы правой руки меж двери и постепенно начали надавливать. Глаза, кажется, хотели выпрыгнуть вон. Пол подымался кверху... а стены рушились...

— Пустите... — простонал я, не узнавая своего голоса.

— Ага, собака, заговорил!..

Я упал в изнеможении на пол, в висках стучало, в ушах звенело... Влили в рот спирта, и я поднялся на ноги.

— Ну, что привез с собой?

— Ничего.

— Врешь, сволочь, говори... Этот протокол ты подписал на заложников?

— Не знаю, — отвечал я, не видя, что он показывал. — Не знаешь? — прошипел он, — а полковника Васильева. Курячего, Грейденберга не ты ли передавал вашему милейшему Саенке?.. Что, сволочь, молчишь?.. Ты?..

— Я, да...

— Даешь его сюда!

Меня опять подвели к двери и пуще прежнего нажали пальцы. Я крепился.

Тогда офицер взял цыганскую иголку и стал медленно запускать под ногти... В один из пальцев он спяна неправильно сунул иголку, прорвал ноготь — и я свалился...

На следующее утро меня вместе с другими арестованными отправили в каторжную тюрьму.

При выходе из контр-разведки я увидел мать. Старая умоляла часовых передать мне подушку, одеяло, табак и покушать. Те долго не соглашались, наконец, решились с условием, чтобы я не разворачивал ничего до прихода в тюрьму.

Простившись с матерью кивком головы, я пошел. Но боль заставляла отставать. Из-под ногтей сочилась кровь, уцелело лишь два пальца — остальные были проткнуты и отдавлены, ноги не подчинялись мне...

В подушке была какая-то колодочка...

Я догадался, что брат вложил туда мой финский нож, и испугался уже не только за себя.

Потом решил во что бы то ни стало пронести его и сохранить. Для этого в тюремной конторе отстал от передних, поосмотрелся, когда же начали обыскивать меня — одеяло и подушку швырнул на пол по направлению вперед, а когда дошел до них — подушку взял колодочкой в руки и таким образом пронес нож.

— Косенко в одиночку — приказал дежурный.

— Что, разве важная птица? — спросил надзиратель.

— Целый кобчик, а не птица...

Меня провели через двор, и позади захлопнулась железная дверь.

Узенькая камера с койкой и табуреткой напоминала склеп. Сырость. Оено лишь с решеткой, но без стекол. Дует.

Я положил подушку, одеяло и узелочек с хлебом. Хотел сесть на табурет. но боль помешала.

Достал табак, завернул цыгарку, но спичек не оказалось — их отобрали в конторе.

Подошел к двери, позвал надзирателя.

— Послушайте, товарищ!

— Сразу видно, что коммунист, — «товарищ»! Ну, что тебе?

— Если можно, дайте прикурить.

— Давай папиросу, я прикурю, а спичек не разрешают, так и знай.

Я дал папиросу, он прикурил.

— А что, можно будет лечь? — спросил я.

— А что, сидеть не можешь? Наверное всыпали порядком?.. Ну, пока не зажило, можно спустить койку.

Опустил я койку и, как пользующийся особым положением, лег.

Лег на бок, на спину не мог — болело. Лежа я увидел на стене надписи. Приподнявшись на локте, стал читать самую нижнюю.

«Я, Николай II, сегодня меня ведут совсем. Суда не было. Передайте в Екатеринослав. Прощайте, прощайте...»

Мороз подрал по спине — «совсем», «прощайте». Его расстреляли. Глаза призакрылись. Папироса погасла.

Прислушавшись у дверей к тишине, царящей за нею, распорол угол подушки, вынул нож. С ножом выпала записка от брата:

«Вася, твое и наше — все забрали. И корнет, и ноты, и твои ноты, и книги, и одежду. Эх, Вася, зачем ты только коммунистом? Тамару (сестру) изнасиловали. Хоть бы ты жив остался. Береги себя».

Холодно отнесся я к этим вестям из родного дома. Я весь как-то остыл. И что я мог сделать? Записку сунул за отвалившуюся штукатурку, а нож заткнул под крышку табурета. А стенка притягивала...

«Мучили до того, что умираю. Раны растревляли сбью. Раскаленную иголку пускали под ногти и в голову. Налили в ухо керосину, потом хлопнули ладонью и я оглох. И теперь кровь сочится из ушей. Вши раз'едают раны. К врачу не пускают. То же самое было и с другими товарищами... Не выдержу. Передайте привет всем»...

Таких надписей было много. Я их читал все... За «парашей» среди пыли и мусора оказался карандаш.

Чуть не каждую ночь выводили меня расстреливать, а потом возвращали обратно в камеру.

Но ужаснее всех пыток были душераздирающие крики, раздававшиеся среди ночи в соседних камерах, мольбы о пощаде, обещания выдать всех... Что происходило там — можно догадаться...

Все это так действовало на нервы, что в конце концов я почувствовал, что силы покидают меня окончательно.

Наконец, одиночки были заполнены «преступниками» поважнее меня, мест не хватало, и меня решили перевести в общую камеру.

Не нужно говорить, что для меня это было праздником, так как за целый месяц я покидал камеру всего один раз, когда нас водили в церковь. Да и там я набрался «греха». Тюремный священник обругал всех заключенных матерщиной во время богослужения за то, что переговаривались, а не молились, и в наказание всех молящихся заключенных перевели на две недели на карцерное положение.

Перевели меня из одиночки в главный корпус. Там встретился с знакомыми братьями Ананьевыми В. и О. В. — красноармейцами. Оба также перенесли пытки. Как и у меня, у них раны зажили, но еще долго давали себя чувствовать.

Здесь было веселее: потихоньку пели песни, играли в игры, читали специально издаваемые для тюрьмы газеты.

В этих газетах только и писалось про успехи на фронтах, победы над партизанами, сколько за день поймано коммунистов и сколько расстреляно при попытке к бегству.

Пища была отвратительная; у многих открылась цынга, болезни желудка. Больница была переполнена.

Среди уголовников было много зараженных венерическими болезнями. Иногда для потехи к уголовникам бросали политических и тогда плохо им приходилось. Они подвергались самым мерзким издевательствам.

За малейшую провинность заключенных сажали в карцеры, откуда выходили только тени.

В камеры сажались шпионы для выуживания сведений из разговоров заключенных друг с другом.

Так тянулось 4 месяца. Арестовывали и сажали, расстреливали, вновь пополняли, и цифра по нашему корпусу в 570 чел. не изменялась...

Наступил декабрь месяц. Морозы дали себя чувствовать. Камеры не отапливались. Окна были выбиты.

С воли доходили сведения, что наши войска гонят деникинцев... Желанного же момента освобождения пришлось долго еще ждать. С морозами усилились заболевания, в связи с отступлением белых участились расстрелы, допрашивать и пытать продолжали, а суда все не было.

Однажды ночью в тюрьме заседал военно-полевой суд и в одну ночь расстреляли и повесили на черном дворе (так назывался двор, где производились казни) человек 35¹⁾.

Нашему — кажется, по счету третьему — подпольному комитету удалось выкупить некоторых товарищей, в том числе и Розенфельда.

Сказали, что к вечеру выкупят и нас, но... сорвалось.

¹⁾ По сведениям, полученным редакцией от работника Харьковского Коммунистич. Кр. Креста, тов. Яновой, заседание военно-полевого суда в тюрьме во время деникинщины происходило лишь раз, при чем приговорено было к казни 28 человек, расстрелянных в Григоровском бору. Одному удалось бежать. Прим. редакций.

II

На следующее утро, едва забрезжил свет, все заключенные с напряжением ожидали возгласа «выходи!». Но я не ждал. Я чувствовал, как озверели белые из-за неудач на фронтах, и знал, что злобу они сорвут на коммунистах, попавших в их лапы. Мои мысли были сосредоточены на том, что мог бы предпринять подпольный комитет для тех 2800 человек, которые были за толстыми стенами, железными дверями. Я стоял у окна и наблюдал, что делается там, в шумном сером городе, откуда в камеру доносится грохот колес, гудки паровозов, шум и гам солдат белой армии.

О, если-б вырваться! Если бы хотя 300 — 400 чел. вооруженных ребят — разве мы бы дали выйти им отсюда?! Разве бы дали вывезти все забранное! Поплатились бы они за все!

— Все следственные и осужденные, выходи! — раздалось эхом по коридору.

Я застыл. — Ребята, это этап. Не видать нам свободы как своих ушей без зеркала!

Мне не поверили. Кое-кто смеялся... Быстро все вышли во двор.

На вышках часовые были сняты и заменены корниловцами.

Нас быстро выводили со двора и строили по четыре у выходных ворот, а вокруг стоял конвой из корниловцев и офицерства. Они шопотом тревожно переговаривались, взглядами чего-то или кого-то искали. Потом, повидимому, начальник, скомандовал: «Все женщины и дети вперед!»

Здесь уж всем стало понятно, что гонят этапом... Но куда? Долго еще стояли. Снег шел большими хлопьями. В наших рядах было тихо-тихо. Переступали с ноги на ногу, стало холодно, так как почти все были одеты по-летнему.

Я стал с Ваней Ананьевым, которого взяли прямо из больницы после брюшного тифа, и он еле стоял.

Уже вечерело, когда последовала команда «смирно!». На середину вышел поручик. Его высокая фигура напоминала старого жандарма. Он заявил:

— Предупреждаю. Я начальник этапа. Кто осмелится бежать или отставать от передних — будет расстрелян на месте. Ни разговоры, ни неподчинение конвоирам не должны иметь места. Каждое нарушение порядка будет рассматриваться как попытка к бегству. Солдаты, зарядить винтовки!

Стальное щелканье затворов нарушило тишину и рассыпалось, как горох.

— Ну, а теперь, с богом... Снимите шапки и перекреститесь... Все готово?

— Готово! — отозвалась рябая рожа фельдфебеля.

— Шагом марш! Все двинулись вперед.

Далеко гулко прокатился орудийный выстрел. Один... Другой... И дальше также. Красные близко! О, если-б они подоспели!

За воротами тюрьмы творилось что-то невообразимое. Весь Харьков собрался сюда и запрудил гору и ближайшие к ней места.

Плач, обмороки, душераздирающие крики: «папа» «ма-ма»... Все понимали, что видятся в последний раз.

Я искал в толпе знакомых, чтобы увидели меня и передали, что и я ушел. Куда? — Не знаю... Но никого из знакомых не увидел.

Нас подгоняли прикладами в спину. Кое-кто попытался уйти. Кой-кому это удалось. Неудачники же были расстреляны за городом.

Две девушки из толпы прорвались сквозь цепь конвоя и бросились к неподалеку от меня шедшему т-шу Якобсону.

— Папа, папа, куда же ты? — Старик что-то сказал на родном языке, но тут же обеих девушек сильными ударами прикладов выбили из строя.

Слышали ли они, как я попросил их сообщить об этапе Розенфельду и в подпольный комитет, не знаю.

На мосту публику оттеснили от нас. Нас же погнали чуть не бегом дальше.

Долго еще долетали до нас стоны и плач харьковцев, потерявших в этот вечер отцов, матерей, братьев, сестер и мужей.

Вышли за город. Темная ночь заволкла своей пеленой ту даль, куда нас гнали, как стадо овец. После потрясающей картины в Харькове еще не пришли в себя и шли молча, опустив низко головы. О чем они думали — трудно сказать.

Передние ряды шли быстро, а задние, чтобы не отставали, подгоняли штыками.

Шаг за шагом все труднее становилось идти. Острые обледенелые кочки врезались в полубосые ноги.

Кто падал и отставал — больше не нагонял товарищей. Он оставался далеко от нас навсегда. И до нас доносились лишь предсмертные стоны.

Отходили от родного города все дальше и дальше. Остановили... Велели сесть. Вывели человек 10 — 15 из тех, которые пытались бежать в Харькове. Отвели в сторону... Гробовая тишина... Что было у каждого на уме?.. Защелкали затворы... «За что?... Простите... Товарищи! Что же вы смотрите...» «Шеренга!»...

Грянул залп. Далеко, далеко пробрекали собаки. Вернулся офицер.

— Со всяким будет то же, кто забудет мое предупреждение в Харькове, а теперь — айда дальше!

Тронулись. Кое-кто не мог встать, ему помогли товарищи. Прошли село. Прошли версты 3 — 4 еще. Позади оставили еще несколько товарищей. Другое село, Васицево. Объявили, что здесь будет ночевка. Я и Ананьев попали в помещение школы. Набили человек 300 — 350. Было тесно и душно. Но усталость, холод и голод взяли свое — вскоре все спали. Сон был тяжелый, кошмарный. Ругались, просили о пощаде, прощались, тряслись в лихорадке, метались в жару. А на дворе шел снег, выли собаки... Это было началом знаменитой массовой расправы до-никинского «единого неделимого» господства над захваченными в плен трудящи-мися Украины.

*
*
*

На второй день рано утром при поверке не оказалось одного заключенного из того помещения, где ночевал я. Выясняли, кто он, фамилия, где видели в последний раз. Но никто не знал, кто он и был ли с нами. От расспросов дошли до избиений, и мы начали думать, что побег лишь предлог для того, чтобы

офицерству позаняться лишний раз физкультурой. Вдруг по толпе пронеслось испуганное «ведут».

Да, его вели. Вели под руки, почти что волокли. Было жутко от сознания, что через несколько минут его не станет. У ног начальника его бросили.

— Потрите ему морду снегом! — Потерли. Парень пришел в себя встал, выпрямился.

— Ага, в книжном шкафу спрятался, сволочь! Наверное, коммунист, а?...

Изо всех сил ударил кулаком, так что сам покачнулся. Несчастная жертва отлетела шага на три. Кровь сочилась изо рта.

— Ты силен, когда я вооружен лишь руками...

— Так еще разговаривать?!

Сверкнула шашка. Я отвернулся.

— Ты чего отворачиваешь харю? Брата рубят? А ну, повернись туда, где рубят! — приступил корниловец ко мне. Я принужден был смотреть на несчастного с отрубленной кистью руки, присевшего, закусив губы. Ни звука. Офицер подскочил от восторга.

— Корчишься, собака?

Фельдфебель докончил его.

Через 15 минут выходили.

Улицы села были пусты, жители были загнаны в хаты, покамест «бандитов» проведут через село.

Два пулемета на боевом взводе сопровождало нас.

Шли быстро, не останавливаясь. Дорога продолжала быть такою же, как и вчера, ноги отказывались служить, хотелось пить и есть. Снег не утолял жажды, а нас все гнали и гнали.

Только вечером догнали до окраины г. Змиева.

Почти всю дорогу в воздухе свистел шомпол.

У города велели подтянуться, подтянуться тем, кто ждал уже только смерти, исхода страданий.

Вот и знакомый Змиев. На улицы высыпали обыватели. Глазели на нас, как на стадо слонов из Африки, покачивали головами.

Опять на две части разбили этап. Со мной оказались знакомые: т. Шатицкий (лев. эсер), старик Якобсон и еще кто-то.

Трудно было узнать друг друга. Одежда превратилась в лохмотья, лица в грязи и в крови.

Опять набили помещение. Опять не хватало воздуха. Было темно. Измученные голодом и жаждой, стоя и сидя спали.

Вскоре в нашу камеру вошло несколько золотопогонников. Мысль быстро заработала. Я стоял у окна, решив в случае чего бежать.

— А ну, расступись, сделай проход посредине, да живой. — И шомпол начал свою повседневную работу. Меня окончательно придушили к стене, и я слышал только как вызывали фамилии:

— Данилов!... Фирсов!... Добров!... ты что, казак?

— Да, казак.

— Ага, ... ну, выходи. Там разберем. Якобсон! Я замер. Это тот Якобсон. который укрывал у себя коммунистов. Бедный, бедный старик!

А офицер все продолжал вызывать и, если бы вызвал меня, я бы не услышал.

— Садись! — Все сели.

Я увидел группу в 10 — 15 человек офицеров, занимавшихся «разгрузкой». Глаза их искали коммунистов и евреев. Отыскивали еще двух-трех евреев. Тут я заметил возле себя китайца. Несчастный знал, что близок и его конец. Он жался ко мне, толкал меня, хотел за мною спрятаться. Что с ним делать? Его сейчас заметят и «разгрузят». Заметят и меня. А хотелось еще жить. У меня была надежда, что налетят партизаны и освободят нас. Как можно глубже я насунул свою без козырька фуражку, распатлал волосы, голову втянул в плечи и ждал.

Офицерия все еще выбирала и «разгружала».

— А ты там, еж, за что? — обратились ко мне.

Сердце усиленно забилося. Что ответить? ..

— Корзину с барахлом стырил. На вокзале засыпался.

Шомпол больно врезался в плечо. — Ну, так учись!

— А это тебе на чай, что не умел «тырить», — и шомпол еще раза два хлестнул по плечу.

— А рядом с тобой, сосед твой? Эй, ты, шпана, — окликнул он китайца.

— Вот и он же тоже со мной... Я стырил и передал ему, а он засыпался сам и меня засыпал... Офицеры заготовили, а шомпол опять делал свое.

— А это тебе для того, чтобы помощников имел хороших, чтобы не «засыпали».

Шомпол ходил по мне и по китайцу, а несчастный от радости на боль отвечал смехом.

Забрав еще человека два, офицеры вышли, дав наказ смотреть в оба. В камере стало свободнее, уменьшилось человек на 50 с лишним.

Уменьшилось за счет коммунистов и красноармейцев! ..

Китаец целовал меня, плакал, говорил что-то, чего я не мог понять. Целовал руки, плечи. Я же почти терял сознание.

Однако, у меня хватило сил посоветовать китайцу изменить свой вид: вымазать грязью лицо и обрезать волосы.

Последний так и сделал. Грязью с ног обмазал лицо, а моим финским ножом клок за клоком откромсал волосы.

— Спасибо, брата, — сказал он, поцеловал и пригорнулся ближе.

Мы долго, прислонившись друг к другу, полулежа, молчали.

— Твоя большевик? — спросил на ухо китаец.

Я кивком головы ответил — да.

— Моя то - ж.

Китаец еще немного о чем-то побурчал и уснул. Я постепенно вытянулся, протянул на кого-то ноги, голову положил китайцу на живот и стал засыпать.

Я уже задремал, как вдруг залп и частая стрельба из винтовок прорезали ночную тишину. Все повскакивали, заволновались. «Не партизаны ли?» — промелькнула мысль не у меня одного.

В дверях заерзал ключ. Все смолкли. Вошел конвоир с копилкой в руках.

— Ребята, не спите? А вот сейчас и шамовку я вам принесу. Говорят, есть меж вас коммунисты, но все же придется дать.

— А что за стрельба?

— То разгружают вас от заразы. Там их 150 чел. И все коммунисты и коммунистки, — ответил хладнокровно конвоир.

— Айда за мной человека три-четыре. — Кто-то вышел.

«Сто пятьдесят человек!» — стучало в висках. Сто пятьдесят человек валялось изуродованными. Им пашками, прикладами и штыками изувечили лица, чтобы нельзя было их опознать. Нам же на поминки выписали ведер пять-восемь вареной картошки. Ели как волки, с кожей, не прожевывая глотали, давились — лишь бы набить пустой желудок.

Я стоял, не трогаясь с места. Казалось, и картошки и руки у всех были в крови. Стоны, вопли стояли в ушах... Кровь, всюду кровь...

Чуть свет нас вывели на площадь, запруженную жителями города, приезжими крестьянами и войсками.

Битаец потихоньку подошел ко мне и, вынудив из-за пазухи несколько картошек, сунул их мне в руку. В это время передние остановились. За ними стали и мы. Промчался начальник этапа и впереди раздалась его команда. «Пропускай по парам. Да живей!».

Впереди была огромная лужа. Обойти ее можно было только по бокам. Нас начали быстро пропускать парами, подгоняя шомполом. Я, В. Ананьев и битаец присели на плетень, воспользовавшись этим случаем для встречи со знакомыми товарищами. Начальник этапа бегал взад и вперед, торопливо отдавая приказания; повидимому, он был чем-то встревожен. Ругался он при этом с таким совершенством, с каким умеют, вероятно, ругаться только русские офицеры. У переправы прибавили количество конвоиров и количество шомполов.

— Бегом, бегом, сволочи, не задерживайте задних!

— Не пойду, как хотите... Не могу больше идти... Что хотите делайте...

Я обернулся на возглас. У переправы стояла женщина с распущенными волосами. На руках — грудной ребенок. Перед нею — остервеневший подпоручик. Была она боса, почти раздета. Как и на всех, на ней местами виднелась кровь. Ребенок обернут юбкой. Открыто смотрела на зверя.

— Мы заставим пойти, если будешь дурачиться!

— Попробуйте заставить, изверги вы проклятые, кровопийцы...

От удара кулаком по лицу она пошатнулась. Не помня себя от ненависти, падая, плюнула в физиономию мучителю. И удачно. Офицер двумя руками обтирался, хватаясь то за пашку, то за наган.

— А, ты так, гадина! — заревел белый, вырвал винтовку у близстоящего солдата и что было силы ударил дерзкую штыком в грудь. Удар был верный. Умиравшая только успела вскрикнуть. Дитя выпало и отлетело в сторону. Офицер ушел; подошел фельдфебель. Малютка, чувствуя, что близко родная, подполз, влез на грудь... пищал... но его мать покончила о нем заботу, в судорогах корчилась она, царапая пальцами землю.

Топтавшиеся у хат местные крестьяне, бывшие свидетелями деникинской расправы над беззащитной матерью, подошли взять ребенка.

Заметив это намерение, фельдфебель набросился на них:

— Да я вам, скотам, знаете что сделаю! Эта сумашедшая — жена комиссара, а это — коммунистичье отродье. Я вас всех за одно это перебью, как собак. Часовой!.. Стой здесь пока этот гад просто так не издохнет, ему не долго осталось дышать. Да смотри, только попробуй отдать. Ну, а вы... — гаркнул он на нас. И мы бегом пустились догонять своих.

Бегом нас гнали все дальше и дальше. Стало известно, что следом за нами красные вошли в Змиев. Гнали, себя не жалея, по направлению к деревне Андреевке, чтобы погрузить в поезд и увести в глубокий тыл.

Смеркалось, мы были в пяти-шести верстах от деревни. Грязь покрывала нас с головы до ног. Ноги не слушались и предавали нас... Упавших добивали. Дорога буквально была застлана трупами.

Китаец, В. А. и я не отставали друг от друга.

Спеша, на подводах удирали буржуазия. Из некоторых подвод и саней стреляли в безличную массу этапников. В ответ на стоны сраженных звучал смех или площадная брань.

— Ло-ж-ись! — вдруг раздалась команда. Все попадали, затихли.

— Навести пулеметы и по первой команде открыть огонь! Часовые... уходи от арестованных!

Быстро стали отходить часовые, заряжая винтовки.

«Не партизаны ли» — мелькнуло в голове. Но ведь наведены пулеметы... Что же?.. Мысли не вязались.

Прозвучало несколько редких выстрелов. Послышалась ругань. Еще выстрелы. Тихо. А мы все лежим в воде и грязи, не зная, что думать, ничего не видя в кремешной тьме.

— Слу-шай, сволочи! Только-что четверо вздумали бежать. Их догнали и расправились на месте. Если только до Андреевки вздумаете бежать... то пулеметы наведены... И довольно попытки к побегу — хотя бы одного — перебьем всех. Вы отвечаете друг за друга, поняли? Все молчали.

Кто знает — бежал ли кто или думал бежать, но только когда мы тронулись, то с той стороны, где была стрельба, донеслось:

— Добейте, не дайте мучиться...

Человека три из конвоиров отправились в ту сторону. Несколько выстрелов — и молебь больше не стало слышно.

Мы бежали, спотыкались, падали, получали удары, пинки, снова подымались и опять бежали и бежали. Ноги вязли. Но вот они стали скользить. Раздался гул и треск.

Это была река. Передние ряды провалились под лед. Хватались друг за друга, за льдины, боролись друг с другом. Я, как задний, стоял еще у берега по пояс в воде. Китаец сделал шагом больше и еле вылез на берег. А впереди был целый бой. Бой ослабевших несчастных с леденящим течением реки, которая своей прожорливой пастью поглотила в течение каких-нибудь 20 минут сотни

человеческих жизней. Оставшихся в живых повернули влево и погнали по - над рекой. Переходить ее, оказывается, не было надобности. Просто впотьмах сняли всех часовых, выстроили их сзади этапа, а этап один, без сопровождавших, пустили на лед, зная, что будет провал, а бежать все же никто не посмеет, так как было грозное предупреждение и один отвечал за другого.

После ледяной ванны, принятой большинством, мы без дальнейших происшествий достигли д. Андреевки, где имелась пересыльная тюрьма.

Точно так же, как и в прошлые ночи, полны была камеры, но мы уже свыклись, стали равнодушнее смотреть в глаза жестокостям и смерти. И — невероятно! — но полчаса спустя из одного угла камеры послышалась украинская песня. Пели уголовники. В. Ананьев тоже стал подтягивать осиплым после купанья в Донце голосом. Но пели недолго. Шомпол восстановил тишину и порядок. Попало правому и виноватому.

Нескольким заключенным были рассечены щеки и уши, а двум разбиты переносицы и губы. Озверев, мы кинулись на бесчеловечного фельдфебеля, но подоспевшие конвоиры открыли стрельбу прямо в камеру. Еще несколько человек поплатились жизнью.

Потом конвоиры начали производить обмен вещей на хлеб. «Купцы» сняли последние вещи с несчастных, а хлеб обещали принести «после».

Уставший, измученный уснул и я рядом с китайцем, который все еще не переставал дрожать от холода и, как голодный волк, щелкал зубами.

На утро в камере оказалось еще несколько трупов...

Погнали снова по направлению к ст. Шебелинке, как мы потом узнали. Завидев станцию, обрадовались — не придется идти пешком, нас будут везти. Скоро достигнем «места назначения». Все же будет легче. Может быть, дадут поесть. Ведь, исключая упомянутого выше картофеля, четверо суток не ели.

Этап вплотную подошел к заранее подготовленному эшелону, который стоял в тупике.

Разрешили сесть возле и ждать распоряжения о посадке. Все сели, и на измученных лицах затеплилась радость.

Через станцию промчалось один за другим два поезда полутоварных, полупассажирских. Это белые вывозили остатки роскоши буржуев. Все вагоны были облеплены бегущими. Сидели везде: и на крышах, и на буферах, и даже на тормозах под вагоном, не решались лишь сесть на колеса.

К нам пытались подойти железнодорожники и пристанционные жители, хотели было заговорить, но им не позволили.

* * *

Каковы же были условия нашего переезда? Для нас были предназначены белые длинные вагоны с ледниками, с крючками вверх. Вагоны, которые обычно служат для перевозки мяса и плотно закрываются, чтобы не было доступа воздуха. И так как мы, этапники, представляли из себя также мясо и добавок «зараженное» большевизмом, то нас и решили доставить до места назначения в этих вагонах.

Началась посадка.

— Ну, залазь... да быстрее... Часовые, смотри за своим делом!

Полезли в вагон. Считают: десять... пятьдесят... семьдесят, девяносто... то пять...

— Некуда здесь,— раздается из вагона.

— Я покажу некуда... что это тебе?..

— ... Сто двадцать пять... Опять раздается: «некуда!»

Шомпол заставляет впустить еще 20 человек. Но и шомпол уже не помогает...

— Некуда,— лезут друг на друга...

— Некуда,— давят...

— Некуда,— уже не говорят...

Штык приходит на помощь шомполу.

Влезло еще пять. Опять: «некуда». Тогда стал действовать наган. Нужно было в каждый вагон вместить по 170 чел. И наган, уложив на смерть одного, втиснул еще тридцать человек. Так же проходила посадка и в другие вагоны.

В один из таких гробов попал я, В. А., китаец, Шатицкий и другие товарищи по камере.

... Когда вспоминаю теперь эту поездку — кажется она кошмарным сном. Но, увы,— это было наяву.

Кто был еще силен, тот стоял, кто слаб, тот висел, сжатый сильными, а совсем обессилившие лежали на полу вагона под ногами, по ним топтались, и они со стонами ворочались до тех пор, пока жизнь не оставляла их.

Наконец, подали паровоз. Мы догадались об этом по толчкам.

Потом, о ужас! Дверь заперли снаружи.

Собственно, в первую минуту никто не придал этому никакого значения. Но через 15 — 20 минут мы все поняли, что нам угрожает — мы остались без воздуха.

Воздуха, которым можно было бы дышать, становилось все меньше и меньше...

Кое-кто стал кричать, потом реветь. Реветь, как режут быки... Потом начали драться... рвать волосы... одежду... Я впотьмах наткнулся на китайца, к моему удивлению он был голый. Его сосед, врач, предложил всем раздеться до гола и стоять не шевелясь. Это был единственный выход. Вскоре все разделись до пояса и стояли спокойно. Но и это помогло не надолго. Многие стали терять сознание и валялись на пол. Кто еще был в сознании — пользовался этим, чтобы усесться на несчастного.

... Миновали станцию. Колеса вагона громко выстукивали... Я чувствовал, что вот-вот потеряю сознание, и тогда... Боялся думать, что тогда...

Как-то случайно, повидимому от того, что еще кто-то упал, все двинулись в мою сторону, меня положительно подняли на воздух. И, чтобы удержаться, я инстинктивно протянул руки вверх и вцепился руками за крючки, которые были ввинчены в потолок вагона.

И тут я сообразил, что вверху можно висеть. Когда в вагоне все опять притихли, я с трудом вытянул из массы близстоящих людей не выпускаемую

мною все время из рук телогрейку. Подняв се вверх, зацепил за крючки с четырех концов так, что у меня получилось что-то вроде гамака.

Собрав все силы, поднялся на руках вверх и влез в свой «гамак». Но так как в нем могла помещаться лишь голова и туловище до пояса, а ног деть было некуда, то пришлось проколоть в сапогах дыры — и ноги тоже повисли на крючках.

Сейчас же выявилось за и против такого положения. Было удобнее, и я был гарантирован, что не буду задушен в случае потери сознания. Зато воздуху было еще меньше.

Другие последовали моему примеру, и вскоре все крючки были заняты.

После такого перемещения вагон окончательно принял вид «вагона с мясом».

Воздуха все же недоставало, несмотря на относительный простор.

То и дело кто-либо падал замертво...

Поезд шел... останавливался, опять дергал, шел... визжали буксы, колеса, крючки сцепок, в ушах гудело, и казалось, что вдали кричат. Не знаю, задремал ли я, или просто потерял сознание, но очнулся я от сильного толчка и от боли в голове, так как во время толчка ударился головой о холодильник.

Вслед за первым толчком последовал второй, и в вагон ворвался свежий воздух. Дверь распахнулась. Свет ослепил меня. Я не видел, а лишь после узнал, что несколько человек при этом выпало, а несколько спрыгнуло с вагона.

Китаец нащупал мои руки, добрался до головы, и я услышал:

— Твоя бижал буим, моя бижал...

Выстрел, другой, потом еще и еще. Китаец, не дождавшись ответа, исчез, и больше я его не видел.

Я был ошеломлен воздухом, пил его, не мог сообразить в чем дело, казалось, был в бреду или сошел с ума. Вскоре, впрочем, очнулся и понял, что случившееся спасло нескольких товарищей, в том числе и китайца.

Счастье было так близко, но многие проспали его в «гамаках». Потом мы узнали, что наш эшелон на полном ходу налетел на воинский эшелон, который стоял у семафора какой-то станции. Произошло крушение, 5 — 6 вагонов передних разбились в щепки. Почти во всех других двери сорвались с крючков, которыми запирались, некоторые двери сорвались с петель. Благодаря панике охраны бежавшим товарищам удалось благополучно скрыться в ближайшем лесу. А там следы их затерялись. Хозяевами леса были не белые и преследовать беглецов не было возможности.

Однако, бешенство офицерства все же вылилось на нас. Мы получили на обед воблу. Набросились и съели, но... вскоре наступила расплата. Мы стали изнемогать от жажды.

Обратились к часовым с просьбой дать воды и вынести мертвецов. Но они знали, как избавиться от побегов.

Знали, каким способом ослабить человека до той степени, когда он не в состоянии и двинуться с места.

Соленая рыба была дана не для удовлетворения голода а для возбуждения жажды.

Часовым было запрещено под страхом расстрела давать нам пить, открывать дверь, убирать мертвецов и выводить арестованных за естественными надобностями.

Распоряжение было точно выполнено. Двери были заперты наглухо. Воды не давали, не выводили.

Заключенные опять начали задыхаться. От жажды появился жар и бред. Разлагающиеся трупы и испражнения отравляли последние остатки воздуха. Многие в полусознательном состоянии грызли лед, который образовался на дверях внизу от испражнений. Но это еще более разжигало жажду.

Белые палачи могли торжествовать — они достигли того, что о бегстве никто и не думал.

Я, как и многие другие, лежал в своем гамаке полуживой, полумертвый. Временами я чувствовал себя даже хорошо, легко, я забыл о том, что я заключенный и почти осужденный, но когда сознание возвращалось, — ужас охватывал меня от безнадежности положения.

На следующий день после того, как нас угостили «закуской», я почувствовал, что находиться в гамаке дальше не в состоянии. Еле вылез из него, спустился (ноги отказывались служить). За трое суток впервые сел. Сел кому-то на колени, но тот или спал или еще хуже... — он не протестовал.

* * *

Кто-то приложился к моему уху и как-то странно заговорил:

— Как будем вместе — смотри — я здорово бегаю. Чорта с два меня догонят.

Я не ответил. Ведь не знал кто говорит, да и что мог ответить, когда чувствовал — вот-вот не в состоянии буду усидеть.

— Что же ты молчишь? — шепчет тот же голос, но уже громким слышным шопотом, — ты спелся с ними... да... собака! — и сильные пальцы говорившего вцепились мне в горло.

Я схватил за руки, но... они были сильнее моих. Изловчившись, ударил обидчика коленом в живот. Пальцы разжались. Он повалился. Я растерялся и скорее поспешил назад в свой гамак.

Внизу завозились, заругались, завязалась драка. Я ждал нападения и приготовил нож, но от охватившего вновь уныния сил — задремал.

Поезд стал. Стук и шум людской говор, беготня, гудки паровозов и железнодорожных рожков доносились извне.

Двери отперли. Воздух влился. Пьянея от него, как от вина, все шатались и устремлялись к двери.

Стояли на большой станции. Всюду пестрели наряды дам и блестящая форма военных. Часовой при вагоне отгонял любопытных.

Вдруг из угла вагона к двери продвинулась высоченная фигура живого мертвеца в одной исподней рубашке. В руках — рванный сапог, глаза мутные, с зеленым огоньком, лицо судорожно передвигается, волосы взерошены, по углам рта белеет пена. Он что-то бормочет непонятное, пробираясь к дверям.

Я узнал его. Это каким-то чудом уцелевший еврей, бывший комиссар. Я два раза видел его в контр-разведке в Харькове. Выглянув из вагона, улыбнулся, проговорил что-то, ему одному известное, рванул с сапога подметку, закусил ее и с остервенением начал жевать. Затем начал играть на губах и выбрыкивать голыми ногами. Жуткое чувство вызвал этот танец сумасшедшего. Невдалеке против вагона остановилась группа рабочих.

На одном из противоположных путей стоял эшелон белогвардейцев. Из классного вагона вышла туша, а за ней другая, и направились к нашим вагонам. То были с шиком разодетые генерал и его жена.

Часовой пытался было отогнать «артиста» от двери, но тот нечаянно выпал наружу, как раз в тот момент, когда генерал со своею «тушею» подкатил к вагону. Туша взвизгнула, а взбешенный генерал набросился на часового.

— Что за сволочь... Почему нет порядка? — Часовой получил пару пощечин.

— Он сумасшедший, ваше превосходительство, — оправдывался солдат. А сумасшедший тем временем поднялся с полным ртом снега. Он удовлетворял жажду.

— Что? Сумасшедший?... убрать!..

В этот момент безумный бросился на него.

Генерал отскочил и, приняв воинственный вид, как перед вооруженным противником, взвел курок браунинга... Три сухих выстрела заглушили вскрик ужаса, который пронесся среди бесплатных зрителей недавнего «танца сумасшедшего».

«Артист» окончил свою роль. Пошатнулся, опустился на колени, голову закинул назад.

Заиграла на снегу струйка крови, да две крупные слезы выкатились из широко открытых глаз...

Генерал спрятал браунинг в кобур, предложил жене руку и отправился дальше.

Нас сейчас же заперли.

Через некоторое время повезли... Долго таскали по путям... Наконец, велели вылазить и выносить «вещи»... Проверили. Сколько не хватало!

— Где остальные, отвечай, — работая шомполом, орал офицер. Со стороны мастерских слышались свистки. Рабочие увидели и подали о себе весть. Офицер еще больше взбесился.

— Ты за чем смотрел?... — набросился он на конвойра.

— Г-н поручик, остальные в вагоне остались...

— А для них что же, особое приглашение должно быть, что ли... Так я приглашу... — и с шомполом наготове влетел в вагон.

Все мертвецы были перепробованы. Шомпол констатировал факт смерти.

Нас погнали в город. Это был Изюм.

IV

Всю дорогу нас сопровождала толпа любопытных. Когда некоторые из арестованных от изнеможения падали, их вежливо (говорю без иронии) подымали, а когда заявляли, что хотят пить, к великому нашему удивлению — разрешали брать снег.

Подшли мы к мосту. У самого моста — прорубь. Я выскочил из строя, конвоир, как сумасшедший, погнался за мной. Я подскочил к проруби, поскользнулся и влетел в нее по пояс. Часовой тянул меня за пояс телогрейки, но его помощь была не нужна, потому что я сам выскочил и припал к воде, несмотря на угрозы.

Пинки и мокрота коробившейся от мороза одежды заставили меня, наконец, оторваться от воды и отправиться догонять этап.

В тесном дворе Изюмской тюрьмы выстроили нас в очередь и по одному выпускали, тщательно обыскивая. Эта процедура растянулась часа на 3 — 4 и к вечеру только кончилась.

Мне приходилось отстать, чтобы что-либо предпринять со своим ножом. Найдут — отнимут, да всыпят еще с полсотни «наградных».

Вот все как-то двинулись вперед. И «им» надоело! Последних пустили без осмотра с предупреждением, что с виновными разговоры будут короткие.

Я вошел в одну из камер, куда поместили всего лишь 8 человек. Камера была приспособлена для наказаний, имела маленькую с решеткою дверь, не было коек. Все же для нас это было комфортабельным помещением. Хоть и на цементном полу, все же можно было лечь. Все вытянулись и скоро захрапели. К дверям подошел надзиратель.

— Кто здесь из Харьковской каторжной тюрьмы?

Я и еще человека 3 — 4 отозвались на вопрос.

— Как ваши фамилии?

«Ваши», «фамилии», — меня очень удивило. Хотел соврать, но он угадал это и предупредил, чтобы я не боялся — это очень важно для самого же меня. Тогда я назвал и назвал других. Он записал на клочке бумаги.

— А зачем это?..

— Потом, товарищ, сидите, нате покурить... скоро принесем поесть.

Что тут было делать, как не удивляться — «товарищ», «принесут поесть»! С жадностью я затаился сигаркой.

Товарищи предположили, что подпольный комитет Изюма заботится о нас и что-либо предпринимает.

Мы от радости забыли свои терзания и, как маленькие ребятишки, запрыгали.

Вскоре, действительно, принесли еду, и нашей братии попала целая буханка полубелого хлеба и целый бак супу. Конечно, только мы могли назвать эту водянистую бурду супом.

Хлеб был ментально разделен, приступили к баку. Нет ложек! самого главного нет! Казалось, бак с супом провалился сквозь землю. Решили есть пригоршнями. Предварительно поплевав на руки и вытерев их о что попало, сжали пальцы и опустили в бак. С'ели все до капельки...

После такой благодати камера погрузилась в сон.

Следующим утром погнали обратно на станцию.

Около станции стояла целая толпа. На телеграфных столбах качалось 5 человек повешенных с выкатившимися из орбит глазами и вытянутыми языками. На их грудях были прицеплены картонные и фанерные дощечки с надписями: «Большевик», «Спекулянт», «Враг единой неделимой России». Нам

рекомендовали смотреть и иметь в виду, что через девятого-десятого в случае неподчинения «их» воле, нас ждет такая же участь.

— По воле бога попали вы, скоты, к нам. С вами обращаемся, как с людьми: поим, кормим, а придем в тыл — будете приняты солдатами единой неделимой России.

Так ораторствовал офицер, поглядывая на рабочих у импровизированных виселиц и на нас, кандидатов на виселицу.

Офицер разошелся и много бы еще наговорил, если бы голос рабочего не прервал его красноречия.

— Закройся... — и рабочий свистнул...

Побагровевший оратор схватился за наган, кинулся к группе.

— Кто это свистнул?

— Свистун, — раздалось в рядах заключенных.

Владыка наш возвратился к нам. Рабочие стали расходиться...

— Эй, вы, куда пошли? Задержать...

Несколько человек конвоиров бросилось к рабочим. Но в этот момент без видимой причины сорвался один из повешенных.

Среди арестованных и в публике не могли удержаться от смеха.

— Мертвые воскресают, беда живым, — сказал какой-то путник.

— Шагом арш, — скомандовал офицер.

Согласно команде мы тронулись. Свист и шиканье раздалось за нами.

Поручик метался от задних к передним. Кричал, ругался и грозил. Напрасно. Свистали и конвоиры. Тогда он погнал нас бегом к эшелону.

Теперь большая часть конвоиров была на нашей стороне, и поагитируй мы еще немного, офицер, возможно, повис бы на столбе. Он это смекнул и поспешил нас запереть.

— Запереть... Не открывать и воды не давать!

Но «зараженные» конвоиры на первой же остановке за Изюмом приоткрыли дверь, закрепив проволокой так, чтобы воздух мог проникнуть.

С этого дня стало легче дышать от притока свежего воздуха и притока сочувствующих нам свежих, если можно так выразиться, единомышленников.

А голоду не предвиделось конца.

На двадцатый день по выходе из Харькова этап достиг г. Бахмута. Незадолго до Бахмута, на глухой, безлюдной станции было отдано распоряжение «выкинуть из вагонов всю падаль».

Падаль была — умершие товарищи. За дорогу от Изюма мертвецов оказалось по 20 — 25 чел. на вагон.

От этой станции до Бахмута не открывали уже дверей. Когда шли потом по городу и встречали прохожих с хлебом, то падали на колени, плакали, обращаясь к прохожим, просили есть, другие же, собрав последнюю энергию, выскакивали из строя и отнимали хлеб силой, расплачиваясь за это своей кровью...

Вот мы и в тюремном дворе Бахмутской тюрьмы. Из узких решетчатых окон во двор выглядывают местные заключенные. Узкий коридор, камеры, все

туманно, как во сне. Со мной Шатицкий и В. Ананьев и еще кое кто из товарищей по камере в Харькове. Нас 70 человек. Грязно и душно. Пол застлан толстым слоем бурьяна, мокрого, прелого, со следами былых обитателей этой помойной ямы. А по стенкам кровь и кусочки человеческого мяса. Здесь «что-то было».

Мы принесли с собой неисчислимое количество паразитов.

У стенки под окном я улегся. Мысли всех были сосредоточены только на хлебе. В горячке вонючий бурьян казался хлебом, и его жевали...

Наступила ночь. Заснул и видел во сне еду. Просыпался голодным и забывался опять.

Опять ел во сне, и снова был голоден. Во сне был на свободе, наяву — в проклятой яме.

Утром никто не мог подняться с полу. Я лежа увидел, что с окна текла от испарений вода. Как наэлектризованный, я вскочил, влез на окно. Между рамой и решеткой была лужица. Несмотря на то, что она была недоброкачественная, я с наслаждением обмакивал руку в лужу и облизывал. Выбрал все, но жажды не утолил.

Около полудня надзиратель объявил, что больные могут записаться на лечение к сестре, которая скоро будет в камере.

Конечно, записать пришлось всех.

Во время записи ревели, умоляли о помощи, просили воды, «только воды».

Сестра не выдержала и ушла.

По опыту в Изюме я следил за надзирателем. Когда он запирали дверь, мне показалось, что, заметив мой упорный взгляд, он моргнул мне. Я подошел к волчке.

— Подготовьтесь... скоро будет комиссия по разгрузке... Я буду здесь... — торопливым шопотом бросал надзиратель, — скажу, что делать... предупредите других товарищей, только смотрите не испортите дела... ни о чем не расспрашивайте. Знайте, вы будете первым бежать... Это легко, так как они неосторожны... Счастливо.

— Дайте хоть каплю воды... иначе...

— Хорошо... сейчас прикажу принести... тсс... никому ни слова, кроме своих. — Сказал, и быстро удалился.

Я почувствовал сразу прилив сил. Чувствовал, что не только смогу бежать, но и обороняться; если будет надобность. До двери я почти полз, назад ступал твердыми шагами, такими, какими шел я в контр-разведку.

Не успел я сделать и нескольких шагов во-внутрь камеры, как вошли человек шесть членов комиссии по разгрузке, таща за собой целый ворох дел.

Забыв про воду (а жажда жгла), протеснился к В. А. Шатицкому, Куприяну и другим нашим, полусловами и незаметными для других жестами поделился с ними радостной новостью.

Началась разгрузка. Вызывали, спрашивали за что сидит. В конце опроса выдавалось дело на руки с предупреждением отдать при выходе из тюрьмы. Тут же высокий, чернявый, как потом оказалось врач, спрашивал:

— Здоров?

От перспективы оставить тюрьму у всех вырывалось со спазмами в горле:
— Здоров.

Были и другие результаты опроса.

— Такой-то, получите дело и передайте в другую камеру.

Это являлось для нас загадкой, впоследствии, однако, разгадали.

Все те, которые должны были отдать личное дело при выходе из тюрьмы, были уголовники. Все же те, которые должны были перейти в другие камеры— политические заключенные.

В камере осталось человек 20, не больше.

Называют чью-то фамилию... никто не отзывается. Сердятся, ругают, начинают проверять по счету— одного не хватает.

— Где еще один человек?— грозно обращаются к надзирателю.

— Должен быть здесь,— ответил тот.

Всех согнали в один угол. В другом углу камеры виднелись ноги. Вытащили. Кто он? Тот ли, кого искали, или другой? Неизвестно. Парень мертв. Врач определил смерть от разрыва сердца.

— А что в деле помечено?— задал вопрос один член комиссии.

— Н. С.,— был ответ.

— Ну, черт с ним, продолжайте,— проговорил повидимому председатель разгрузки.

Продолжают: вызвали моих двух товарищей. Двое уже ушли. Вот и меня. Сердце билось толчками, громко. Я взял дело и быстро вышел в коридор. Следом вышли остальные... трое.

В камере продолжалась разгрузка.

В коридоре в две шеренги были выстроены все «с делами». По одной стороне стояли уголовные, по другой— всего восемь наших, жизнь которых зависела от одного неправильного шага. Надзирателя не было. Мы с тревогой ждали, чего—сами не знали. Побега? Но что было порукой, что мы не в ловушке, что побег может быть удачен, да и куда бежать?

Но хоть бы только выйти. Только бы вырваться из этих высоких ненавистных стен и узких коридоров с решетками и железными дверями. Только бы ускользнуть.

Пришел надзиратель и имеющим разрешение велел идти к выходу.

Уголовники двинулись, нас он приостановил. Потом подвел к двери и сказал:

— Идите во двор. Больше я не могу ничего сделать. Если не удастся, валите прямо напролом к воротам— охрана небольшая. Валите, да смотрите... Ну, счастливо, увидимся...

Нам не стояло на месте в продолжении его инструкции и, не говоря ни слова благодарности, мы быстро вышли во двор, где около конторы, возле ворот толпилось человек 150. Еще никого не выпускали.

«Как же бежать, куда?»— заволновалось все во мне. У конторы по очереди принимали дела, освобожденный мог подходить к воротам. Составляли группы, и во времени моего прихода к конторе стали группами с двумя конвоирами пропускать за ворота.

Броситься к проходящим уже в воротах — рискованно: те же уголовники могут изловить. Рассуждать же некогда, откроют наше исчезновение — все — равно пропали.

Вдруг мой взгляд остановился на помойной яме. Там за мусорными ящиками стояли сани с ассенизаторской бочкой, опиравшиеся полозьями о стену.

Если позволят силы, можно с разбегу вспрыгнуть на полозья, тогда голова будет выше стены и можно будет перескочить.

Да, так и есть, это выход.

Указываю товарищам, но те не решаются.

Тогда я со всего разбегу вскочил на мусор... на бочку... и увидел волю. Еще миг — и я грохнулся о землю. Подняться сразу не удалось, так как на меня кто-то шлепнулся сверху. Еще и еще валились с забора. То были свои. Все восемь... Перед нами было поле. Мы помчались что было сил.

— Куда, куда, ду-ра-чье — неслось позади нас.

Это кричали надзиратели думая, что бегут с пометкой «Н. С.»

Мы бежали, а мне казалось, что мы летим. Но вот позади раздался выстрел.

«Враспынную», — скомандовал я. Вероятно слова не дошли до сознания товарищей — они не подчинились. Я сам споткнулся и упал. Когда поднялся, мои были уже далеко. Еще пуще прежнего дал тягу. Навстречу бегут двое вооруженных, размахивают пашками, кричат:

— Стой, стой, сволочь!

А! Это противники. Взял в сторону.

Выстрелов больше не раздавалось. Следовало ориентироваться. Опять на бегу оглянулся — позади гнались пешие.

Настигнув В. А., я побежал с ним вправо.

Нам преграждал путь только один казак. Я стал. Стал и Ваня. Не дав казаку добежать двадцати шагов, мы взяли в сторону. Казак, как и мы, изменил направление погони. Бежал и все размахивал пашкой. Кроме пашки у него не было ничего. Я нагнулся, схватил камень, бросил, но промахнулся, Ананьев сделал то же — и тоже безрезультатно. Снова остановился. Опять взял камень и что есть силы кинул в лезшего на нас казака. Камень огрел его так, что он забыл и думать о пашке, схватился за грудь, а я, воспользовавшись удобным моментом, нанес ему ножом удар в голову.

Казак присел, схватил меня за ноги, но еще и еще удары ножом заставили его выпустить мои ноги.

В. А. стремглав летел к расположенному невдалеке кладбищу. Я последовал его примеру и догнал у ограды. Ловкий прыжок — и мы за оградой. Перевели дух. На поле показались уже и всадники.

Мы опять пустились на-утек. Пробежав значительное расстояние и подымаясь на гору, уже не так торопясь как прежде, мы заметили, как двое подымали казака, с которым мне пришлось сразиться.

Позже, пересидев 5 минут, мы на четвереньках переползли пригорок и тогда уже открыто побежали, взяв на удачу вправо.

Попалось строение. Холмы соли говорили о том, что это строение могло быть казармой рабочих при соляных коях, но почему знать так ли это?

Нас заметили. Подошел рабочий.

— Вы откуда, ребята?

— Из Харькова.

— А куда шпарите?

— Куда глаза глядят.

— А что в Харькове красные, что ли?

— Да, — ответил я.

— Что же, не нравятся у красных?

Посмотрел я на него и почувствовал доверие.

Нет, товарищ, не то, ты не понял, мы харьковцы и в Харьков, — смело поправился я, — да не знаем, как уйти, — и посмотрел по сторонам.

— Вы, вероятно, бежите из Бахмута?

— Только что из тюрьмы...

— Вот как! Да что-ж вы тут сидите. Как бы не попали опять в котли. Шамать хотите?

— Воды, — оба разом проговорили, и показалось вдруг, что почему-либо не дадут.

Не говоря лишнего слова, наш встречный знакомый завел нас в хатенку невдалеке, которую мы не заметили, наполнил водой, соленой, не утолившей нашей жажды, и дал хлеба.

Мы сжато рассказали о себе.

Подкрепившись, возвращались в город. Уже темно было на дворе.

Через часа два осторожно крались по улицам окраины Бахмута.

На одном из углов вблизи центра собралась кучка. Среди разговаривавших был знакомый красноармеец из Харькова — этапник. Я не стал скрываться (В. Ананьев миновал кучку разговаривавших), подошел.

— Так вы тут... Ой, ой, смотри не нарвись, ведь их недавно половили и постреляли.

При последнем слове сердце сжалось. — Славные были хлопцы».

— Куда же вы теперь? За вами погнались.

— А как с вами поступили?

— Нас повели на комиссию, вон там на площади, назначили в строй. Да чорта с два...

Я уже не слушал. Захватил Ваню и пошел на площадь на комиссию.

Пришли, явились к писарю, записались под чужими фамилиями.

Комиссия — чем болел?

— Здоров, — ответил я.

— В нестроевую роту, — заявили мне.

— А ты? — обратились к Ване.

— Брюшной тиф, — ответил он, — по чистой...

Нам дали ярлыки на получение завтра документов. Но получить их не удалось.

Красные войска жали со всех сторон и воинский начальник спешно эвакуировался.

В том помещении, где нам пришлось переночевать, мы с боем отняли у уголовников пару валенок, снятых с одного мертвеца, и так как Ваня был совершенно бос — добыча досталась ему.

Утром мы нашли себе пристанище у одной старушки на Забахмутке, матери красноармейца, и просидели там около недели.

Ваня лежал совсем больной. После того, как мы напились на шахте солевой воды и поели хлеба, у нас начались сильные боли в желудке.

Как-то ночью послышался взрыв. Я выскочил на улицу. В другой раз издали мелькнула оружейная вспышка.

«Наши близко», — ликовало сердце.

Утром по обыкновению шел я на базар за подавнием (у старухи не было еды для самой себя).

Базар не с'ехался. Было всего пять-шесть молочниц.

— Уходите отсюда, а то вас заберут казаки, — с жаром предупреждали они меня.

— За что?

— Они всех мужчин берут. Отступают... Едут, прячьтесь...

Вблизи послышался топот. Я юркнул в рундук и притаялся.

— Не прячьтесь, мы не черти. — послышалось со смехом.

— Та кто вас зна, — ответила молочница.

— А кто спрятался в рундук?

«Влопался», подумал я.

— А-ну, эй ты, молодец! А-ну вылазь, да побыстрей!

Делать нечего, приходилось выходить. Я вылез и замер на месте.

Передо мной на конях два красноармейца. От радости я не мог вымолвить ни слова.

— Кто ты?

— Свой, — само как-то вырвалось у меня.

— Откуда ты?

— Из тюрьмы.

— Подойди сюда.

Шатаясь, я подошел. Слезы душили, — стыдился слез. Сильные руки подхватили и посадили на коня...

Через несколько минут мы под'ехали к знамени с надписью: кавдивизия 1 Конной Армии. Спасен!

Потом на двуколке перевезли Ананьева.

Пробыв в политотделе дня два, мы получили документы и пропуска и пустились в путь к Харькову. До первой действующей станции было недалеко. Все пережитое отошло далеко, далеко. Четыре дня мы, несмотря на бессилие, летели, как на крыльях.

Но вот станция с шипящим паровозом и несколько вагонов, переполненных красноармейцами. Радости не было границ. Все казалось сказкой.

Красноармейцы, железнодорожники, жители встречали нас сочувственно. Угощали, расспрашивали, принимали участие в посадке, и мы уже на советском красном паровозе помчались обратно туда, откуда не так давно были силою уведены 2.800 человек.

В Волчанске я заболел возвратным тифом, потерял В. Ананьева, пролежал на вокзале двое суток, пролежал бы и более, но встретил старого знакомого.

— Твоя жил... — услышал я голос китайца. Он, как и в Змиеве, чуть не задушил меня поцелуями. Он служил уже в Красной армии и ехал тоже в Харьков. Он и доставил меня в Харьков. Всю дорогу мы разговаривали о пережитом. Он подробно рассказал, как бежал и как пробрался к нашим...

Прямо со станции он меня сдал в эвакуприемник, где я восстановил силы, и поправился. На пятый день я уже участвовал в воскреснике, затем приступил к работе.

*
*
*

Что случилось с теми, которые остались в тюрьме после нашего побега?

Оставшихся было около 200 человек. И вот им для подкрепления дали кислую капусту.

Через короткое время все уже корчились в предсмертных судорогах.

Капуста была отравлена мышьяком...

Так кончил свой знаменитый этап Харьков — Бахмут.

У истоков Красной армии

ОТ РЕДАКЦИИ

Истории Красной армии еще нет. Навряд ли она скоро будет написана. Это дело сугубо коллективное, требующее не только длительного периода времени, но и совокупной работы тысяч людей — ведь, Красная армия слагалась усилиями самих масс, она возникла сразу во всех уголках нашей страны, она развивалась и росла в боях, на многочисленных фронтах.

Чтобы воссоздать исторически картину рождения и развития Красной армии, нужно собрать огромный материал, документы, живые свидетельства участников великого дела.

Несколько таких документов, извлеченных из архива Истпарта ЦК КП(б)У, мы публикуем в настоящем номере журнала, выходящем к 8-й годовщине Красной армии¹⁾.

Эти документы объединены общим заголовком «У истоков Красной армии», потому что они касаются истории и действий крестьянских партизанских отрядов и рабочей Красной гвардии в ту пору, когда регулярная Красная армия только слагалась.

Мы намеренно объединили материалы, посвященные рабочей гвардии и партизанскому движению. Наша армия вполне основательно называется рабоче-крестьянской и не только в силу того, что она защищает рабоче-крестьянское дело, но и потому, что она была создана и рабочими и крестьянами. Рабочая Красная гвардия — вот один могучий исток Красной армии, крестьянские революционные партизанские отряды — вот другой ее исток.

Печатаемые нами документы касаются, разумеется, событий, имевших место на Украине. Воспоминания т. т. Симкина, Силина, Магидова и Попкова охватывают историю харьковской Красной гвардии от ее возникновения и до великого исхода в Царицын, где она превратилась в регулярную десятую армию. Очерк т. т. Лисовина, Огия и Матяша рисуют один из наиболее ярких эпизодов партизанской борьбы в деникинском тылу.

¹⁾ № 1 (16) Лет. Рев. предполагался к выпуску в конце февраля. — Ред.

СИЛИН (БИРЗНЕК) И СИМКИН

Как родилась харьковская Красная гвардия

(Организация Красной гвардии и ВЭК):

11-го мая 1917 г. член завкома ВЭК'а т. Симкин приступил к организации из среды революционно настроенной рабочей молодежи боевых дружин.

Двадцатого мая на завод ВЭК для нового отряда Красной гвардии было доставлено первое оружие численностью в пять винтовок разных систем, с которыми тов. Симкин и приступил к обучению дружинников. Этих винтовок было, конечно, далеко не достаточно, тем более, что число дружинников с каждым днем увеличивалось. Поэтому из 30-го пехотного полка достали еще 35 штук винтовок разных систем и учебные патроны.

Военное обучение происходило ежедневно по два часа в день по окончании работ, на площади около завода. Занятия производились аккуратно.

Инструкторами были сами рабочие — Симкин, Цирис, Гангус и др., прошедшие военный строй в старой армии.

По примеру завода ВЭК и на остальных заводах города Харькова: мастерских Южных железных дорог, под руководством тов. Сербиченко, Москалева на заводе Шиманского под руководством т. т. Иванова, Мача и др., на заводе Лейтнера под руководством тов. Озелдина (погибшего на Самарском фронте против чехо-словаков), на фабрике «Эконом» под руководством т. Минайленко — также организовались боевые рабочие дружины.

30-го мая 1917 года в Рабочем Доме под председательством тов. Пастера состоялось совещание представителей отрядов всех заводов и фабрик Харькова. Совещание утвердило инструкцию и дало название всем дружинам «Харьковская Красная гвардия».

В первых числах июня в Петинском районе был организован районный штаб Красной гвардии из пяти человек. Штаб помещался в доме «Трудолюбия» на Конной площади. При штабе был создан отряд красных санитарок, численностью до 30-ти человек. Каждый вечер происходило лихорадочное обучение красногвардейцев.

На заводе ВЭК также шли усиленные занятия с присланными инструкторами из 30-го пехотн. полка, так как своими силами вэковцы не были бы в

состоянии справиться, в виду быстрого роста заводской Красной гвардии, которая вскоре дошла до 400 человек.

В это время образовался «районный штаб Красной гвардии Ивановского района» и «Центральный штаб Красной гвардии города Харькова».

Между тем события разворачивались с головокружительной быстротой. Настали июльские дни. Красногвардейцы стали требовать большей боевой активности. Да и политический момент требовал полного вооружения Красной гвардии. Однако, в Харькове не хватало оружия.

За оружием эковцы отправились в Тулу. Там было получено 400 винтовок, 20 пулеметов системы «Максима», 20 автоматических винтовок системы «Люиса», 100 ящиков трехлинейных патронов и около 200 револьверов системы «наган». Все вышеперечисленное оружие в первых числах августа благополучно прибыло в Харьков к мастерским Южных жел. дорог. По прибытии оружия, согласно указаниям, часть оружия была спрятана в Южных мастерских, часть ночью тайно на автомобиле перевезена на завод ВЭК.

Так как отряд на заводе ВЭК оказался по численности и по революционному духу сильнее отрядов Южных мастерских и др. заводов, то и остальная часть оружия, скрытого в мастерских, была перевезена в вагонах трамвая на завод ВЭК.

Таким образом арсенал Харьковского Комитета и Центрального штаба Красной гвардии поместился в здании завода ВЭК на четвертом этаже. Для более удобного хранения оружия самими красногвардейцами были устроены пирамиды. Винтовки тщательно смазывались, снабжались штыком и ставились в пирамиды.

Каждый вечер красногвардейцами набивались пулеметные ленты.

Получение оружия заметно подняло настроение дружинников.

20-го августа Петинским районным штабом Красной гвардии был отдан приказ всем заводам района производить военное обучение совместно на площади у Рабочего Дома по Петинской ул. № 73. Эти занятия происходили три раза в неделю.

В первых числах сентября были проведены пробные маневры за городским парком под руководством т. т. Рухимовича, Руднева и Глаголева. Маневры показали, что курс обучения был хорошо усвоен красногвардейцами.

В средних числах сентября под влиянием темных элементов в Харькове началось погромное движение, в котором приняли участие солдаты Богодуховского пехотного полка, размещенного в Воронежских казармах на Конной площади.

По приказу Центрального штаба Красной гвардии красногвардейцы всего города были вызваны для водворения порядка.

Отряд Красной гвардии завода ВЭК в количестве 150 человек разместился в штабе, в доме «Трудолюбия», а другая часть в числе 200 человек направилась в распоряжение Харьковского Совета.

Благодаря сознательности, революционной дисциплине и спайке красногвардейцев, в Харькове порядок был водворен в течение одних суток.

*
*
*

Вплоть до Октябрьского переворота Харьковская Красная гвардия регулярно пополняла свои ряды и продолжала военное обучение. Все это время продолжали прибывать новые партии оружия из города Тулы; все оружие отправляется на ВЭК.

После Октябрьского переворота, числа 10—11 ноября старого стиля, в городе Чугуеве Харьковской губернии юнкера чугуевских юнкерских швол восстали с намерением захватить Харьков для свержения только-что образовавшейся власти советов.

Харьковская Красная гвардия получила приказ Центрального штаба выступить против взбунтовавшихся юнкеров.

В 9 час. утра по заводу ВЭК раздается тревожный сигнал для сбора Красной гвардии. В течение 30-ти минут отряд уже был в полном сборе во дворе.

Отряд выступил под командой тов. Гангуса и расположился вдоль линии железной дороги за заводом Шпильберга с таким расчетом, чтобы каждый красногвардеец залег в цепи между каждыми двумя солдатами 30-го пехотного полка, который был на месте с 8-ми часов утра.

Скоро прибыли отряды Красной гвардии завода Лейтнер, Шапиро, Фения, Гельферих-Саде и Латышского Культурного Центра. На башнях завода установили пулеметы.

На помощь Красной гвардии и 30-му пехотному полку пришли два броневика.

Красная гвардия и 03-й пех. полк пролежали на своих позициях целые сутки. Впоследствии выяснилось, что юнкера, узнав, что харьковская Красная гвардия поджидает их наступления, решили сдаться на милость соввласти. Юнкера были разоружены.

Бой с Корниловым

Генерал Корнилов с небольшим отрядом численностью около 400 человек направился на юг для соединения с Калединым в Донецком бассейне. Чтобы помешать его намерениям, навстречу ему в Белгород был двинут отряд харьковской Красной гвардии с санитарным отрядом Петинского района.

16-го ноября 1917 года Красная гвардия Петинского района с красным знаменем и духовым оркестром двинулась на ст. Харьков, где к ней присоединился отряд Южных мастерских, часть 30-го пехотного полка и артиллерия. В Белгороде Красная гвардия была встречена представителями Белгородского Совета, по указаниям которых она была размещена по квартирам. Штаб харьковского красногвардейского отряда вошел в подчинение штаба Антонова, находившегося в это время в Белгороде. В течение нескольких дней отрядам харьковской Красной гвардии удалось ликвидировать корниловские остатки, так как уставшие и обманутые солдаты сдались в плен. Самому Корнилову посчастливилось спастись бегством. По словам пленных, Корнилов видел свою неизбежную

гибель; чтобы не быть пойманным красногвардейцами, он переоделся в женское платье и таким образом скрылся.

9-го декабря 1917 года отряд вернулся в Харьков. На другой день красногвардейцами была приведена в исполнение резолюция о закрытии буржуазной прессы.

Типографии закрытых буржуазных газет были переданы Харьковскому Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Разгром гайдамаков

В средних числах декабря в Харькове были получены сведения, что в районе Лозовая - Павлоград - Синельниково группируются гайдамаки, производящие порчу полотна жел. дороги и разгоняющие советы.

16-го декабря 1917 года для подавления восставших гайдамаков на ст. Лозовую был двинут отряд харьковской Красной гвардии заводов: ВЭК, Лейтнера, Фения, паровозостроительного, Гельферих - Саде, Латышского Культурного Центра и Ивановского района в числе 400 человек, а также часть 30-го пехотного полка с бронеплощадкой. Так как с Лозовой телефонная и телеграфная связь была прервана и имелись сведения, что она занята восставшими гайдамаками, то отряд, доехав до ст. Панютино, остановился, чтобы собрать необходимые сведения о местонахождении гайдамаков и их численности.

Не успели выслать разведку, как находящиеся на ст. Панютино под парами паровозы стали подавать тревожные гудки — показались гайдамаки. Красная гвардия при содействии бронеплощадки и рабочих - железнодорожников перешла в наступление и быстро принудила гайдамаков отступить. Преследуя их, она заняла ст. Лозовую.

На следующий день гайдамаками был совершен неожиданный налет на Лозовую, но им не удалось ее отбить у красных.

Перейдя в контр-наступление, Красная гвардия не только заняла обратно ст. Лозовую, но продолжала преследовать в панике отступающих гайдамаков, которые до г. Павлограда не останавливались.

Здесь часть из них погрузилась в вагоны, и они с большой скоростью отступили в направлении Синельникова. Человек 25 красногвардейцев также погрузилось в вагон, продолжая преследование гайдамаков. Весь остальной состав и санотряд остались в Павлограде для вылавливания спрятавшихся из неуспевших удрасть гайдамаков.

Гайдамацкий же эшелон был скоро достигнут и подвергся обстрелу.

Тогда гайдамаки остановили свой состав и, выскочив, побежали в местечко Синельниково, где и рассеялись.

Красногвардейцы побежали с криками «ура» за гайдамаками. Завязалась перестрелка; первой жертвой пал красногвардеец завода ВЭК — тов. Гаук. Гайдамаки были рассеяны и выловлены из местечка Синельниково.

Так покончив с гайдамацкой авантюрой, харьковский красногвардейский отряд возвратился в Харьков, как победитель.

Жертва гайдамаков тов. Гаук был доставлен на харьковский завод ВЭК и после ряда надгробных речей рабочие завода ВЭК и Красная гвардия с черными и красными знаменами с честью похоронили первого павшего в борьбе красногвардейца.

Против Каледина

Харьковская Красная гвардия, ликвидировавшая в декабре 1917 г. мятеж чугуевских юнкеров и остатки корниловщины и гайдамаков, недолго пробыла в Харькове для продолжения военного обучения. Ей пришлось двинуться против Каледина.

В начале ноября 1917 г. первые сформированные генералом Калединым офицерские части выступили из Новочеркасска по направлению Ростова-на-Дону, Миллерово и Дебальцево. В захваченных калединцами местностях прежде всего разгонялись советы, ревкомы и рабочие профессиональные организации. Пьяные офицеры издевались и расправлялись с революционными рабочими — железнодорожниками и шахтерами.

Когда весть о погромной работе калединцев донеслась до Харькова, харьковская Красная гвардия потребовала немедленной отправки против Каледина на выручку рабочих — железнодорожников и шахтеров.

Калединские части, состоявшие исключительно из офицеров и кадетов, представляли из себя сплоченную и организованную силу. Поэтому харьковская Красная гвардия должна была приготовиться к серьезным боям.

И вот для подавления калединщины из лучших Харьковских красногвардейцев образовался стойкий отряд под названием «Первый Харьковский Пролетарский Отряд». В него добровольно вступили старые испытанные подпольные работники — члены Латышского Культурного Центра и Петинского района, а также революционно настроенные рабочие завода ВЭК — около 100 человек, затем Фения, Лейтнера, Шапиро и др. «Первый Харьковский Пролетарский Отряд» насчитывал до 300 бойцов.

В средних числах января 1918 г. «Первый Харьковский Пролетарский Отряд» во главе с тов. Рухимовичем, под командованием рабочего завода ВЭК тов. Гангуса, отправился в Донбасс для борьбы с калединцами, которыми в то время была уже занята вся южная и юго-восточная части Донецкой области — их передовые части продвинулись до ст. Дебальцево.

Сборным пунктом красногвардейцев перед отправлением на фронт был назначен Латышский Культурный Центр, помещавшийся в доме «Трудолюбия» на Конной площади. В 6 часов вечера красногвардейцы в боевой готовности были в полном сборе. Командир отряда т. Гангус подал команду «сомкнуть ряды». Стройными рядами во главе с оркестром, с песней «Смело, товарищи, в ногу» Харьковский Пролетарский Отряд двинулся через Конную площадь на вокзал. Но до отъезда ему пришлось принять участие в разоружении радовских заговорщиков.

В Харькове в Москалевских казармах был расположен один из украинских полков, командный состав которого поддерживал украинскую буржуазную Раду.

Пользуясь уходом Пролетарского полка на фронт, командный состав украинского полка совместно с представителями радовцев устроил тайное заседание. На нем было постановлено выступить для свержения соввласти в Харькове. Но некоторые товарищи из полка успели уведомить Ревком об этом заседании. Были приняты самые срочные меры к разоружению заговорщиков.

С рассветом казармы украинского полка были окружены революционными солдатами 30-го пехотного полка, бронеотрядом и Красной гвардией. С южного вокзала был вызван на помощь Первый Харьковский Пролетарский Отряд, занявший позиции вдоль по реке Лопани. Один из броневикув расположился у Москалевского моста, другой — на улице против казарм, а третий проник во двор. После того, как все части разместились на позициях, броневики открыли огонь по казармам. Сначала радовцы отвечали; но вскоре огонь со стороны заговорщиков прекратился, и они решили сдаться. Во двор стали выносить охапки винтовок и пулеметы. С заговорщиками было покончено. Отобранное оружие погружено на автомобиль и отправлено харьковским пролетарским отрядом на вокзал, чтобы следовать вместе с отрядом.

Когда Харьковский Пролетарский Отряд прибыл в Дебальцево, там уже не было каледицев. Только кровавые следы свидетельствовали, что тут недавно хозяйничала контр-революционная подлая рука. Белогвардейцы прежде всего разогнали Дебальцевский Ревком и профорганизации, ограбили ссудо-сберегательную кассу и почту.

Но этого мало. Белые зверски расправились с революционными работниками. На ст. Дебальцево они изуродовали до неузнаваемости одного из членов Ревкома, кассира станции и пять рабочих железнодорожников. После этих «подвигов» белые удалились в Зверевском направлении и укрепились на ст. Щетово.

Велика была радость дебальцевских рабочих, когда они увидели прибывших харьковских пролетариев, одетых в шинели, под ружьем. Группами скопились вокруг отряда, приветствуя его. Многие вступили в отряд.

Разогнанные белогвардейцами рабочие организации и Ревком быстро восстановились под деятельным руководством т. Рухимовича и рабочего с завода ВЭК т. Сушинского. Для создания на месте отряда Красной гвардии Ревком был снабжен привезенным из Харькова оружием.

Так началась боевая работа одного из многих отрядов, созданных харьковскими рабочими и положивших начало Красной армии.

Б. МАГИДОВ

На заре Красной армии

(Воспоминания солдата революции)

Это было в конце марта 1918 года.

Немец уже наступал на Украину, и надо было действовать.

Закипела тогда у нас в Харькове работа. Бросили свое гражданское дело и почти все стали военными.

Помню, как впервые пришлось поехать в Дергачи (недалеко от Харькова) выяснять, где лучше построить окопы против немцев.

В Дергачах в совете, состоявшем тогда почти сплошь из украинских эсэров, нас встретили весьма недружелюбно. Даже была попытка арестовать.

Поездка в Люботин также не увенчалась успехом.

В Люботине был издан приказ о трудовой повинности по рытью окопов за моей подписью, как наркомтруда Донецко - Криворожской республики.

Но... и это не помогло.

Все говорило за то, что нам в Харькове недолго осталось пребывать. Надо было вырабатывать план и путь нашего отступления.

Выехали мы из Харькова накануне прихода немцев, примерно 10—11 апреля. Среди нас — члены Совнаркома Донецко - Криворожской республики т.т. Артем, Ворошилов, Рухимович, Васильченко, Жаков.

На ст. Основа была первая «стычка» с отрядом матросов, настаивавших, чтобы их пропустить «вперед» — на Петроград.

Тов. Ворошилов уладил дело, и мы направились дальше.

На ст. Змиево мы приняли первое боевое крещение, которого меньше всего ожидали.

Автор, настоящих строк лежал спокойно на верхней полке вагона и читал «Мать» Горького. Совершенно неожиданно небольшое сотрясение вагона заставило прекратить чтение и взяться за исправление розобранного пути, при чем немец старался нам мешать, посылая пулеметные гостинцы.

Добрались мы до Луганска и стали спешно формировать боевую единицу из луганских коммунистов и рабочих.

Из Луганска начинался наш великий поход.

В течение двух месяцев мы добирались до Царицына, пробиваясь все время с боем.

Наша армия представляла из себя настоящую армию революции, в том смысле, что она создавалась под напором стихийных событий, что ее руководители, в громадном большинстве были меньше всего военные люди.

Это была настоящая партизанская армия, проникнутая глубоким сознанием стоящих перед ней задач, а главное — армия, руководимая испытанными коммунистами.

Это не значит, что в нашей среде не было отрицательного элемента — сколько угодно, но влияния этот элемент не имел, хотя частенько пытался проявить себя.

Вспоминаю такой факт: на станции Морозовской (Донская область) на одном из митингов (обратите внимание — наша армия митинговала!) т. Ворошилову не хотели дать говорить. Однако, достаточно было только поставить ребром и ясно вопрос о нашей ответственности перед революцией, о том, что мы отрезаны и никто нам не поможет, если мы сами себе не поможем, а, стало быть, в единении — сила, как нас большинство поддержало, и «недовольным» пришлось подчиниться.

Надо иметь в виду, что ведь с нами была не только армия, но и семьи, дети и домашний скarb, что война — то наша была колесная, эшелонная.

Мы располагали тремя тысячами вагонов и семидесятью паровозами.

Все это двигалось весьма медленно, хотя на нас усердно напирал немец — до станции Белой Калитвы (Донская область).

На одной из станций, недалеко от Миллерово (если память мне не изменяет — Глубокая), в день 1-го мая мы устроили митинг, вышли из вагонов и, разложившись тут же у полотна железной дороги, стали выяснять смысл и значение происходящих событий.

Ни тени уныния.

Бодро, смело смотрели мы вперед.

А немец «подбодрял» нас гостинцами с аэропланов, закаляя наши нервы.

Мы воевали по-настоящему.

Нам нередко приходилось останавливаться на неделю и больше, ибо впереди нас были разобраны пути, взорваны мосты, сожжены станции и нам приходилось исправлять пути железнодорожи и строить мосты. А в одном месте, где протекает река Лиски, наши «инженеры» построили вместо железного моста песочный, и один товарищ татарин (наша армия была интернациональная), глядя на вновь построенный песочный мост, разразился такой тирадой:

— Помещик — железный мост строил, большевик — песочный. Большевик крепче будет.

А на Донце красновцы-мамонтовцы взорвали огромный мост и все же в течение 22—24 дней под руководством наших «инженеров» во главе с тов. Рухимовичем мост был восстановлен, и попытка белых его взорвать вновь не увенчалась успехом.

Мы воевали, митинговали, устраивали выборные армейские конференции и даже избирали делегатов на 5-ый всероссийский съезд советов (делегаты, несмотря на казачье окружение, все же в Москву на съезд побрались).

У нас существовал выборный армейский комитет, председателем которого был т. Дышловой (убитый впоследствии в Ростове деникинцами).

Мы жили, как все люди живут на свете.

У нас женились, рожали, умирали...

Нередко можно было видеть картину, как в песке в жаркий летний день роется будущий революционер - малыш и недалеко от него падает снаряд.

Были случаи, когда осколки снарядов попадали в малышей...

Выше я упоминал, что у нас была война колесная, что мы обладали 70 - ю паровозами, не безынтересно поэтому отметить еще одно обстоятельство: по пути нашего следования противник старался возможно больше причинить нам хлопот и препятствовать дальнейшему продвижению.

Основное желание противника было — забрать нас всех живьем.

Поэтому на всех станциях водокачки были взорваны. Но мы все же ухитрялись набирать воду в паровозы.

Лишь только завидим болотце — немедленно останавливаемся, становимся гуськом и, черпая воду обыкновенными ведрами, передаем друг другу — и так наполняем паровоз.

Очень часто болото было на расстоянии версты и больше, и тогда в этом деле принимали участие до 200 — 300 человек.

Для полноты картины следует отметить, что ведер - то в нашем распоряжении было не больше двух десятков.

Но, несмотря на почти непреодолимые трудности, через два месяца мы были в Царицыне и все советское имущество доставили в сохранности.

У нас был один случай, когда на эшелон раненых у ст. Суровниково (Донская область) налетели мамонтовские казаки, зарубили многих, забрали в плен наших товарищей, в том числе несколько товарищей женщин (всем им потом удалось из плена удрать).

Но вообще мы понесли сравнительно немного жертв.

В Царицыне мы окончательно привели себя в красноармейский вид (до той поры мы часто себя называли красноиндейцами) и начали переформировывать нашу армию в регулярную Красную армию. Так была создана X - я армия с командующим т. Ворошиловым и членами Реввоенсовета т.т. Сталиным и Мининым.

Честь и рабоче - крестьянская слава живым участникам этого боевого периода!

Вечная пролетарская память погибшим за дело мировой революции!

Харьков — Царицын

Это было тогда, когда полчища немецких империалистов занимали на Украине город за городом. Каждую пядь земли рабочие и крестьяне защищали своей кровью, но все же не могли устоять — и отступление продолжалось.

Наконец, наступил черед и Харькова. Немцы заняли Полтаву. Несмотря на тяжесть положения, энергия и вера в наше дело никого не покидала.

В Харьков отовсюду стекались отступающие части. Жизнь была ключом. Шла лихорадочная работа по организации все новых и новых красногвардейских частей. Харьковская организация КП(б)У вся стала под ружье. Всей огромной работой, требующей хладнокровия и выдержки, руководило правительство Донецко-Криворожской Республики.

10 апреля 1918 г. последние наши отряды покинули г. Харьков. С этими же частями отступили члены правительства. Бок-о-бок с винтовками в руках отступали они вместе с красноармейцами. Такая близость членов правительства с армейцами немало способствовала тогда поднятию настроения и усилению боеспособности частей.

Численность отступающих частей увеличилась присоединением к ним наст. Основа отряда луганских рабочих во главе с т. Ворошиловым.

Натиск немцев был настолько стремителен, что наши эшелоны вынуждены были почти без боя отступить до Луганска. Как только подошли к Луганску, в городе закипела работа по организации новых сил для оказания сопротивления немцам.

Тут же в Луганске т. Антонов-Овсеенко передал командование Украинской армией т. Ворошилову.

На заводах г. Луганска ежедневно устраивались грандиозные митинги. Среди рабочих царил энтузиазм; сотнями они вливались в красногвардейские отряды.

В это время т. Ворошилов со своими частями отбивал яростные атаки немцев. Но силы были неравны, и судьба Луганска была predetermined. Необходимо было выиграть время для организованного отступления. Когда для рабочих Луганска стало ясно, что отступление неизбежно, они массами со слезами на глазах просили об их эвакуации вместе с отступающими эшелонами.

Длинной вереницей потянулись эшелоны из Луганска. Сотни рабочих с семьями, с домашним скарбом пополняли ряды отступающих.

Эшелоны направились к станции Миллерово. По пути следования немцы засыпали нас градом бомб с аэропланов. В этот момент «черные вороны» следовали на Дон и здесь принялись за организацию контр-революционных отрядов из обманутых донских казаков. Наше положение осложнилось, нам приходилось отбиваться не только от немцев, но вести бой и с донской контр-революцией.

1 мая застало нас в Донских степях. Праздник прошел тепло под руководством т. Магидова.

Бодрое праздничное настроение царило в эшелонах. До поздней ночи гулко разносились звуки Интернационала в Донских степях.

В это время были получены сведения о занятии противником Ростова. Командованием стали приниматься энергичные меры к обеспечению наших частей от внезапного нападения. Под сильным натиском сил противника наши части стали отступать из ст. Гундоровки. Закипели сильные бои; красноармейцы проявляли чудеса храбрости и все время бросались в рукопашный бой. Впереди всех во всех этих славных боях были т. т. Ворошилов и Руднев.

7 мая наши части отступили на ст. Лихую. Т. т. Рудневым и Рухимовичем принимались меры к приведению в порядок беспорядочно отступающих частей. На т. Артема, руководившего действиями бронепоезда, была возложена задача обеспечить свободный путь нашим эшелонам, которые преследовались противником.

Пребывание на линии фронта и непосредственное участие в боях ответственных военных руководителей т. т. Рухимовича, Сапельника, Даниловского, Сурика, Михайленко и др. ободряло и вносило воодушевление в ряды красноармейцев.

Уже со ст. Белой Калитвы нашим частям пришлось вести бои исключительно с казачьими белыми частями. Планомерность отступления нарушалась тем, что по пути белые взрывали мосты, портили полотно жел. дороги, сжигали водокачки — одним словом, создавали чрезвычайно тяжелые условия для движения. Но все препятствия нами преодолевались.

В таких тяжелых условиях мы добрались до ст. Морозовской. Лишь здесь мы получили возможность сделать передышку. Казаки станицы не только не встретили нас враждебно, но, наоборот, организовали Морозовскую дивизию под командой т. Щаденко, в которую влились несколько тысяч казаков. Подкрепление, полученное нами в Морозовской станице, значительно подняло боеспособность наших частей, настроение улучшилось. Слышался смех, шутки, стали даже издавать юмористический журнал.

Эшелоны потянулись дальше, по направлению к Царицыну. Количество эшелонов достигало до 40 — кортеж растянулся на 15 верст.

Это была поистине живописная картина. В эшелонах были красноармейцы, рабочие, шахтеры, женщины, дети, домашние птицы, скот и всякая домашняя рухлядь. Тут же на платформах — орудия, передки, повозки и т. д.

Но вот на станции Обливской начались жаркие бои.

Затрещали пулеметы. Послышался гул орудий. Войска бросились в атаку...

Т. Ворошилов, вместе с одним из командиров полков, т. Павловым, выехал на броневике на линию боя.

На опушке леса неприятель атаковал броневик.

Т. т. Ворошилов и Павлов вышли из броневика, чтобы осмотреть местность. Тут же шальная пуля сразила т. Павлова. Под ураганным огнем т. Ворошилов все же увел броневик и возвратился в наше распоряжение.

Пренебрегая опасностью, он через несколько минут уже появился на линии огня других боевых участков. В этих же боях чудеса храбрости и стойкости проявили Руднев, Питомин, Вадим, Локатош, Кулик и др.

Между ст. Рычково и Ляпичево перед нами стало новое препятствие. Большой мост через Дон был разрушен. Всех охватило уныние — казалось, не доберемся мы до Царицына.

Но наши руководители не теряли самообладания. За исправление моста взялся тов. Рухимович, ввиду отказа инженеров работать вследствие отсутствия необходимого материала. Мобилизовав для работы красноармейцев, мы приступили под руководством Рухимовича к исправлению моста. Многие, даже из наших ответственных работников смотрели на это дело скептически, говоря, что Рухимовичем затеяна какая-то авантюра.

Но каково было наше удивление, когда в намеченный срок через мост прошел броневик т. Вадима. Вслед за броневиком с восторженными криками «ура» прошли эшелоны с красноармейскими частями.

Теперь цель была близка. Выдержав еще несколько боев, наши части, оторванные в течение двух месяцев от всей массы советских войск, получили возможность присоединиться к великорусским товарищам у г. Царицына.

О. ЛИСОВИК, Я. ОГИЙ, К. МАТЯШ

Красный рейд

(из истории красной партизанщины)

Рейд красных партизан в 1919 году, от Молчановки (возле Сквыры) через Полтавщину до Екатеринослава и от Екатеринослава до Кременчуга, на протяжении нескольких тысяч верст, сыграл значительную роль в борьбе против Деникина.

Летом 1919 года быстрый темп наступления Деникина на Украину, кулацкие волнения в тылу советской власти и работа антисоветских партий поставили под угрозу советскую власть на Украине. Было очевидно, что на короткий срок белым удастся Украину оккупировать. Но было очевидно и то, что эта победа будет весьма кратковременной — ибо действительное соотношение борющихся сил на Украине ясно говорило о неизбежности в ближайшем будущем возвращения и закрепления соввласти. Нужно было только готовить силы для борьбы против деникинщины с тыла, помогая этим Красной армии.

Поэтому еще до появления деникинских войск на территории Полтавщины губернский партийный комитет поручил т. т. Огию, Сердюку, Кондратенко и Сагайдаковскому организовать отдельный партизанский отряд. Отряд должен был остаться в тылу Деникина.

На протяжении примерно 10 дней отряд был организован и под командованием т. т. Огия и Сагайдаковского был направлен на передовые позиции в направлении Карловка — Константиноград. Под напором белых войск Красная армия начала отступать, а вслед за ней должен был отойти партизанский отряд, к которому ежедневно примыкали руководители волостных исполкомов, сельсоветов, комитетов бедноты, отдельные работники милиции и значительная часть беднейшего крестьянства, озлобленного наступлением деникинских войск.

Партизанский отряд после отступления частей Красной армии также должен был отойти, прикрывая отступление регулярной армии через Золотоношу на Правобережье.

На правом берегу Днепра партизанский отряд числом свыше 3.000 штыков был окружен вражескими войсками.

В Киеве и на ст. Фастов стояли части директории под командованием Петлюры.

Белую Церковь, Канев и часть Киева держал Деникин.

Район расположения красных партизан ограничивался тремя селами: Марьяновка, Аксаверовка и Фастовец. Чтобы уничтожить отряд, деникинское командование выслало одну из знаменитых частей Шкуро в составе свыше 3.000 штыков при автоброневиках и орудиях.

В результате стычки с белыми район партизан уменьшился до двух сел — Марьяновку забрал Деникин. Кольцо вражеского окружения суживалось; выхода не было.

Или прорыв, или уничтожение всего отряда.

Партизаны, собрав последние силы, перешли в контр-наступление. Деникинцы не ожидали столь отважного шага, и партизаны разбили отряд Шкуро, отобрали назад Марьяновку, захватив 5 пулеметов и до 100 пленных.

Эта победа подняла настроение партизан.

«Не так, мол, страшен чорт, как его малюют».

Для того, чтобы привести отряд в более боеспособное состояние и не растягивать фронта, партизаны не расширили своей территории и остались на старых позициях.

В это время, в результате некоторой несогласованности между трехцветной и желтоблакитной реакцией, Петлюра стал готовиться к организации фронта против Деникина и подтянул один Галицкий корпус почти до тех сел, где стояли партизаны.

Галицкий корпус выслал в штаб партизанского отряда делегацию для ознакомления с задачами и планами партизан. Выяснив, что партизаны ведут борьбу против Деникина, командование корпуса вошло с предложением координировать действия.

Окруженные со всех сторон, партизаны дали согласие на это предложение, выговорив полную независимость оперативных действий.

Соглашение это было рассчитано на некоторую передышку для восстановления боеспособности отряда. А там решено было при первом удобном случае уйти в тыл Деникина.

Предложение Галицкого корпуса о координировании действий привело к некоторым разногласиям в командном составе отряда. Находившиеся в это время в отряде Спивак и Пятенко (укаписты) стояли за более тесную связь с Галицким корпусом. Тов. же Огий с частью коммунистов, находившихся в отряде, всячески старались избежать возможного подчинения корпусу, имея в виду скорый уход в тыл. Началась серьезная борьба среди руководящей головки отряда. В это время из Киева прибыли т. т. Лисовик и Матяш для нелегальной работы в тылу петлюровцев и по приезде в партизанский отряд целиком поддержали позицию т. Огия и тем самым ускорили окончательное решение относительно быстрого прорыва в тыл Деникина, тем паче, что основное ядро бойцов партизанского отряда было за нас.

Галичане, очевидно, догадывались, что в партизанском отряде идет какая-то подготовительная работа, но что замышляют партизаны — установить им было трудно, так как сторонники сближения с петлюровскими войсками были совершенно изолированы.

С целью проверки боеспособности и готовности к выходу отряда, была произведена переброска его за несколько верст от места стоянки, и эта демонстрация показала, что все партизаны готовы к выходу.

Эта демонстрация была оценена Галицким корпусом как враждебная демонстрация и усилила бдительность командования корпуса, еще более развил недоверие петлюровцев к нашим партизанским частям. Наша контр-разведка установила, что петлюровское командование имеет в виду в дальнейшие дни обезоружить наш отряд. Проволочка с нашим разоружением объяснялась лишь отсутствием вблизи в достаточном количестве надежных петлюровских или галицийских войск.

Т. т. Огий, Матяш и Лисовик разработали план выхода в тыл. Части наши стояли: кавалерия — в Молчановке, пехота и артиллерия немного западнее — в Ружине.

В ночь на 26 сентября мы вышли в направлении Сквиры. Петлюровское командование послало свои части нас задержать. Но было уже поздно, так как наши части уже все подтянулись к Сквире и готовы были к отпору.

В Сквире создали штаб в таком составе: т. Лисовик — общее руководство, «внешние сношения»; т. Матяш — военный руководитель, оперативная часть; тов. Огий — заместитель Матяша и политический комиссар; тов. Снипко — начальник артиллерии; т. Скрипка — командир конного полка.

Заседание штаба закончилось; собрали части, проверили их настроения.

— Держись, хлопцы, жара будет. — Следовало бы немножко встряхнуться, — отвечает конный полк.

Кобелякский полк с артиллерией уже поют: «Не жалійте галушок і залізних пампушок — гостей зустрічайте».

Радостно... Тревожно... Весело... Впереди глубокий тыл противника, где ожидает или смерть или победа.

Мы должны расчистить путь к победе, ибо оттуда с севера, куда отошли регулярные части Красной армии, ярко светит заря пролетарской диктатуры, формируются серьезные боевые силы; чтобы прогнать оккупантов Украины. Мы лишь первые волны девятого вала пролетарского моря; мы не одни, с нами рабоче-крестьянские массы Украины.

Из типографии принесли первое воззвание, — широко оповещаем села о выступлении красных партизан, о том, что вышли рабочий и незаможник против наступающей царско-помещичьей реакции.

«Кто хочет победы, кто хочет освобождения, иди к нам, к красным партизанам», — заканчивает воззвание.

Матяш подал знак. Горнисты заиграли.

Строятся партизаны. Дребезжат пулеметы, стонет земля под колесами пушек и ящиков со снарядами. Строится пехота. С веселой суровостью равняется кавалерия.

— Рушай.

Наступающая темная ночь приняла в свои объятия партизан.

— Куда?

— На Канев, на левый берег, поглубже в тыл.

Сухологовка.

Послали разведку.

Тихо идет поезд. Это будет первая встреча.

— Скрипка, готов?

— Готов.

В один момент захватили станцию. Комендант не успел даже сорвать погон.

Айда дальше, на Канев.

В этом районе проходил атаман Зеленый. Дня два-три как его нет уже. — Где он? — Не знаем, — был общий ответ крестьян. — А вы кто будете — товарищи или господа?

— Мы украинские советские партизаны.

Разговорились крестьяне, рассказали о расположении белых, известили о местонахождении Зеленого. Это тот Зеленый, который недавно помогал Деникину и Петлюре в борьбе с советской властью, тот Зеленый, который ищет сочувствия среди крестьян для того, чтобы при первом удобном случае броситься в объятия «головного» атамана (у которого он сейчас в некоторой немилости) для новой жестокой борьбы с советской властью.

Летучее заседание штаба.

Решение: ликвидировать Зеленого.

Забрать боеприпасы и тех партизан, которые добросовестно примкнули к нашему отряду.

Вчера Зеленый наступал на Канев. Неорганизованное и неудачное выступление: зеленцовцев разбили. Сам Зеленый, тяжело раненный, едва успел уйти в Ковалевку; лежит в предсмертной агонии.

Окружили село. Неожиданность нападения привела зеленцовцев в смятение. Бросились в кусты. С трудом удалось уговорить, что мы боя давать не будем, при том условии, что они сдадутся.

Явились в дом попа, где лежал Зеленый.

Наши предложения конкретны: сдать оружие и распустить партизан.

— Робить, що знаєте, хай хто хоче іде за вами, — и замолю навсегда.

Взяли 3 пушки, до 5.000 снарядов. Часть зеленцовцев, небольшая часть, влилась в наш отряд.

В лоб пулеметчики и пехота, с фланга кавалерия. Татакание пулеметов, тяжелые плевки пушек, крики «ура» и топот кавалерии слились в один жестокий, опьяняющий гул.

Канев взят.

Враги едва успели погрузиться на пароход, угнав все лодки и барки и оставив в Каневе деньги и все имущество.

«Готовь переправу», — подали команду. Часть пехоты, пулеметы, кавалерию и три пушки переправили на левую сторону Днепра. Почти трое суток без перерыва шла переправа. Каждый из партизан проявил громадную инициативу в ускорении переправы и сбережении как боеприпасов, так и вообще имущества.

Не один партизан сложил свою голову в холодных волнах сурового Днепра. Кое-кто пробовал переправиться на ту сторону Днепра верхом, но ни один из таких смельчаков не достиг берега: с конем и оружием принимал его в свои объятия Днепр. И чем тяжелее была переправа, тем с большим энтузиазмом работали партизаны, тем вернее сторожил дозор, выслеживая вражескую разведку.

Ни одного снаряда, ни одной военной ценности не оставили партизаны на правом берегу Днепра.

В Лебляве отдохнули и лишь когда вышли в направлении Гельмезова, деникинский пароход подошел из Киева и начал обстреливать Лебляву. Напрасно. Под песни, стройными колоннами шли партизаны с одной мыслью: «смерть или победа».

Гельмезово.

В каждой хате свет, радостные лица, дивчата готовят ужин. Пожилые крестьяне расспрашивают о том, где красные, когда они будут, когда установится советская власть. А парни с интересом осматривают оружие и весьма неловко чувствуют себя, когда дивчата высмеивают, что, дескать, способны лишь картошку чистить, а не рисковать жизнью.

Многие из них вступили в партизанский отряд.

Ночью — шум, крики. В чем дело?

«Ограбили кооператив».

Это первый случай грабежа.

Нашли виновных — это те пленные, что были нами захвачены в Лебляве. Хотели спровоцировать на грабеж.

Произвели дознание и расстреляли на площади, перед селянами. Расстреляли с твердой решимостью жестоко бороться со всеми, кто будет иметь малейшее поползновение дискредитировать красных партизан. Селяне, видя твердую революционную руку, еще более утвердились в своем доверии к советским партизанам.

Утром вышли из Гельмезова. Разрушили связь. С тяжелым стоном порвалась телеграфная проволока: тихо, словно с неохотой, падали телеграфные столбы, символизируя отрыв белых центров от украинского села.

Командование белых узнало, что где-то бродят партизаны, и выслало глубокую десятиверстную разведку. Мы находились примерно в 40 верстах от Хорол и Горошино, поэтому разведка не могла нас обнаружить, мы же на плечах возвращающейся разведки двинулись на Хорол.

Не ожидала местная власть, что так быстро придется нести расплату за свои бесчинства и разгул. Как вихрь влетели конница и пулеметчики в Хорол. В это время у начальника уезда происходила свадьба. Буржуазные гости поднимали бокал за здоровье жениха и невесты, не подозревая, что через несколько минут тут будут новые гости.

Кавалерия застала свадьбу в самом разгаре. Немногие из гостей успели унести свои головы. В самом Хороле, обезумев от страха, метались по городу офицеры, неспособные к сопротивлению, и десятками падали под пулями наших пулеметчиков.

В несколько часов город был освобожден от белых банд и там, где раньше заседала помещичья демократическая управа, разместился штаб партизанского отряда. Тов. Огий был назначен комендантом города.

В городе спокойно. По улицам расхаживают патрули, чутко прислушиваясь и зорко высматривая врага, готовые по первому зову поднять на ноги хотя и утомленных, но бодрых духом повстанцев. А утром, по призыву штаба со всех концов города начали поступать добровольные взносы одеждой и обувью для партизан.

Освободили политических заключенных. Комбедчики, вышедшие из тюрьмы, десятками вступали в наш отряд. Одиночками и группами вливались в наши части беднейшие слои села и города.

Дух армии крепок. Ни одного грабежа, ни одного бесчинства. Понимание полной ответственности перед революцией, пролетарская твердость и выдержка противопоставлялись разнузданному своеволию барских сынков.

При захвате Хорола возле казначейства были поставлены наши патрули, несколько часов ожидавшие приезда членов штаба с мандатом на выемку денег. И ни один из них не оставил поста, не попытался самовольно овладеть казначейскими суммами, ибо каждый знал, что эти деньги необходимы всему партизанскому отряду для расплаты с крестьянами за отобранные и покупаемые продукты и снаряжение. Перед уходом т. т. Огий и Лисовик изъяли из казначейства 5 миллионов денег, выдав предварительно жалование всем служащим за два месяца вперед и оставив необходимые суммы для отопления и освещения здания.

Дальше, к Полтаве. Ветхая хатенка. Возле разрушенных ворот стоит старушка с большим ломтем черного хлеба. Увидев на шапках красные ленты, спрашивает: «Чи ви, дітки, не з Красноі Арміи?»

«А что такое?»

Заплакала бабуся: «Та син мій там, де він, бідний, голову сложить?» — покатила слеза на черствый хлеб.

«Где сын?»

«А я хіба знаю... На, синок, ти мабуть голодний» — и дрожащим руками отдала партизану кусок хлеба.

Зарево. Куркули горят... Чорт с ними... Добратся до Полтавы, стать на путь между Харьковом и Киевом, создать панику среди беспечного офицерства. напомнить крестьянам, что приход советских войск близок.

Решетиловка. Отдохнули после 600-верстного перехода. Обрадовались крестьяне, нашли среди партизан родственники, знакомые.

Наш артиллерийский парк застрял в поле. Утомленные после многоверстного перехода лошади не могли дотащить тяжелого груза до Решетиловки. «Та ми зразу» — отозвались крестьяне и несколько подвод за 20 верст от Решетиловки выехали подобрать снаряды.

Получили от т. т. Харечко и Дробниса через посланца кусочек полотна — директиву партии не организовывать внутреннего фронта, а все время нервировать врага, дискредитировать, срывать мобилизацию, разрушать мосты и связь.

Соответствующая директива дана командирам частей. Тов. Тристан с эскадронм кавалерии точно выполнил распоряжение штаба, разрушив железнодорожные мосты между Решетиловкой и Сагайдаком. Полотно железной дороги было растянато волами. За несколько часов—путь приведен в негодность. Смеясь говорили партизаны: «работа сделана на совесть» — и таким образом вплоть до прихода красных войск движение по железной дороге Полтава - Киев было приостановлено. Свирепствует белое командование, бессильное остановить «бесчинства» красных партизан. Да и в самом деле трудно бороться, когда чувствуешь себя оккупантом, когда из-за каждого куста ожидает тебя быстрая пуля партизанской местности.

Тов. Скрипка с пятью партизанами при одном пулемете под Абазовкой отразил 2 броневика и разрушил жел.-дор. пути, тем самым поставив белых под обстрел нашего пулемета. Почти целый день пришлось им употребить на восстановление линии.

Остались прочно в руках белых лишь города, да железные дороги, да и на них не везде был доступен проезд. А вся остальная территория представляла трясину, где карательные отряды деникинских банд пропадали бесследно.

Наш маршрут Решетиловка — Полтава был расшифрован белыми. Когда мы вступили в Рыбцы (3 версты от Полтавы), в городе были возведены баррикады и на окраинах улиц сооружены проволочные заграждения. 11 октября заняли Рыбцы, Ивончицы и Шведскую могилу. Настроение бодрое. Население сочувственно относится к нашей затее овладеть городом. Но и враг ведет лихорадочную подготовку в Полтаве: для пополнения войсковых частей (кажется, там был так называемый Тамбовский полк и небольшие другие местные части) мобилизовали учащихся и полтавских мещан.

Заседание штаба решает Полтаву не брать, ибо все равно удержать надолго ее не удастся, а нужно лишь дезорганизовать белых и подбодрить полтавских рабочих.

Началось. Из 6 пушек беглый огонь. Со времен Карла XII Полтава не переживала такой канонады. За 2 дня выпущено было по Полтаве до 1500 снарядов.

Броневики белых пробовали пробиться на наш правый фланг по ж. д. Полтава — Киев, но каждый раз должны были давать задний ход, ибо т. Руденко, командовавший артиллерией, очень удачно отгонял их. Вражеский огонь почти не вредил нам, так как из 10 снарядов, выпускаемых деникинцами, разрывалось 3 — 4, не более.

Получили донесение. Кобелякский полк перешел линию жел. дороги Полтава — Киев и вступает в Полтаву. Это вступление было санкционировано штабом с расчетом к вечеру оттянуть части назад, так как на ночь город брать не собирались.

Ночь.

Изредка доносится переключка пушек, напоминая о том, что поутру два вражеских лагеря снова сойдутся в смертельном бою. С рассветом запели свои песни пулеметы и загромыхали пушки. Музыка пуль, канонада взвинчивает нервы, озлобляет и подбадривает.

Нет одиночества и нет собственных интересов, — есть коллективная круговая порука перед жестокой, но славной смертью...

Правый фланг снова вступил в Полтаву.

Сегодня бой серьезнее, ибо за ночь белые силы пополнились несколькими новыми бронепоездами.

Левый фланг отстает, так как кавалерия не успела своевременно вступить в бой.

Тов. Сникко забрал одну пушку на левый фланг, заявив: «Поставлю возле полотна жел. дороги и как только пройдет броневик — шарахну прямо в лоб».

Вернувшись с правого фланга, т. т. Лисовик и Огий что есть духу напрямик помчались на Ивончицу, чтобы выровнять левый фланг. Навстречу партизан с донесениями.

«В чем дело?»

«Наши отступают, еду в штаб сообщить».

«Катись».

А сами помчались быстрее туда, где случилась заминка. Вдруг услышали, что вблизи жужжат пули и тарыхтит пулемет. Нарвались на белых. Повернуть лошадей назад — поздно. Если хотя на одну секунду остановить лошадей, значит стать неподвижной мишенью и дать снять себя, как куропатку.

Ехать дальше — попасть прямо в руки белых.

«Яша, прыгай!»

В одну секунду Лисовик и Огий очутились на земле. Залегли на меже. Звонко ложатся пули, взрывая вокруг землю. Лежим неподвижно — пусть думают что убиты. Нельзя лезть на четвереньках. Начали катиться.

«Хай йому чорт, важко, давай бігти».

Сорвались, пробежали несколько шагов и снова пришлось ложиться, так как снова усиленно начался обстрел.

Наши части видели, как Лисовик и Огий напоролись на пулемет белых. Предупредить не могли и, затаив дыхание, смотрели, что будет дальше. Успеют повернуть лошадей — спаслись, а если нет — пропали.

«Эй, братцы, вызволяй товарищей», — вскричал Скрипка. Как электрическая искра пронеслось по отряду: «вперед!».

Неожиданный налет кавалерии не только дал возможность уйти Лисовику и Огию, но помог Скрипке отбить у белых пушку.

«Да и занес нас чорт», — говорил Скрипка, вспоминая об этом случае. — «А виноват Сникко. Пока он ладил пушку среди чистого поля, тут белые нашли нас — и чуть не попали мы в мышеловку».

Держать Полтаву не в наших расчетах, потому что все равно закрепиться до приезда красных войск мы не сможем. Выпускать инициативу из рук значит быть разбитыми, потому что если партизаны будут не наступать, а обороняться, то и пользы для них будет мало. Вся стратегия партизан состоит в том, чтобы тормозить врага, не удерживать долго завоеванных позиций и не давать возможности неприятелю знать, когда и в каком месте произведут налет партизаны.

Отшли на Диканьку. Оттуда маршрут на Кобеляки. По дороге снова зашли в Решетиловку. После первого нашего прихода белые начали рыскать в Решетиловке и окрестных селах и искать большевиков. Они забыли лишь одно, что партизаны в любую минуту могут быть там, где их не ожидают. Этого не учли белые, и поэтому при втором наступлении на Решетиловку нами был взят почти целиком небольшой карательный отряд и усиленные наряды полиции, направленные в Решетиловку для установления порядка.

«Гайда на Кобеляки!».

Осенняя ночь скрыла наше движение и налет на ст. Кобеляки был настолько неожиданным, что сторожевые части спокойно спали и без серьезного отпора были обезоружены нашей разведкой.

Как общее правило, при ночных переходах не только не зажигали огней, но даже запрещали партизанам курить и принимали всякие меры предосторожности, чтобы наши отряды проходили бесшумно.

Утром заняли Кобеляки. Освободили политических заключенных и пошли в направлении Нефороши. Отдохнули там около 10-ти дней. Набрали пополнение. Получили известие, что на другой стороне реки Орель расположились небольшие партизанские группы Чухрая. Вскоре приехал и Чухрай в штаб для переговоров о контактировании действий. Предложили Чухраю влиться в наш отряд, распределив его партизан по отдельным частям нашего отряда. После долгих увещаний чухраевцы согласились на наше предложение. Таким образом группа чухраевцев была поглощена нашим отрядом.

Такая же судьба постигла вторую партизанскую группу Поддубного, которая бесчинствовала в районе. Ему предложили или разоружиться, или распустить свой отряд и дать возможность отдельным партизанам в одиночном порядке перейти к нам. Имея небольшое количество — до двух десятков — партизан, Поддубный согласился на наше предложение.

За время нашего пребывания в Нефороше белые не показывали туда носу.

Наметили новый маршрут — в Петраковку. Переход в Петраковку прошел без значительных затруднений, если не считать небольших стычек, какие наша группа, хорошо вооруженная и доходящая до 5.000 чел., при полном сочувствии населения с успехом вела с частями белых.

В Петраковке в нашу группу был влит небольшой отряд Цурика. Цурик и его сподвижник Попов — оба эсеры — организовали небольшой отряд в 2 — 2½ десятка штыков. Между Цуриком и Поповым были принципиальные разногласия, так как Цурик был левый эсер, а Попов — правый. Потому к нашей группе присоединился лишь Цурик, стоящий на платформе советской власти, а Попов скрылся и потом, кажется, оказался в отряде Махно.

В Петраковке провели несколько собраний крестьян, где ясно определилось и сформировалось стремление трудового крестьянства к скорейшему освобождению от гнета денikinских оккупантов и к установлению советского строя. Были произведены и собрания местной интеллигенции, которая с возмущением отнеслась к руссификаторской тенденции белого правительства (приказ № 22 о закрытии украинских школ, изданный Деникиным).

Принимая во внимание тяжелое материальное положение школ и больниц, наш штаб уплатил жалование учителям и врачам, а также оказал содействие в снабжении школ и больниц топливом на зиму.

Выходили из села. Понуриив головы, провожали нас селяне, жалея о том, что им очень мало пришлось пожить при нашем режиме (в Петраковке провели мы дней 10 — 12). Но их подкрепляла надежда, что вскоре навсегда установится советская власть.

Из Петраковки т. Огий с частью конницы выехал в екатеринославском направлении с целью пощупать ближайшие подходы к Екатеринославу. Позиции в Екатеринославу были заняты (Амур и Нижнеднепровка — белыми, а Екатеринослав — Махно).

Махно прислал к нам посланца с письмом, в котором обещал поддержку при захвате моста и давал согласие на то, чтобы в Екатеринославе разместить больных и раненых партизан, которых в то время было у нас до 600 человек.

Но своих обещаний Махно не выполнил, и нам после почти двухдневного боя возле Днепра пришлось вновь отойти в направлении Петраковки.

После серьезной стычки с сильными частями ген. Слащева тут же в Петраковке было нами обнаружено, что в артиллерийском парке в ящиках остались почти лишь одни учебные патроны, а боевых нет. Поэтому нам пришлось попеременно с боевыми употреблять учебные. А между тем белые окружили нас. Больные стесняли движение отряда, так как приходилось выгонять свыше 150 крестьянских подвод для переброски больных и раненых. Снова связались с Махно и получили от него обещание поддержать нас боевыми припасами.

На заседании штаба решили послать в Екатеринослав для переговоров относительно размещения больных и получения боеприпасов тов. Лисовика и Матяша.

Наши же части после горячего боя отошли в направлении Царичанска — Кобеляки и прорвались сквозь цепь белых, которые пытались с тыла обойти наш отряд.

В это время с севера начали наступать регулярные красные части. Белые спешно очищали Украину. Партизанские группы пошли в направлении Кобеляки — Полтава. После взятия Полтавы они ушли в направлении Кременчуга, а после захвата Кременчуга — поступили в распоряжение 9-ой Киевской Дивизии.

Таким образом отрезанная и окруженная со всех сторон вражескими войсками партийная группа «Левоберук» с 1/VIII до 25/XII 1919 г. героически выполнила задание по нервированию противника и разложению белого тыла. Бесперывный бой и длиннейшие переходы не подорвали революционной энергии партизан и не ослабили железной дисциплины, основанной на сознании ответственности за великое дело освобождения трудящихся.

ОТДЕЛ II

ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из истории революционного движения в Балте

(Воспоминания о 1903 — 06 годах)

Работа с.-д. кружков

С.-демократические кружки существовали в Балте еще задолго до того, как я примкнул к рабочему движению. Известны были, например, с.-демократические кружки, в которых участвовали: т. Бранденбургский (нынешний работник Наркомюста РСФСР, старый большевик), тов. Теслер, старый с.-демократ и т. д. Но эти кружки охватывали только небольшие группы интеллигентов и только одиночек рабочих (их можно было по пальцам счесть). В широком (относительно, конечно) масштабе развитие с.-демократического движения началось лишь с 1903-го года. В Балте существовала с.-демократическая организация, которая называлась «Искра», небольшая бундовская организация и еще меньшая по численности с.-ровская организация.

Балта к тому времени была довольно значительным торговым центром, и промышленность (преимущественно мелкая) была довольно развита. Там существовало несколько кожевенных заводов, несколько табачных махорочных фабрик, несколько конфектных фабрик, фабрика папиросной бумаги, макаронная фабрика, две фабрики гнутой мебели и т. д. Кроме того, было очень много столярных мастерских кустарного характера с числом наемных рабочих от 5 — 20 человек, а также обувных, портняжеских и т. п. предприятий. Эксплуатация на этих фабриках и предприятиях была неимоверная — работали по 14 — 15 и 18 часов за мизерную плату. Особенно сильна была эксплуатация на табачных и конфектных фабриках, где работали по преимуществу девушки-подростки, дети рабочих из Красного Яра, Грязной улицы, за 20 коп. в месяц.

Из этой-то массы рабочих полуфабричного, полуремесленного типа и вербовались члены с.-демократических и других организаций. В с.-демократическую организацию входили кроме значительной группы интеллигенции (преимущественно учителей) рабочие кожевенных заводов, табачных фабрик и рабочие столярных мастерских. Ядром же, по-нынешнему активом, организации «Искры» «была плеяда» «длинных» товарищей: Носка, Элик, Буй, Мотья, Герш, Вольф и т. д. Все они были страшно высокие и физически хорошо развиты, все рабочие-столяры. Когда они шеренгой шли по главной улице (на «бирже» около

почты и лечебницы), то обыватели шарахались в стороны, ибо все прекрасно знали, что это идут «страшные социалисты». Городовые на постах их побаивались и притворялись, что их не замечают¹⁾.

Руководителями с.-демократической организации были интеллигенты — А. Шаргородский, семья Бернштейнов, Р. Шапировская, М. Лумер, Клубрик²⁾.

Из рабочих столяр Буй, Мотя, Вольф, Янкель-портной (по фамилии мы их не знали и теперь не знаю) были по тому времени жожаками, как наиболее развитые и сознательные с.-демократы, выдвигавшиеся из общей массы рабочих.

Бундовская организация состояла из значительной группы интеллигентов и рабочих фабрики гнутой мебели, сапожников, шапочников и главным образом из портных. Входили в нее также приказчики.

Руководителями бундовской организации были т. т. Бельфонд, Сосис (ныне работает в Одессе, как председатель рабочей кооперации, большевик), тов. Кушнир (ныне большевик, работает в Умани по евработе), рабочие Гриша и Меер (опять-таки фамилии их мы не знали, да оно по условиям нелегального времени и не требовалось).

Что касается эсеров, то у них в городе было мало связей (кажется, только среда кожевников), но зато имелись кое-какие связи с деревнями вокруг Балты. Главным руководителем эсеров был учитель Г. Потынский. В 1905 году образовалась небольшая организация с-севцев, но она почти никакого влияния среди рабочих не имела. Руководителями были М. Шарф, М. Позненский и другие.

Сферы территориального влияния были строго поделены между с.-демократами и бундовцами. Биржи «искровцев» были по главной улице, примерно, от почты до Бульвара и дальше, а «биржи» бундовцев были по Виноградской и Большой. Летом же биржей с-дов-искровцев была крайняя аллея Бульвара во всей округности. Характерно, что все население знало, что биржей с-д-ов является крайняя аллея и никто не осмеливался, кроме искровцев, туда вступить. Исключением являлись только те часы, когда на дискуссию к ним приходили бундовцы, с.-совцы, эсеры и т. д.

Дискуссии велись довольно открыто, при большом скоплении рабочих.

Вообще вся массовая работа с.-д. и Бунда велась на биржах. Каждый вечер можно было наблюдать рабочих, идущих группами по 3—4 человека и довольно громко беседующих по вопросам программы — минимум (о всеобщем, равном, прямом и т. п.; о двух или одноплатной системе и т. п.). Возглавлял эти группы более сознательный товарищ-агитатор. Кроме массовой организации, на бирже практиковались еженедельно массовки где-нибудь за городом — в поле, в яру каком-нибудь, а зимой в какой-нибудь хатенке на окраине города. Излюбленной квартирой для собрания искровцев служила квартира Бени Ангерта на Красном Яру, около тюрьмы. Сам Ангерт Бенья был рабочий (выделял вместе с сестрами Норой и Буцей коробки), очень старый работник с.-демократических

¹⁾ В настоящее время они все живут в Америке, куда эмигрировали после поражения революции 1905 года. Прим. авт.

²⁾ В настоящее время они живут в Одессе, учительствуют в школах. Прим. авт.

организаций, работал вместе со своей женой — Шатуновской — очень активно (уже в 1905 году он отошел от революционной работы, жил потом в Одессе, очень голодал и умер в 1921 г.). Собрания также устраивались на квартире Абрама Шаргородского. Он занимал небольшую комнату в конце Бульварной улицы, около еврейской больницы. В субботу вечером в его маленькую комнатку набивалось много народу (сидели на полу, на окнах и т. д.). Слушали разные доклады на текущие и политические темы. Кроме массовой и агитационной работы велась довольно серьезная пропагандистская работа. Организация была разбита на кружки, которые собирались регулярно 2 раза в неделю и изучали историю культуры, политэкономии, ревдвижение и т. д. Помню свою руководительницу, с. - демократку Лизу, и своих товарищей по кружку — с какой серьезностью и интересом мы ловили слова «о самодержавии царя или самодержавии народа», как мы изучали историю о том, как жил первобытный человек и т. д. Много сознательных рабочих-борцов вышло из этих кружков. Наш кружок собирался регулярно в доме Шаргородской, около синагоги. Дом Шаргородских был вообще революционным — дочь Двойра была бундовкой, младшая, Песя — социал-демократкой, и мы пользовались их квартирой для кружков. Все они после революции 1905 года отошли от революционной работы.

Первый провал

14 лет я попал впервые на бундовскую биржу. Я тогда был мальчишкой — приказчиком в галантерейном магазине Гольцмана, товарищи по прилавку были бундовцы и взяли меня на «агитацию». Помню первую беседу, которую вел со мной и еще с двумя новичками тов. Кушнир, бывший мой учитель по Талмуд-горе. Помню, как теперь, мостик внизу между двумя горами — первая спускается с Виноградской вниз, а вторая вверх по улице, ведущей к Александровке, — на этом мосту тов. Кушнир нам рассказывал таинственно о законах конспирации. «Нельзя никому ничего рассказывать о делах организации» и т. д. Мы ему обещали все хранить в тайне. Но бундовская организация была очень слабая, насчет конспирации не особенно тверда, и на первой же массовке, на которой я присутствовал, получился большой провал.

Дело было в дни еврейского нового года в 1903 г. После обеда, рабочие попарно по указанному маршруту двинулись в яр, лежавший за кладбищем на окраине города. Шли все очень чинно, на недалеком друг от друга расстоянии. Жандармский унтер, живший недалеко от кладбища и сидевший на скамеечке у ворот своей квартиры (очевидно, отдыхал после обеда), заинтересовался таким неурочным гулянием по направлению к кладбищу и дал об этом знать куда следует. Мы же, ничего не подозревая, открыли в яру свою массовку. Первый доклад делал Бельфонд по вопросу о «десяти заповедях». «В заповедях сказано «не кради», а буржуазное общество на чем основано? — на эксплуатации и грабеже», говорил Бельфонд. «В заповедях сказано — «не убий», а буржуазное государство разве не убивает революционеров, не устраивает братоубийственных войн и т. д.?» Так в страшный день Рош-Гашоно (евр. новый год) поучал

агитатор Бельфонд еврейских рабочих насчет того, что все эти заповеди есть басенки буржуазии для затемнения классового самосознания рабочих и т. д. Тут же присутствовал и другой агитатор, т. Сосис, который должен был читать второй доклад (кажется, о текущей политике). Все мы слушали с затаенным дыханием эти новые слова, зовущие на борьбу со старым миром насилия. Вдруг, как бы в подтверждение слов оратора, раздался грубый окрик пристава и жандармского полковника: «Вы арестованы, ни с места». Цепь городских, занявших все выходы из яра, окружила нас и мы оказались в кольце. Всех переписали и под почетным караулом отвели в помещение уездной полиции. Так как это был первый большой провал в таком небольшом городе, то совершенно естественно, что нас все население города провожало до кутузки, а потом в продолжение всей ночи осаждало помещение уездной полиции, в котором мы находились.

Нас вызывали по одному в комнату, где находилась вся местная власть — исправник, жандармский полковник и другие.

Два жандарма обыскали каждого, выворачивая карманы, ища прокламации и т. п. Но, понятно, все, что было нелегального, было выброшено во время пути с поля в город. В результате большинство товарищей было освобождено, а небольшую группу, в том числе и меня, оставили. Задержали агитаторов — интеллигентов — Бельфонда, Сосиса, Гришу, Меера и еще несколько рабочих, и, что курьезнее всего — меня тоже. Хотя мне было всего 14 лет, но полиция учуяла в моих длинных волосах (я носил чрезвычайно длинные волосы сравнительно с маленьким ростом) и в красной рубашке (а тогда была традиция — социалисты носили красные рубашки) опасного «вожака» бунтовщиков. Долго выпрашивали, допытывали насчет тайн организации, насчет вождей, шарили по карманам, под рубашкой и т. д.

Провинциальная полиция, не имевшая опыта в деле вылавливания революционеров, решила, что поймала в моем лице одного из главарей. Поэтому меня держали наравне с действительными «главарями» до тех пор, пока полиция не убедилась, что я один из рядовых «заблудших». Тогда меня отправили в сопровождении двух городских домой и сдали под расписку отца. Остальных товарищей — Сосиса, Бельфонда и Гришу — заключили в тюрьму. Так кончился первый крупный провал.

Характерно, что отношение обывателей к нам было негодующее, презрительное. «Вот идут опозоренные социалисты», — говорили они. На нас указывали пальцами. Некоторые несознательные рабочие, попавшие в эту историю, так были пристыжены, что после провала совсем отошли от революционной работы.

Этот первый арест сильно ударил по бундовской организации, часть колеблющихся испугалась, остальные же, в том числе и я, черешли скоро в организацию «Искру». Хотя мы еще не разбирались в тонкостях разногласий между «Искрой» и Бундом, но просто почувствовали, что социал-демократическая организация как по своему пролетарскому составу, так и по своей сплоченности, большой организованности и лучше поставленной «конспирации» стоит выше Бунда. Вскоре мы узнали о выходе Бунда из партии, о поведении лидеров Бунда, оторвавших еврейское рабочее движение от общего с.-демократического

рабочего движения и настаивавших на своих националистических принципах. Это нас еще больше убедило в правильности нашего перехода в «Искру». Нужно прибавить, что к этому времени я уже был производственным рабочим на фабрике гнутой мебели, т. к. после освобождения из участка я был уволен из магазина. «Мне не нужно социалистов» — так встретил меня хозяин магазина Гольцман. Терять было нечего (я получал всего 5 рублей в год), и я пошел на фабрику, где было много товарищей по работе.

Первая маевка и первые стачки

1904 и 1905 г. г. были годами интенсивной революционной работы в Балте. С.-демократическая организация развила большую деятельность по организации рабочих — устраивались массовые собрания, маевки и забастовки.

Запомнилась мне маевка массового характера в 1904 г. Помню, что еще за месяц начали к ней готовиться. Решено было праздновать в день 18 апреля по старому стилю. Открыто призывать рабочих бросать работы и выйти на улицу было рискованно по тому времени. Поэтому комитет организовал эту маевку нелегально, призывая членов организации и близко стоящих к нам рабочих не выходить на работу. Рано утром собрались все на Бульвар, а оттуда парами отправились далеко за город «на горы», в намеченный раньше «Яр».

Были произнесены речи на тему 1 мая, потом последовали песни, рассказы и закуска. Подъем был большой, энтузиазм необыкновенный. К вечеру настроение настолько поднялось, что участники маевки, выбросив красное знамя, построились в стройные шеренги и с песнями двинулись к городу, позабыв совершенно о действительной обстановке. Так было вольно и хорошо, что не верилось в существование проклятого царизма. Только при приближении к Бульвару, по настоянию комитетчика было свернуто знамя, прекращены песни и все разошлись спокойно по домам. Эта первая массовая маевка была переломным моментом в нашей работе. Вскоре началась целая серия забастовок под руководством с.-демократов. Бастовали конфетчицы, табачники, приказчики, столяры и т. д. Вначале забастовки носили экономический характер, но постепенно они принимали политическую окраску. Хозяева вынуждены были отступить перед организованностью и сознательностью рабочих.

Самой крупной политической забастовкой была всеобщая забастовка в июне 1905 г., совпавшая с Потемкинскими днями в Одессе. Забастовка была организована по постановлению комитета и носила строго политический характер. В один день в определенный час по указанию наших уполномоченных были приостановлены работы на всех фабриках и заводах, в мастерских и т. д. Все вышли на улицу, построились и под красным знаменем двинулись по главным улицам города. Рабочие при приближении наших колонн с энтузиазмом присоединялись к нам. Были и стычки — во время снятия рабочих с работы. Помню две стычки: когда мы подошли к конфектной фабрике Басинсон по Николаевской улице у моста, где работали преимущественно девушки, хозяин, его сын и мастера начали сопротивляться. Я перескочил через окно и потребовал

приостановки работы. Меня смяли, но тут подоспели другие товарищи — и с противниками справились. Работа была приостановлена, а рабочие присоединились к нам. Другая стачка была у фабрики Берлидира на Соборной улице; здесь вмешалась полиция, побили т. Кучерского (тоже активного работника с. - демократов) арестовали его, но к вечеру освободили.

Итак, вся жизнь приостановилась. Даже приказчики — самый отсталый слой у нас — частично присоединились к забастовщикам. Целыми днями шли демонстрации по городу, вечером — летучие митинги на Бульваре, привлекавшие огромные толпы народа. Никогда Балта не видела такого зрелища: тысячи рабочих свободно шествовали по городу с развевающимися красными знаменами с революционными лозунгами. Полиция растерялась — она была совершенно бессильна. На 3-й день полиция организовала на Б. Купеческой улице заслон из городских и караульной роты, чтобы преградить дорогу шествию. Когда демонстрация приблизилась к заслону, исправник обратился к нам с увещеваниями, прося разойтись. Но в ответ раздались лишь негодующие возгласы. Один из товарищей выступил с речью, в которой указал на тяжелый гнет царизма — он сказал буквально: так «уже стало невозможно терпеть». Наша цепь двинулась дальше. Караульные солдаты, городовые не решались стрелять в толпу и вынуждены были пропустить демонстрацию. Власть оказалась беспомощна в борьбе с этой организованной массой, твердо знавшей свои цели и руководимой ядром с. - демократов. Забастовка длилась 5 дней. Исправник пробовал просить мать одного из главных руководителей забастовки — т. А. Шаргородского — воздействовать на «упрямого» сына, но ее увещевания на нас не действовали.

На 5-й день произошло следующее: когда демонстрация свернула из переулка, где находилась фабрика Берлидира (теперь там электростанция), в переулок, ведущий на Красный Яр, городовые со всех сторон бросились на скупленную толпу, устроили форменное побоище и арестовали группу товарищей. Неожиданное нападение в узком проулке заставило демонстрантов разбежаться в разные стороны. В результате забастовка пошла на убыль. Между прочим, был арестован тов. Акимов, погибший впоследствии в тюрьме. Это был один из преданнейших с. - демократов, принимавших активное участие в рабочем движении г. Балты и отдавший свою молодую жизнь за дело рабочего класса. Некоторым товарищам пришлось немедленно уехать из Балты во избежание ареста. Но работа не ослаблялась, а, наоборот, все больше и больше расширялась. Из забастовки мы вышли еще более закаленными, на многих предприятиях рабочие добились больших уступок, и симпатии рабочих к с. - демократической организации возросли.

Как я уже указывал выше, 1904 и 1905 г. гг. были годами самой усиленной кипучей работы с. - демократической организации Балтщины. Часто приезжали к нам работники из центра, т. - е. из Одессы. Приезжал член Одесского комитета Антон - Борис (был делегатом от Одессы на 4 - й объединительный съезд партии), Дора Белая, тов. Александров (большевик), несколько раньше — Сарра Халфин (впоследствии член Одесского комитета, известная под кличкой «Вера Александровна»). Особенно запомнился приезд Антона - Бориса для

улаживания конфликта, приведшего к расколу в организации. Этот эпизод чрезвычайно интересен для истории с.-демократической организации г. Балты.

Вся интеллигентская часть организации, руководившая идейно движением, а также Антон-Борис — были меньшевиками, и совершенно естественно, что Балтская организация шла под меньшевистским знаменем. Мы, рабочие, очень мало знали о разногласиях между большевиками и меньшевиками: меньшевистская интеллигенция скрывала от нас большевистскую литературу. Антон-Борис очень усердно на собраниях актива разлагольствовал о «диктатуре» большевистских вождей и «демократии» меньшевиков, пугал нас «заговорщичеством» Ленина и т. д., не получая никакого идейного отпора от большевиков, так как таковых в Балте тогда не было. Понятно поэтому, что в глазах балтских рабочих с.-демократов Антон-Борис и меньшевики всегда были правы. Он, например, объяснял, что проповедывать вооруженное восстание значит заниматься террором, бунтарством, что противоречит принципам пролетарской партии, имеющей своей основой марксизм. Он поучал, что участвовать во временном революционном правительстве, как это предлагают большевики, значит предавать интересы пролетариата и т. д. Благодаря такой обработке все мы уверовали в меньшевистскую тактику.

Но вот однажды, под влиянием одного интеллигента С. Гельбурда (он ныне живет в Балте и занимается адвокатурой), почти вся активная рабочая часть организации стала в оппозицию к интеллигентам-комитетчикам.

Мы со слов Гельбурда стали тогда заявлять, что интеллигенты Кибрик, Лумер и другие (происходившие из буржуазной среды) только играют в революцию, одеваясь вечером просто, «под рабочего», и приходят к рабочим на «биржу», а днем и у себя они живут так же буржуазно, как их родители, что они не преданы интересам рабочего класса, что их привлекает только романтика революции и т. п. Мы решили составить свою собственную рабочую социал-демократическую организацию. Во главе этой оппозиции, кроме упомянутого выше Гельбурда, называвшего себя рабочим-интеллигентом, стал Мотыга-столяр. Они стремились придать этой оппозиции принципиальный характер, будто бы большевистской линии, но она выродилась в чистую махаевщину.

Борьба продолжалась недели две. Интеллигенты мобилизовали все свои силы, чтобы переубедить нас. Помню, как меня убеждал тов. Наум Лернер из молодых интеллигентов (была группа интеллигентов-учащихся, их звали младоинтеллигентами; к ним относился Лернер Наум, Мойсей Клейман, покойный З. Бык и т. п.) в том, что Гельбурд совращает нас с правильного пролетарского пути. Помню, как приезжая интеллигентка Анета убеждала на скамеечке в крайней аллее бульвара «биржи» Шлему Глезера-сапожника (он умер в 1923 г., будучи уже коммунистом) в том, что оппозиция не имеет никакой почвы и т. д. Нужно признать, что оппозиция и ее вождь Гельбурд действительно не могли сформулировать свою программу. Гельбурд, очевидно, сам, как следует, не знал, в чем корень разногласий между большевиками и меньшевиками, либо не мог их нам растолковать, а из одного интеллигентоедства программы для организации составить нельзя было. Вскоре приехал уполномоченный

от Одесского комитета¹⁾ — тот же Антон - Борис — и быстро ликвидировал эту оппозицию. Все рабочие благополучно перекочевали опять в лоно меньшевизма. Так печально закончилась первая смутная оппозиция меньшевизму²⁾.

Канун манифеста 17 октября

Движение в Балте все расширялось. Общее наступление рабочих на царизм давало себя чувствовать и у нас. В то время, примерно в августе 1905 г., к нам приехала неизвестно откуда (говорили, что из Петербурга) тов. Катя. Самая светлая, самая героическая личность из всех до того времени бывавших у нас. Ее энтузиазм, воодушевление, ее вера в силы рабочего класса и в близкую победу революции передавались нам всем. Работа закипела еще больше после некоторого затишья, связанного с ликвидацией июньской забастовки и арестом некоторых интеллигентов. В частности Балту принужден был оставить т. Шаргородский — главный руководитель организации. Катя неутомимо работала, организовывала, пропагандировала, тормошила и подталкивала нас, предсказывая вскоре решительный бой. Когда началась волна всеобщих забастовок по всем городам, Катя заявила: «пора и нам объявить всеобщую политическую забастовку». Все было подготовлено. К утру все должны были начать бастовать. Но тут получились первые известия о знаменитом манифесте. Забастовка не была объявлена. До нас и раньше доходили слухи, что Одесса бастует, что в университетских аудиториях почти круглые сутки происходят митинги, что полиция не смеет их разгонять и т. п. Но точной информации о происходившем мы не имели: полиция не допускала газет в Балту. О манифесте мы узнали только 19-го или 20-го октября (если память мне не изменяет). Разослали мы быстро гонцов по всему городу созывать рабочих на первый открытый митинг у здания городского клуба (против б. гимназии, — ныне, кажется, дом Совнаркома). В течение какого-нибудь часа город преобразился. Со всех сторон потянулись рабочие с красными знаменами, с надписями «Долой самодержавие», «Да здравствует учредительное собрание» и т. п. Обыватели выставили у ворот и на балконах красные знамена, ковры и красную материю. Знамена делались очень примитивным способом: от трехцветных флагов — эмблемы самодержавия — отрывались черная и синяя полосы, и получалось готовое красное знамя. Погода стояла чрезвычайно неблагоприятная. Но это никого не останавливало. Тысячные толпы валили к клубу, где шел импровизированный митинг. В митинге этом участвовали представители различных групп и партий, в том числе д-р Бранденбургский, видный балтский либерал, в подпольное время получавший «Искру» и помогавший нашей организации, двое братьев Кибрик, Израиль Сосис (ныне большевик в Ленинграде), эсэсовец Меер и др. Бранденбургский был избран председателем.

¹⁾ Очевидно, от Одесской группы при ЦК, так как Одесский Комитет в 1905 г. был большевистский. Прим. ред.

²⁾ Все балтские демократы получили меньшевистскую закваску, в том числе и я. Это имело очень сильное влияние на дальнейшее мое развитие: только в 1918 г. я освободился от меньшевистских идейных пут. — Х. М.

Первую речь произнес Кибрик, потом Сосис, затем выступали др. Общий взрыв смеха вызвала речь т. Меера, начавшего словами: «Самодержавие лопнуло». Речи были горячие, воодушевление было огромное, не верилось, что все это происходит наяву. По окончании митинга публика двинулась дальше в город и подошла к зданию б. женской гимназии. Из гимназии было вынесено несколько столов, поставлены один на другой, поверх столов еще стул, на который толпа вознесла Катю. «Лед тронулся, — начала Катя, — тысячи жертв, много крови пролито» и т. п. Помню, какое сильное впечатление произвела на массу рабочих и на толпу ее проникновенная, полная веры в революцию речь. После ее речи демонстрация двинулась по Рыбной улице вниз, завернула на б. Купеческую и на углу Б. Куреченской и Соборной опять остановилась. Открыли снова митинги: с балкона б. магазина Барского (ныне там Райсоюз) на одном углу, с балкона квартиры Фишмана (дом Гарника) на другом углу, с балкона Томашольских на углу Николаевской улицы, — отовсюду полились речи. Ораторы сменялись один за другим. Внизу толпа слушала, прерывая ораторов возгласами и песнями. Образовался во главе с Песей Шаргородской импровизированный хор, который все время распевал революционные песни.

Интересно отметить, что толпа сама поддерживала порядок, городских совсем не было видно на привычных местах. Вероятнее всего в те минуты, когда рабочие ликовали по поводу победы над царизмом, эти агенты кровавого царя обсуждали план, как потопить первые ростки революции в крови. Во всяком случае, народ сам поддерживал полный порядок. Слова рабочего-бундовца Ниселя, выступившего с балкона и бросившего в толпу: «держитесь абсолютно», хотя и вызвали взрыв смеха среди празднующей массы народа, но вошли в обиход тех дней, т. к. все понимали, что Нисель хотел сказать: «держитесь спокойно, бодро, тесней смыкайте ряды»...

До вечера толпа слушала речи и маршировала по грязным улицам Балты. Первый раз так вольно праздновали трудящиеся г. Балты. К вечеру рабочие разошлись по домам. Мы, группа активных работников, собрались у Кати поделиться впечатлениями. Катя вся горела воодушевлением. Помню точно ее слова: «Вы увидите, у нас скоро будет социализм, это начало социалистической революции». Более сдержанные товарищи из интеллигенции (преимущественно из меньшевистской братии) называли ее фантазеркой, энтузиасткой, но мы полностью разделяли надежды нашей любимой руководительницы (она была большевичкой). Ушел я домой очень поздно. Одежда моя совсем отяжелела от прилипшей до самой шеи грязи. Добравшись до своей хижинки, я положил свое платье сушить и вскоре заснул.

Организация самообороны

Рано утром поспешил я в город к товарищам, забежал к Иде Лумер. У нее застал Катю и других товарищей. Настроение было еще праздничное... Но к вечеру оно изменилось. По городу начали распространяться зловещие слухи о темных приготовлениях черной сотни, передавали из уст в уста рассказы о страшном погроме в Одессе. На базаре собирались пьяные группы хулиганов.

«Жида выдумали свободу, хотят сбросить русского царя». Очевидно приказ из Питера об организации еврейских погромов, как средства победить революцию, достиг и Балты. В еврейских кварталах началась паника, беднота окраин, хотя и терять ей было нечего (очень уж крайняя нищета была у них), скучивалась, однако, вместе, дрожа за свою жизнь, а богачи прибегли к испытанному средству: начинали посылать делегации к исправнику, предлагая ему крупную сумму денег за охрану покоя еврейской буржуазии. На всякий случай каждый «порядочный» еврей уходил со своей семьей к какому-нибудь знакомому чиновнику и т. д...

А в это время две силы готовились к бою. Полиция и черная сотня разослали гонцов в близлежащие деревни, призывая темных крестьян для расправы с жидами и социалистами. А в квартире у Бернштейнов, кажется в помещении прачешной (эта квартира служила и явкой и местом частых собраний социал-демократической организации), собирались с.-демокр. бундовцы, эсесовцы и другие, для обсуждения плана вооруженной самообороны против черной сотни. Не было никакого сомнения в том, что погром будет. Спокойно и деловито обсудили вопрос. Разделили всю массу на тройки и пятерки, наметили руководителей, посты, пароли, место явки, и тихо разошлись. Все сознавали, что силы наши незначительны против организованной полиции, организованного хулиганства и темной толпы крестьян, но решено было обороняться до последней капли крови.

Скоро стало известно, что в пятницу (число забыл, но помню точно день) черносотенцы — члены союза русского народа (а такое отделение союза у нас успешно процветало: в союз входило порядочное число чиновников, помещиков, торговцев, колбасников и т. п.) собираются устроить патриотическую манифестацию с хоругвями, с крестным ходом по городу. Участвовать в этой манифестации они призывали «всех честных русских людей». Еврейская знать с казенным раввином во главе, для «ублагодотворения» черной сотни и в компенсацию за «позорное» участие заблудших овец из еврейского стада в революционной демонстрации, — решили выйти в пятницу с музыкой, со свитками торы навстречу к крестному ходу. Тут должно было произойти братание благомыслящей и верноподданнической части еврейского народа с патриотами из союза «русского народа». Этим еврейская буржуазия думала искупить «грех» еврейских рабочих и предотвратить погром.

Сейчас совершенно ясно, что крестный ход и выход навстречу еврейской делегации был инспирирован полицией с целью вызвать столкновение и погром. Но революционные организации и тогда почувствовали, что тут кроется провокация, и решили готовиться к этому дню.

Погром

В пятницу с утра город застыл в ожидании. Как только началась патриотическая манифестация, все магазины закрылись, вся жизнь замерла. На окраинах собирались вместе рабочие семьи и не пускали детей в город. Я выдержал борьбу со своими родителями, которые и меня не пускали в город, т. е. все

были уверены в «погромном» исходе этой манифестации. Но я сбежал и был на посту в назначенное время. Я был назначен в группу т. Блехмана. Наш пост был в переулочке между Грязной улицей и Б. Купеческой около дома б. училища Жолковера. Около 11 часов я пришел на пост. Блехман распределил между нами роли: я должен был заниматься разведывательной работой и носить из квартиры доктора Бранденбургского пули (на квартире у доктора было складочное место оружия).

Часов в 12 я вышел на разведку. Вдоль Б. Купеческой шли две манифестации. Манифестация союза русского народа направлялась с Николаевской или Соборной на Б. Купеческую. Патриотическая манифестация состояла из чиновников, городского мещанства, колбасников с «Кацапской» улицы и просто подонков — хулиганов, из среды которых выделялся известный сыщик Мехидовский¹⁾.

Навстречу патриотам двигалась со свитками торы еврейская делегация, состоявшая из «лояльного» элемента: казенный раввин, главари крупных синегог, представители еврейской буржуазии и т. п. Народу за ними шло мало; т. к. накануне было объявлено, чтобы евреи сидели по домам и не выходили на улицу, чтобы не осквернять своим присутствием патриотические чувства истинно-русских людей.

Как только еврейская делегация приблизилась к манифестирующей толпе, из последней выбежали несколько хулиганов во главе с Мехидовским. Ударив по несущим тору, они повалили делегацию на землю, избили верноподданного раввина и других лояльных к самодержавию еврейских буржуев... Началась свалка, беготня, послышались крики о помощи... Улицы моментально опустели. Все мелкие лавчонки закрылись, закрылись окна и двери в домах. Город словно вымер. Настала жуткая тишина... Я поспешил на свой пост и сообщил своему

¹⁾ Этот Мехидовский был раньше городовым, но за какие-то проступки по службе был уволен. Его подобрало наше жандармское управление для борьбы с «социалистами». Вначале он занимался слежкой за нами, потом, осмелев, начал избивать своей нагайкой из крученой проволоки с медным наконечником наших товарищей, особенно женщин, гулявших по нашей «бирже» около почты и лечебницы. Но ему часто доставалось и от наших ребят. Помню, однажды перед вечером, приближаясь к почте, я услышал душераздирающий крик, — это Мехидовский своей знаменитой нагайкой избивал какую-то девушку-работницу. Городовой, стоявший на посту в трех шагах от почты, притворился глухим: как будто не замечал происходившего. Это было в то время, когда на улицах Одессы и других провинциальных городов свободно разгуливали «чернорубашечники», избивая под заботливым покровительством полиции «жидов», рабочих и студентов. Так было и в Балте. После описанной сцены избияния группа товарищей во главе с маленьким Айзиком (тоже рабочий соц.-дем.) решила в тот же вечер расправиться с Мехидовским. Проходя мимо него, товарищи умышленно заговорили так, чтобы ему было слышно о том, что нужно поспешить на массовку, где будут «комитетчики», и т. д. Заинтересовавшись этим сообщением, Мехидовский последовал сзади за товарищами, чтобы выследить место собрания. Наши увлекли таким образом Мехидовского до околицы бульвара и завернули на улицу, ведущую к реке. Там на мосту по дороге к Борше неожиданно обернулся Исроель «длинный», набросился на Мехидовского, плас и повалил его на землю. Вся группа навалилась на него и избивала до полусмерти. Лишь на утро Мехидовского подобрали в тяжелом состоянии.

После этой встряски он долго не показывался на улице. Увидел я его снова в пятницу, в первых рядах хулиганской манифестации — Х. М.

начальнику все, что видел. Приготовились и стали ждать. Вскоре наш разведчик сообщил, что со стороны села Мироны приближается огромная толпа крестьян, вызванных накануне специальными гонцами для грабежей и убийств. Настала очередь нашей группы обороняться. По приказанию Блехмана мы все спрятались в узком переулке и, как только приблизилась толпа — вся группа по приказу начальника неожиданно выскочила из засады и дала револьверный залп в воздух по направлению толпы. Неожиданное нападение и выстрелы внесли страшный переполох в неорганизованную толпу, вооруженную только палками и мешками для ожидаемой добычи, и она вмиг повернула обратно. Улица опять опустела. Первая наша вылазка была удачна. Но мы истратили все пули. Я быстро побежал по безлюдной улице к дому Бранденбургского (что на углу Б. Купеческой и ул. Плеханова) для получения пуль. Там я узнал о стычке, происшедшей между нашей самооборонческой группой, засевшей в доме Кибрика по Н. Мостовой, с хулиганской толпой и окончившейся тоже удачно для нас. Там же передавали, как наша героическая Катя раз'езжает верхом на лошади от одной группы к другой, отдает приказания, организывает, ободряет. Товарищ Катя оказалась не только способным агитатором-пропагандистом, хорошим организатором подполья, но и великолепным боевиком, выдержанным руководителем во время боя.

Получив необходимую пищу для наших револьверов (другого оружия у нас не было), я возвратился к своей группе. Вдруг мы услышали шум по Рыбной улице, поспешили туда, но опоздали. Группа хулиганов уже разбежалась, оставив около обувного магазина Гурвица убитого рабочего-сапожника. Магазин был ими разграблен.

На различных участках города самооборонческие группы стойко защищали город от нашествия черной толпы. На углу Соборной и Б. Купеческой были устроены баррикады, преградившие хулиганам доступ в центр с Русской улицы. Здесь группа самооборонцев во главе с рабочим Алексеем Акимовым (он был братом замученного в каторжной тюрьме социал-демократа Акимова) очень долго и упорно оборонялась. Нужно вообще заметить, что в числе участников самообороны была значительная группа русских рабочих кожевников и пекарей — членов с.-демократической и эсеровской организаций, которые геройски боролись в первых рядах самообороны.

Но к ночи силы «самооборонщиков» начали таять — нехватило оружия, не стало пуль, да кроме того трудно было небольшим отрядам сдерживать натиск огромных банд, напавших со всех сторон и стремившихся в город за наживой (недаром же разосланы были полицией в окрестные села агитаторы). К ночи самооборона отстояла город. Но постепенно, пользуясь темнотой, банды начали снова просачиваться в город, и снова начался разгром магазинов и вакханалия грабежа. Участники самообороны вынуждены были покинуть свои посты, ввиду своего полного бессилия.

Я, в частности, упал на улице от озноба, усталости и изнеможения. Меня трясла лихорадка. Товарищи повезли меня домой на Красный Яр. Я был в бессознательном состоянии и бредил. Смутно помню зарево пожара, освещавшее

весь город, когда меня из Красного Яра рано утром отвозили в Еврейскую больницу. Впоследствии я узнал подробности этого пожара. Это громилы в упорении победой зажгли со всех сторон деревянный ряд мануфактурных лавок, так называемый «Красный Ряд», занимавший площадь между Рыбной улицей и Соборной (теперь там находится театр «Перекоп»). Рассказывали, что пожарная команда, вместо того, чтобы тушить пожар, накачивала из пожарных насосов керосин. Весь «ряд» был разграблен и уничтожен до основания. Таким образом банды Заболотного, которые сожгли все постройки в центре города в 1920 году, были уже не первыми: они имели своих славных предшественников еще в 1905 году.

Награбленное добро вывозилось на подводах, переносилось в мешках. Всю ночь, освещенную заревом пожара, спокойно работали черносотенцы. Никто и не думал им мешать.

Полицейские и жандармы, переодетшись в гражданское платье, занимались тем же грабежом. Ведь они служили верой и правдой царю-батюшке, совершали святое дело искоренения крамолы...

* * *

В больнице, куда меня отвезли в субботу утром, было много раненых, избитых и искалеченных во время погрома. Кроме того, здесь скрывалась и значительная часть еврейской бедноты, т. к. больница служила некоторой защитой против хулиганских банд. Кругом — стоны и рыдания... Через пару дней ко мне вернулось сознание. Оказалось, что у меня была обыкновенная лихорадка. В больнице я встретил Антона-Бориса. Накануне 17 октября он был сильно избит хулиганами какой-то деревни, куда он ездил по партийным делам. Он настолько ослабел, что ему пришлось все эти дни лежать на койке. В целях конспирации на дощечке его койки значилось: учитель Гольденберг.

Через две недели выздоровев, я и Аптон-Борис (он остался, кажется, меньшевиком и теперь) вышли из больницы. В городе царил уныние. Рабочее движение пошло на убыль. Активная часть интеллигентов уехала в Одессу и другие крупные города: их привлекала более широкая работа в рабочих центрах. Кроме того они опасались арестов, и не без основания: вскоре был арестован председательствовавший на октябрьском митинге доктор Бранденбургский и предан суду. Его присудили к одному или двум годам крепости (точно не помню), но благодаря ходатайству влиятельных лиц ему разрешено было отбыть наказание в Балтской тюрьме. Актив рабочих с.-демократов тоже покинул город. Часть из них уехала в Одессу, а большая часть, как я уже указывал выше, — эмигрировала в Америку. Тов. Акимов еще задолго до этого был арестован, помещен в каторжную тюрьму, где и скончался от невероятных пыток. Одной из причин отъезда указанных товарищей была безработица. Хозяева после октябрьской весны, с наступлением реакции начали расправляться с социалистами, — в первую очередь были уволены наши товарищи. Я тоже лишился работы. Но я еще оставался в Балте до начала 1906 года.

Революционная работа совсем пала. Хотя в Петербурге, Москве, Одессе и других крупных городах все еще бушевала революционная волна, всюду продолжались забастовки, московский пролетариат сделал еще в декабре героическую попытку в баррикадных боях сразиться с царизмом, — в Балте, все уже окончательно уснуло глубоким сном апатии и разочарования. Чувствовался страшный упадок и среди рабочих. Я не мог больше сидеть без дела и решил переехать в какой-либо рабочий центр. В январе месяце я прибыл в Одессу. Но история моей работы в Одессе относится уже к другой эпохе и составит предмет особых воспоминаний — воспоминаний о тяжелых годах реакции.

Из деятельности РСДРП на Волыни (1905—1906 г.¹⁾)

I

В состав Житомирской организации РСДРП, как активный ее член, я вступил в июне 1904 г., но ответственную работу (агитатор-пропагандист) стал вести лишь с начала 1905 года, с какого времени по средину 1906 года (до провала) состоял членом городского комитета партии. В то время в состав комитета входили: 1) Рик Константин (кличка «Костя»), 2) Ваня Шуткевич (кличка «Ваня»), 3), студент-технолог Мицик (фамилии не помню), 4) Адам Кашевский, 5) Яков Гойхберг, 6) Андрей Скрыпник, 7) Мария Фридман, 8) Гедда Шнеудер, 9) Захар (кличка), 10) Исаак Шварцман (кличка «Литейщик»), 11) Борис Бык (ныне Юрьев) и 12) я (кличка «Женя»).

Кроме того к организации принадлежали, не входя в состав комитета как массовики, агитаторы и технические работники, следующие товарищи: Дыхне Петя (арестован в одесской типографии РСДРП в 1905 году, был сослан в Туруханский край и умер на поселении в г. Красноярске), Юрий Яковицкий (наборщик), Эсфирь Фельдман, Рожанский Петя (умер в 1920 году), Исаак (кличка «Маляр»), Миша Котвицкий, Митрофан (сапожник), Анюта (фамилии не знаю), Алешка (слесарь, фамилии не знаю), а также многие другие, фамилии которых частью не помню, а частью и не знал, ибо в условиях нелегальной работы мы не знали фамилий многих из работников и не интересовались этим.

Конечно, указанными выше лицами не исчерпывался состав организации. Приведенный здесь мною список товарищей — далеко не полный — составлял активную часть организации (Центральную Сходку), остальные же товарищи входили в кружки, составляли массовки и вообще ту массу, на которую имела

¹⁾ Приступая к изложению воспоминаний о составе, работе и сфере влияния Житомирского Комитета РСДРП за 1905 год, я должен оговориться, что в силу слишком большого промежутка времени (20 лет) и отсутствия в моем распоряжении каких-либо документальных данных, я буду избегать дат и ссылок на некоторых работников, имена которых я точно не могу восстановить, а также и не буду касаться многих из тех мест собраний, о местонахождении которых мы не сошлись с помогавшим мне в составлении настоящих воспоминаний бывшим активным работником организации — тов. Шварцманом Исааком (кличка Исаак Литейщик)

влияние организация. Точно указать размер организации трудно, ибо никаких цифровых данных у меня под рукой не имеется, но, сколько помнится, к началу 1905 года организация РСДРП лишь начала развивать свою работу. Этот период совпал с моментами перелома в работе РСДРП, с моментами перехода от кружковщины к массовкам, т. е. к закрытым конспиративным собраниям широкой рабочей массы (сюда привлекались путем предварительной обработки на «биржах» рабочие, не затронутые еще социалистической агитацией и пропагандой).

Организация была построена по принципу выборности. Все входившие в организацию выбирали Гор. Комитет (центральную сходку), директивам которого и подчинялась вся организация. Гор. Комитет был связан с ЦК (за границей). Кроме того, при комитете была техническая группа, финансовая, пропагандистский кружок и кружки самообразования. Кроме разработки вопросов организационных и теоретических, на членов Комитета возлагалась обязанность руководства работой как групп, так и кружков, проведение массовых, забастовок и т. п. Техническая группа ведала подысканием соответствующих помещений для собраний комитета, кружков, массовок, типографий, гектографа и т. п., финансовая — подысканием средств; пропагандистская — разработкой теоретических вопросов и освещением текущих вопросов политики и экономики.

Главная ее задача состояла в подготовке «биржевых» массовых агитаторов. В кружках велась работа по изучению политэкономии и основ марксизма. Обыкновенно в чисто-рабочих кружках проходили «Экономические очерки» Баха, Эрфуртскую программу и др.

Но так как в кружки по условиям тогдашней работы можно было брать только более преданных и надежных, может быть, в силу классового инстинкта товарищей, что, конечно, донельзя суживало работу, то с переходом к новым формам, формам массовой работы, главный центр тяжести был перенесен на «биржу». Здесь нелишне будет сказать несколько слов о «бирже».

«Биржами» в то время назывались своеобразные бродячие уличные революционные клубы. Обыкновенно назначалась какая-либо сторона по одной из многочисленных улиц, скопление публики и оживленное движение маскировало встречи и переговоры революционеров. Агитаторы там вели беседу с рабочими, назначали места свиданий, собраний и вели дискуссию с агитаторами других партий. Обычно «биржа» собиралась в вечернее время, когда рабочие кончали работу. В нашей организации такие биржи были: 1) по Бильской улице — против собора, 2) по Михайловской улице — от Гоголевской до Бердичевской, 3) по Киевской — от Семинарийского переулка до площади и 4) по Б. Бердичевской до Чудновской.

Конечно, «биржи» приходилось часто менять, так как через пару дней после работы на них появлялись «шпики» (тайные агенты охраны Жандармского Управления), и приходилось биржу переносить на другое место. Биржи служили местом сборищ для организации демонстраций. Такой случай имел место и в Житомире, когда по поводу событий 9 января наша организация «Искра» устроила демонстрацию совместно, кажется, с «Бундом» и с.-р. Местом сбора была наша биржа по Киевской улице.

Кроме этой чисто политической работы, организация вела также и экономическую борьбу и пропаганду, повышая в передовой части членов организации уровень знаний, главным образом, по вопросам экономики, непосредственно связанным с производством и бытом той или другой профессии. Но здесь нужно оговориться. Это не было тем чистым «экономизмом», который переживала партия до 1904 года.

Организацией «Искра» в этот период были заложены союзы «металлистов», «кожевников», «извозчиков», «печатников» и частью «деревообделочников» и многие другие, за влияние в которых в то время велась борьба между нашей организацией и «Бундом». Работа в профсоюзах в то время главным образом сводилась к проведению стачек... Это было время подъема.

Из экономических требований выставлялись: 1) уменьшение рабочего времени, 2) увеличение заработной платы, 3) вежливое обращение, 4) невычет за дни забастовки и многие другие чисто экономические требования, связанные с данным производством. Политические требования при экономических забастовках не выставлялись.

Кроме экономических забастовок были и политические. Помнится забастовка по поводу 9 января, которая была проведена 22—23 января 1905 г. (точно числа не помню) соц.-дем. организацией в полном контакте с «Бундом». Помню, что на заседании Комитета было решено провести эту забастовку так, чтобы все население почувствовало силу пролетарского протеста против кровавых событий в Питере, чтобы оно обратило внимание на лозунги: «долгой самодержавие», «долгой убийцу царя», «да здравствует демократическая республика» и проч. Естественно, что главное внимание наше было обращено на те производства, приостановка которых вызвала бы изменение обычного уклада жизни: на водопровод, электрическую станцию, типографии и торговые заведения.

В день объявленной забастовки газета «Волынь» не вышла. С утра усиленно стали распространяться листовки-прокламации с призывом к забастовке, к свержению самодержавия и к выходу на улицу для протеста против кровавых событий 9-го января. Но жандармерия знала о подготавливавшейся забастовке-протесте и своевременно приняла свои меры. На электрической станции и водопроводе появились штрейкбрехеры, угрожая сорвать забастовку, которая вначале проходила дружно... Пришлось быстро организовать дружины из рабочих и двинуть их на предприятия для снятия штрейкбрехеров и ухода рабочих. После целого ряда столкновений с полицией и ареста некоторых товарищей эта мера удалась... Трамвай остановился, подача света и воды прекратилась.

Вечером того же дня были попытки устроить демонстрации, на площади и на Вильской улице собирались группы рабочих, выкидывались красные флаги, но устроить демонстрацию не удалось, ибо полиция, шпики и жандармы были на чеку, по городу ходили патрули, и малейшая попытка к выступлению пресекалась. Зато этот вечер был посвящен массовкам, на которых говорилось о значении 9-го января, об утопичности надежд добиться чего-нибудь путем просьб у царя, капиталистов и проч. и давалась оценка гапоновщины, как таковой. И масса призывалась к революционной борьбе с оружием в руках.

Так было отпраздновано начало Великой Российской Революции.

Что касается работы среди крестьян, то таковая лишь начиналась. Ее вела преимущественно «Спилка», которая поставила своей задачей работу в деревне среди батраков и беднейшего крестьянства¹⁾.

Областным центром «Спилки» был Киев. Представителем от «Спилки», центр которой находился в Киеве, являлся тов. Басок (Меленевский), который периодически наезжал в Житомир.

Работа «Спилки» затруднялась тем, что до нас в деревне уже вели работу с.-р. и у. с.-д.¹⁾.

Что касается работы среди женщин и учащихся, то среди женщин специальной работы не велось, хотя как в самом комитете, так и в центр. сходке и в кружках были женщины, наприм., Мария Гада, Люба, Анюта и др. (фамилий их не помню). Работа же среди учащихся велась специальная. Главная масса учащихся, на которых было обращено внимание комитета, были ученики местной духовной семинарии. Здесь было несколько кружков, в которых велась агитаторско-пропагандистская работа. Вел ее я, Вадим Рунешевич (ныне умерший), Костя Рик. Кроме того велась работа и среди военных в Галицком, Костромском, Архан-Легардском полках, но эта работа носила больше массовый характер — встречи на «бирже», передача литературы, хотя в последнее время, т.-е. в середине июля (после моего ранения), мне удалось организовать даже кружок в 6, 7, 8 человек, куда входило даже 2 драгуна, но он скоро распался вследствие того, что я провалился и уехал, и вскоре после этого провалилась и вся организация, вследствие провокации, как говорили у нас, некоего Рапопорта. В это время у нас были связи и с офицерской средой, и так как я в это время заведывал работой среди военных, то довольно долго снабжал их литературой и вел среди них беседы. К этому небольшому кружку примыкали два артиллериста (пехотинец и, кажется, ветврач, но фамилий их не помню). Помню, что один из них жил по Михайловской ул. № 23, куда мы очень часто сходились. Как выше было сказано, пропаганда велась в кружках. При этом кружки делились по своему составу (развитию участников) на высшие и низшие. В высших изучалась политическая экономия, Каутский, экономическое учение Карла Маркса, изучалась программа партии, разбирался подробно Коммунистический Манифест, при чем по всем отдельным тезисам его читались рефераты. В кружках низшего типа — «Экономические очерки» Баха, читали Дикштейна «Кто чем живет», «Пауки и Мухи», а также разбирали отдельные вопросы программы в доступной для среднего рабочего форме. Кружками руководили агитаторы-пропагандисты, к которым принадлежал я, Костя Рик, Вадим Рунешевич, Яков Гойхберг. Большое внимание в кружках обоих типов уделялось вопросам фракционным, а также междупартийным (дискуссии с «Бундом», с.-р., сионистами). Наряду с пропагандой и кружковой работой велась также и массовая работа. Средством для массовой агитации служили и «индивидуальная обработка»

¹⁾ «Спилка» образовалась в 1904 г. после раскола РУП. Часть РУП'а, не примкнувшая к РСДРП и оставшаяся на национальной позиции, приняла название УСДРП.

агитаторов на бирже и проведение массовок. Работа на бирже сводилась к раз'яснению необходимости экономической и политической борьбы, а также к толкованию партийных программ и втягиванию массовиков-рабочих в партию.

Массовки проводились 1—2 раза в неделю; темой были вопросы политики, экономики, необходимость вступления в партию. Иногда читались рефераты и устраивались дискуссии с Бундом, с.-р., сионистами-социалистами и прочими.

Кроме того, при проведении стачек велась специальная агитация, вырабатывались требования, обсуждались условия и возможность проведения забастовки.

Кроме этих способов массовой агитации, местным комитетом издавались листки по поводу отдельных политических событий (9-е января, 1-е мая, вооруженное восстание в Москве) и по поводу погрома (убийство пристава Куярова и много других — к сожалению, их под рукой не имеется). Авторами-листков были члены Комитета. Составляли же их главным образом я и Костя Рик. Заграничная литература получалась довольно регулярно. Получали мы «Искру», «Вперед», а также всякого рода циркулярные письма ЦК. Вся целевая литература получалась по адресам сочувствующих партии буржуа. Один из адресов, который я помню, это гр-на Гольдштрайха, содержателя фотографии «Рембрандт», которая помещалась по Б. Бердичевской ул., где теперь Украинбанк.

Связь же Комитета как с Областным Комитетом (гор. Киев), так и с местами, а также с местными работниками поддерживалась через явки.

По условиям тогдашней работы явка (конспиративная квартира) составляла главное звено в работе в смысле связи комитета с местными работниками и в особенности с вышестоящими партийными органами. Сюда являлись работники-профессионалы, приезжающие из центра и других мест, здесь сходились «комитетчики» (члены гор. Комитета партии), здесь часто обсуждались спешные вопросы партийной работы.

Такой явкой, обслуживавшей нашу организацию, во всех отношениях удовлетворявшей условиям конспиративной работы, был винный погреб русских виноградных вин Янкеля Дыхне, который помещался по Чудновской ул. № 7 (к сожалению этот дом в настоящее время разрушен и зафиксировать его фотографически не представляется возможности).

Судьба семьи Дыхне показывает, насколько была сильна в это время ненависть мелкой буржуазии (мещанства) к самодержавию. Не говоря о молодом поколении семьи Дыхне, которое помогало организации как хранением и переносом литературы, так оказанием других мелких услуг, но и сам старик Дыхне (ныне уже умерший) помогал тоже делу революции.

Кроме этой центральной и очень важной квартиры-явки, были также местные явки, и из них одна — у нашего технического работника Пети Рожанского — заслуживает особенного упоминания, так как это была квартира Комитета (для встреч между членами Комитета по делам Комитета и с партийными техниками). Помещалась она по Соборной площади в д. № 8.

Но, несмотря на то, что главным условием работы, а следовательно и партийной дисциплины была конспирация, все же квартиры-явки часто проваливались, и их приходилось постоянно менять. Неуязвимой в этом отношении, во всяком случае до моего отъезда из Житомира (1906 г.), была явка у Дыхне, что объяснялось как положением самой квартиры, так и дружной поддержкой со стороны всей семьи Дыхне.

Правда, здесь тоже изредка бывали обыски, и один из обысков в конце 1905 года сопровождался сильным избиением и ранением как одного из сыновей Дыхне, так и серьезным ранением тов. Рожанского, который был на особом учете у жандармов, но тем не менее серьезного провала квартиры эти события за собой не повлекли.

Финансы организации складывались из членских взносов, разного рода «предприятий» и частных пожертвований «сочувствующих».

Вполне понятно, что по тогдашним нелегальным условиям партийной работы, когда вся сила организации заключалась не столько в количестве ее членов, сколько в их качестве, и ежемесячные взносы членов партии представляли очень мизерную сумму. Из отчета нашей организации за июль м-ц 1905 г. (случайно у меня сохранившегося) видно, что приход по парткассе равен 10 р. 25 коп. — это ли доходы? ¹⁾ При таких условиях организации приходилось искать другие источники доходов: собирать пожертвования среди сочувствующей революции интеллигенции, устраивать нелегальные вечеринки, главным образом

¹⁾ Из прилагаемой при сем копии счета читатель увидит, из чего складывались средства организации и куда они расходовались.

ОТЧЕТ ЖИТОМИРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦ. - ДЕМ. РАБОЧ. ПАРТИИ ЗА ИЮЛЬ 1905 ГОДА

Приход		Расход	
1. Собрано от разн. лиц	11.30 к.	1. Квартира для кружков, массовок и собраний	25.90 к.
2. Предприятие	30. —	2. Похороны уголовного, избитого при беспорядках в тюрьме	10. —
3. Еще предприятие	89.90 к.	3. Заключенным	10. —
4. Полит. касса	10.25 к.	4. Ремонт и покупка оружия и патронов	14. —
5. Собрано на оружие	20.90 к.	5. Техника	6.95 к.
Итого	162.35 к.	6. Заимообразно	9.78 к.
		7. На библиотеку	8.52 к.
		8. Конспирация	47.10 к.
		9. Уплачено долгу	15. —
		Итого	147.25 к.

(Печать организации)

Остаток на 1 августа 15 р. 10 к.

Из этого видно, насколько скудны были средства организации, и что они пополнялись от всякого рода «предприятий», под каковым названием скрывались вечеринки и нелегальные лекции - доклады.

Характернее всего, что, как видно из отчета, организация в то время подумывала и готовилась к вооруженной борьбе, ибо как в рубрике «прихода», так и в рубрике «расхода» имеются статьи, говорящие о сборе денег на оружие и покупке такового. — Е. Г.

среди учащейся молодежи. Такие вечеринки на случай их провалов устраивались под видом именин или годовщин семейных событий. Правда, иногда они в случае обнаружения полицией, проходили не без курьезов, и даже печальных, ибо за нелегальные собрания приходилось несколько отсиживать в тюрьме хозяину квартиры и подчас некоторым гражданам. Помню одну такую вечеринку, когда при появлении полиции гости растерялись и заявили, что они пришли на именины, но когда их спросили, как зовут хозяйку, то многие не могли ответить.

Что касается добровольных пожертвований, то их тогда поступало довольно много, что вполне понятно, так как самодержавие к этому времени настолько себя дискредитировало в глазах широких слоев населения, что не нужно было быть революционером и принадлежать к рабочему классу, чтобы сочувствовать той борьбе с произволом царя, его чиновников и помещиков, которая принимала все более и более реальные формы и, казалось, сулила скорую победу.

Техника в 1905 г. в нашей организации была в высшей степени примитивна. Хотя мы все носились с мыслью иметь свою хотя бы небольшую нелегальную типографию, но оборудовать ее, по условиям нелегальной работы, было очень трудно, так как шрифт нельзя было купить без разрешения административных органов и жандармерии и приходилось его добывать тайно, через причастных к организации наборщиков. Это нам удалось лишь во второй половине 1905 г., когда тов. Петя Рожанский связался с наборщиком тов. Пинчуком, который и стал для нас понемножку таскать шрифт. До постановки же и оборудования типографии все листовки, воззвания и пр. печатались на гектографе. Этот способ печатанья, конечно, не мог удовлетворить литературного голода организации, так как приходилось первый экземпляр писать от руки, да и всего гектограф давал 40—50 копий, а затем приходилось его смывать, от чего портилась масса, и вновь писать экземпляр и т. д. Но, конечно, мы мирились и с этими неудобствами и трудностями, тем более, что потребность в смелом, правдивом слове росла в массах с каждым днем.

Так обстояло дело до 1905 г., когда удалось с большими трудностями и риском оборудовать и поставить типографию, которая, к сожалению, просуществовала недолго, так как у нас в организации появился провокатор, кажется, Рапопорт Бузя, и типография была арестована жандармами вместе с работавшими в ней товарищами.

Тем не менее за время работы типографии было выпущено значительное число листовок и прокламаций, но, к сожалению, содержания и числа выпущенных листовок я не помню. Что касается состава организации в смысле деления ее на фракции, то острой фракционной борьбы в то время у нас в организации не было. Было левое и правое течения как по вопросам организационного характера, так и по вопросам тактическим, но они не были настолько резки, чтобы расколоть организацию. Преобладала меншевистская тактика. Правда, в это время выделилась группа (небольшая) рабочих во главе с Борисом Быком (Юрьев) и Захаром (оба рабочие), но эта группа не представляла из себя

большевистской фракции в чистом ее виде, а скорее была группой анархистского толка. Достаточно сказать, что именовали они себя не большевиками, а группой «Рабочей Воли». Причиной образования этой группы, с одной стороны, было, как они выражались, интеллигентское засилие в партии вообще и в нашей организации, в частности, а главное, их слабая политическая сознательность. Так, например, группа наряду с чисто классовым взглядом на роль и значение рабочего в его рабочей партии (стремление к выдвижению на ответственные посты рабочих и уменьшению влияния интеллигенции) в тактическом отношении резко расходилась с партией в целом, признавая единичный террор и экспроприации, которые партия решительно отвергла, как средство борьбы, задерживающее развитие классового самосознания широких масс. В этом отношении группа «Рабочей Воли» скорее приближалась к с.-р. и анархистам. Понятно, что наша организация повела решительную идейную борьбу с этим нездоровым течением, исключила из партии ее вождей. Группа не имела у нас успехов, ей удалось объединить вокруг себя лишь незначительную и менее сознательную часть рабочих. Просуществовав месяца два в Житомире, группа перенесла свою деятельность сначала в Черкассы, куда уехал тов. Захар и тов. Бык (Юрьев) а затем и в Б. Церковь¹⁾. Других же группировок, как я уже говорил выше, у нас в организации не было. Вот, в сущности, все наиболее важные моменты из жизни и деятельности Житомирской организации РСДРП за 1905 год.

¹⁾ Об этой группе см. воспоминания Юрьева «Пути революции» — журнал Всеукраинского О-ва, полжитаторжан № 3, ст. «1905 г. в Житомире». О характере этой группировки говорит ясно прокламация (сохраняем полностью стиль и синтаксис подлинника).

К о п и я

ЖИТОМИРСКАЯ СОЦИАЛ - ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГРУППА РАБОЧАЯ ВОЛИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Освобождение рабочих должно
быть делом самих же рабочих

Объявление ко всем рабочим и работницам г. Житомира

Мы, группа рабочих социал - демократической рабочей воли, объявляем всех рабочих г. Житомира о том, что мы присоединились к Черкасской Рабочей Воле, находясь в разных социал - демократических организациях, мы убедились, что это не есть рабочие организации, а второе самодержавное правительство что по приказанию высшего начальства мы рабочие должны были пойти навстречу... Но мы социал - демократы рабочей воли против такого самодержавного строя, мы против потому, что нетерпим это в социал - демократической программе. Мы рабочие до сих пор служили слепым орудием Начальникам интеллигентам, которые вращали и распоряжались нами как им заужгодно было... Товарищи мы теперь обосновали группу Рабочая Воля соответствующая всем требованиям рабочего класса, где каждому рабочему в отдельности доступен будет поднять голос в защиту интересам рабочего класса. Поэтому призываем всех рабочих г. Житомира стать под красным знаменем Социал - демократической группы «Рабочей Воле» совокупно дружными силами защищать интересы рабочего класса, вести агитации в пользу рабочих распространять наши листки и т. д., и т. д. Товарищи, следует вам только задаваться вопросом: что нам принесло интеллигенция за прошлое и настоящее время и в будущем, что принесет пользы? Тогда получите один только ответ: Долой начальствующую интеллигенцию. Долой самодержавный строй.

Да здравствует Социал - демократическая Рабочая Воля.

Житомирская группа Черкасской социал - демократической Рабочей Воли.

* * *

Были минуты, когда нам казалось, что мы накануне боев, моменты, которые создавали радость жизни, заставляли волноваться каждого из нас, ибо мы с нетерпением ждали, когда нам придется с оружием в руках померяться с темными силами самодержавия; были и моменты упадка настроения, ибо реакция крепла, революция шла на убыль, началась эра погромов... Но и здесь являлись просветы, когда организация чувствовала, что ее работа имела значительный успех, что она опирается на сознательную рабочую массу. Я считаю нужным в другой раз поговорить особо о Житомирском погроме, поскольку я считаю, что в данном случае важен не сам погром, а участие организации, в ликвидации его и рост ее влияния после погрома.

Заканчивая настоящие свои воспоминания, я не могу не коснуться характеристики некоторых товарищей, которые в то время работали в организации, и следы работы которых памяты многим из местных рабочих.

Костя Рик — интеллигент, уволенный из университета за студенческие беспорядки и сданный в солдаты. Революционер и с.-д. с 1901 г., сидевший несколько раз в тюрьме, вполне выдержанный марксист-пропагандист и агитатор. Один из первых работников Житомирской организации РСДРП.

Ваня Шуткевич — интеллигент, бывший семинарист, выгнанный за революционность. Хороший оратор (митинговый), любимец массы, также несколько раз сидевший в тюрьме, революционер-профессионал.

Мицик — интеллигент, бывш. студент-политехник, уволенный из института как революционер, сидевший несколько раз в тюрьме. Хороший технический работник, конспиратор. Заведывал техникой и конспиративными квартирами, а также вел пропагандистскую работу в кружках.

Адам Кашевский — интеллигент, бывший экстерн, вполне сознательный и преданный революции с.-д. Технический работник и пропагандист.

Яков Гойхберг — бывш. экстерн, теоретик комитета, хороший организатор и пропагандист. Впоследствии профессионал-революционер, сидевший несколько раз в тюрьме.

Андрей Скрыпник — рабочий, массовик, агитатор, представитель центр. сходки вполне сознательный с.-д., побывавший также в тюрьме.

Фридман и Шнейдер — интеллигентки, вполне сознательные с.-д., пропагандистки и организаторши женщин-работниц.

Борис Бык — рабочий, гнумомельщик, организатор-массовик, представитель Центр. Сходки (перешел к нам в организацию из «Бунда»).

Кроме этих товарищей комитетчиков, наиболее выдающимися, сознательными и преданными делу революции являлись Петя Рожанский, Исаак Шварцман (Литейщик), Петя Дыхне (умер на поселении) и другие фамилии и имена которых я не помню. Надеюсь, что эти мои отрывки воспоминаний прочтут некоторые из моих сотоварищей по организации и исправят, может быть, вкравшиеся неточности и ошибки в датах и подробностях событий, которые неизбежны при составлении воспоминаний о том, что произошло 20 лет назад.

Н. КАРПЕНКО. (ЖОРЖ)

Из истории Александровской организации

(Воспоминания участника 1901—1905 г.г.)

1

Двадцать лет... Двадцать лет прошло со времени первой революции. Со времени первой «дерзкой» попытки пролетариата взять власть в свои руки. Попытки раздавленной, затопленной в крови...

Прошла целая эпоха. Как далеко все это и в то же время как близко...

Долг каждого участника прошлой борьбы восстановить отдельные ее моменты, как бы ни казались они незначительными в общем размахе революционного движения.

Новые события застилают прошлое, память отдельных участников стирается. Приходится многое восстанавливать с трудом. Однако отдельные, даже мелкие штрихи могут послужить материалом к истории нашей революции, к истории героического руководителя пролетариата — Коммунистической Партии.

Будучи участником первой революции, постараюсь и я вспомнить, восстановить, что смогу из этой эпохи.

Первое мое революционное крещение произошло в городе Александровске, с ним связано мое первое участие в революционной борьбе, мое первое участие в партийной работе.

Революционное движение в гор. Александровске (ныне Запорожье) прошло все характерные этапы революционного движения в России вообще.

Прежде всего о самом городе. Незначительный по размеру Александровск в описываемое мною время являлся уже одним из крупных фабрично-заводских и торговых центров. Водным путем он был непосредственно связан с морем и являлся передаточным пунктом для нашего экспорта. Экономический рост Александровска обуславливался также и тем, что в нем сходились два железнодорожных пути (Курско - Харьков - Севастопольская железная дорога и 2-я Екатерининская, с отдельными вокзалами и самостоятельными мастерскими). В то время в Александровске насчитывалось более 30 тысяч населения, третью часть которого, по крайней мере, составлял пролетариат. Основными предприятиями были крупные фабрики и заводы, изготовлявшие сельскохозяйственные орудия

и машины. Кроме этого были кирпичные заводы, несколько паровых мельниц, пивоваренных заводов и много мелких кустарного типа предприятий.

Следует отметить также, что во время строительного сезона в Александровске стекалось порядочное количество пришедших строительных рабочих — каменщиков, плотников и пр. В общем Александровск к этому времени насчитывал не менее 10 тысяч пролетариата и экономически бурно рос.

В культурном отношении город также вырос. Имелись уже средние учебные заведения — механико-техническое училище, женская гимназия, торговая школа. Был построен Народный дом. Конечно, были и театры.

Интеллигентская верхушка — работники земской управы, часть учителей, врачи, банковские служащие и прочие были с некоторым налетом либерализма, что, несомненно, создавало частичные удобства для работы подпольной организации.

Относительно «властей держащих» Александровск также не был на последнем месте. В нем подвизался знаменитый жандармский ротмистр Будагосский. Видный черносотенец, зубатовец, хулиган и погромщик, Будагосский впоследствии сделался российской знаменитостью (о нем был сделан даже запрос в Государственной Думе). Методы его работы — угрозы рабочих, давление на заводчиков, издание «подпольных» черносотенных листов, организация погромов, одним словом — характерные методы царской управляющей касты того времени.

Для полноты обзора обстановки, при которой приходилось работать подпольно, следует остановиться на географических условиях. Расположение города у реки давало возможность устройства собраний на острове, на другом берегу, что затрудняло доступ полиции и жандармов. Наличие у Александровска плавней давало также хорошие места для собраний.

Кроме того, некоторая недоступность рабочих окраин (Карантинка, Слободка) создавала также возможность более или менее спокойно собираться там на кружковые занятия.

Впервые революционная работа была начата сравнительно давно в 1898 — 1899 году, кажется тов. Щедровичем. Однако, она ограничилась всего лишь созданием рабочего кружка. Следов этого кружка в Александровской организации не осталось и влияния на последующую работу в смысле передачи преемственности и связей этот кружок никакого не оказал. Начало с.-д. организации следует, несомненно, отнести к 1901 году. Крупную роль в ее построении и создании сыграл в то время студент Малеев Александр Феокистович. Вся его работа и деятельность в Александровске протекала на моих глазах, да я и сам вступил в организацию благодаря ему, поэтому мне не трудно охарактеризовать как его деятельность, так и первые шаги в построении организации.

Малеев, сам уроженец Александровска, учился в харьковском университете. Был исключен оттуда. До начала работы в Александровске он имел уже некоторый тюремный стаж и опыт в подпольной работе как в Харькове, так и в Екатеринославе. В работе Малеев отличался настойчивостью и в то же время осмотрительностью, легко узнавал людей, определяя их более или менее безошибочно. Последнее компенсировало до известной степени недостаточные орга-

низационные навыки. По тому времени Малеев обладал уже порядочной эрудицией и вполне соответствовал роли руководителя зарождающейся организации. Чрезвычайно мягкий, сердечный и отзывчивый в личной жизни, он был достаточно твердым и непреклонным в вопросах партийных. Умел использовать всякие общественные связи.

Вернулся Малеев в Александровск в 1900 году. Конечно, первые шаги больших результатов не давали. Даже связи с заводами устанавливались чрезвычайно медленно. Кажется, одним из первых втянутых рабочих был Рыбасов. Литературы было также немного (только то, что привез Малеев с собою из Екатеринослава), связи регулярной с Екатеринославом тоже не было. Однако, постепенно работа стала разворачиваться. Создавались кружки. Приблизительно к середине 1901 года приехала из за границы, где была на медицинских курсах, Юлия Галактионовна Жилинская, будущая жена Саши Малеева. К этому моменту относится и мое с ними знакомство. Юлия Малеева не только по связи ее с заграницей, но и как работник оказалась ценным человеком для организации. Подготовка ее, подход к рабочим, энергия, с какою она отдавалась работе, сделали ее вскоре руководительницей строящейся организации. Вела она, кажется, пропагандистскую работу, руководя кружками. Занимаясь частными уроками, Малеевы вовлекали своих учеников в партийную работу, готовя из них будущих пропагандистов. Как ученик их, я почти с первых же дней оказался «обращенным» и, конечно, помогал, как мог. Как сейчас помню, как Саша в целях агитации читал мне произведения Горького, кажется, не то «песню о Соколе», не то «о Буревестнике».

Точного распределения работы вначале в организации не было. Вся работа концентрировалась в семье Малеевых. Они были и организаторами, и пропагандистами, и агитаторами, и «техниками».

Как я уже говорил выше, Малеевы собирали вокруг себя учеников и втягивали их в организацию. В числе таковых были: из торговой школы — Петр Мысенко, из женской гимназии — Стояновская и Гуревич (брат которой, экстерн, в то время также принимал участие в работе) и из технического училища — я, Ефим Герасимов и Леля Меерсон. Для учащихся была подобрана специальная библиотека. Хранилась она у доктора Кондорского. Из литературы библиотеки помню — «На рассвете» Ежа, «Спартак» Джiovаниоли, «Овод» Войнич...

К зиме 1901 года уже были установлены связи почти со всеми заводами, в чем большую роль сыграл Рыбасов. Было организовано более десятка сравнительно регулярных кружков, выпускались уже свои листки (на гектографе). Установлена была также связь с окрестными деревнями.

Таким образом с первых же своих шагов организация осуществляла будущую задачу партии — смычку с селом — и брала на себя руководство пробуждением села и его организацией. Одним из работников села был учитель Карл Тиссен, мой личный товарищ, с которым я впоследствии жил вместе на Кавказе, где мы с ним одновременно «отдыхали» в тюрьме, после чего были высланы из пределов Кавказа под надзор полиции, избрав местожительством тот же Александровск.

Дом Малеевых, где было положено начало с.-дем. организации
г. Александровска (Запорожья).

Дом Израилевской, где печатались листовки Александровской организации.

К этому же времени была установлена связь с «либералами».

Либеральные земцы, врачи и прочие всецело находились под влиянием партийной нашей организации и оказывали ей материальную поддержку. В числе таковых были: директор технического училища Поддергин со своею женой, П. Чижевский — секретарь земской управы (в период Октябрьской революции член Ц. Р., сейчас в эмиграции) и другие.

Отношение «властей» к развивающейся работе из выжидательного превратилось уже в активное. Начались обыски и даже аресты. Были, конечно, обыски и у Малеевых. Но все как-то сходило с рук. Был момент, когда Малеевы чуть не засыпались, благодаря случайности: во время обыска шел на квартиру к ним молодой рабочий завода Мензиса (фамилии не помню), имея при себе нелегальщину, но у самых ворот, при виде городских, он повернул обратно.

Впрочем, аресты этого времени на организации не отражались неблагоприятно, скорее наоборот: организация в глазах рабочих и интеллигенции приобретала все большее и большее значение. Фамилий арестованных в этот период я не помню, арестовывались лица как входившие в организацию, так и только сочувствовавшие.

Следует отметить, что хотя к этому времени организация и охватывала кружками более сотни человек, однако народ это был текущий, не всегда — то регулярно и кружки посещающий; постоянный же кадр состоял из нескольких десятков человек.

Действительную голову врасплох захватить было трудно. В большинстве случаев действия полиции и жандармов были нам заранее известны. Отцом Юлии и Зины Малеевых (Зина была женой брата Саши — Митрофана) был воинский начальник Жилинский, через которого они могли своевременно узнать о той или иной надвигавшейся туче. Что же касается аппарата шпииков, то в таком городке все ведь было на ладони. Партийцы не только знали всех шпииков, но, пожалуй, своими подозрениями грешили даже против тех или иных безобидных обывателей. Мы все, например, почему-то считали шпииком хромого Бовенко, слишком часто прогуливавшегося по городу в крылатке-накидке. Возможно, что это была с нашей стороны напрасная подозрительность, а, может быть, и не бесцельно повсюду неожиданно появлялась хромящая фигура в крылатке.

Уже к концу 1901 года оформление Александровской организации можно было считать законченным.

В это время я уже был прочно связан с организацией, делал и сам, что мог, но больше работал над собой и связывал с организацией учащихся технического училища. Из рабочих этого времени припоминаю тов. Магалу (кличка «Могила») Афанасия, рабочего завода Коппа (возможно, конечно, что мои даты и хромят — может быть, работу Могилы следует отнести к следующему году).

Из состава первого Комитета припоминаю твердо лишь Сашу Малеева, Нину Науменко и Карла Тиссена, переехавшего из колонии Хортицы в город, кажется, вследствие начавшихся там провалов. С последним отношения мои,

как-то увязались особо и я многим обязан ему в своей грамоте и политграмоте. Тиссен был разносторонне образованным человеком: особенно был силен он в философских вопросах. Склада был большевистского и большевиком стал во время наших партийных разногласий. Припоминаю, как он мне с самого начала развивал свою теорию аграрных требований (он был работником села), сводившуюся к национализации земли, предвосхищая этим наши будущие разногласия с меньшевиками в аграрном вопросе. Слышал — умер он, где-то в Финляндии...

В 1902 году работа уже кипела во всю. Появилось много свежих людей, приехавших из Москвы, Екатеринослава. Кроме указанных выше, помню Фаину Голяк и Зою Покровскую (кажется, обе фельдшерицы). Были уже и профессионалы. Существовал общегородской Комитет. Организация постепенно охватывала уезд. Из Александровска работники посылались для проведения собраний даже в Никополь. Была установлена связь с Крымским Союзом (отдельно с Мелитополем, Симферополем и Севастополем) и с Харьковом. Литература поступала уже в сравнительно достаточном количестве. Получались «Искра», «Южный Рабочий». Из брошюр припоминаю: Дикштейна «Кто чем живет», Либкнехта «Пауки и Мухи», Каутского «Эрфуртская программа», «Хитрая Механика» (эсеровская); Плеханова «Русский рабочий в революционном движении»; журнал «Заря», речь Петра Алексеева и другие. С этой литературой уже можно было вести более широкую работу. Кроме того, и мы издавали листки по всякому поводу и без поводов. Наша «техника» значительно улучшилась. От гектографа мы перешли к mimeографу, на котором можно было отпечатать до двух тысяч листов¹⁾.

Массовый выпуск листков и то, что сейчас называется «индивидуальной обработкой», расширяло количество рабочих, охватываемых организацией. Не прерывая кружковой работы, организация переходила постепенно на массовую: устраивались собрания — массовки — с сотнями участников. При организации массовок, обычно на плавнях, устанавливались патрули с ракетами для сигналов о надвигающейся облаве, а иногда — с револьверами. Кажется, в 1902 году была отпразднована и первая маевка в Александровске.

В смысле четкости и оформленности работы организация также имела известные достижения. Для собраний наиболее активных работников была специально снята квартира в самом центре около собора, в плохо застроенном месте. Во дворе, насколько помню, жил Гриша-сапожник. Место имело то преимущество, что в случае облавы был выход на любую из четырех улиц.

Явки давались на земство, были явки и у рабочих. Пунктом для встреч была также и библиотека, заведующая которой иногда хранила литературу и библиотеку пополняла соответствующими книгами.

Литература, в особенности «Искра», получалась по почте в соответствующих фирменных конвертах на адреса земства, банка и других учреждений.

¹⁾ Mimeограф устроен след. обр.: на восковой бумаге стальной палочкой через терпуг пишется трафарет, выдавливаемый мелкими дырочками; прокаткой валика по трафарету отпечатывается на подложенной бумаге текст листка. Прим. авт.

При хранении литературы прибегали уже к устройству потайников. Так у Зины Малеевой в подоконнике был сделан рабочий, у которого жил Карл Тиссен, довольно удачный потайник. Кстати сказать, у этого рабочего был кумом жан-дарм, что для получения тех или иных сведений тоже было небезполезно.

К этому времени относится появление в организации некоторых разногласий. Часть, правда незначительная, под влиянием «Рабочего Дела» начинает поговаривать о движении «без политики», склоняясь частично к экономизму. В числе этих товарищей был и Рыбасов. Однако, это течение или, лучше сказать, его зачатки больших корней не пустили. Организация оказалась единой, экономизм был бит. Быстрому изжитию «экономических» настроений способствовала «Искра», которую зачитывали не только до дыр, но буквально до трухи.

В середине 1902 года были произведены многочисленные аресты. Были арестованы и активные члены организации, однако, аресты не затронули членов комитета. К этому времени в организации образовалось уже значительное ядро передовых рабочих. Мочалов, Макар (Иван Криворучка), Басонец, Малышев, Иван Мысенко, Дм. Буцанов, Жан-Руль (кличка), Григорий Жевжиг, упоминавшийся уже мною Магала — все эти товарищи составили в дальнейшем рабочий хребет организации. По своим личным качествам они несомненно более соответствовали духу большевизма, хоть и считали себя тогда меньшевиками (некоторые из них отошли от революционной работы, другие и сейчас в наших рядах).

II

До 2-го съезда как-будто особых ярких моментов не было. Работа шла, крепла. Организация являлась монопольной — не было других партий. Эсеры не свили у нас даже маленькой группки. Внутри организации шли дискуссии о соц.-революционерах и нашей тактике. Организацию это лишь оживляло, не угрожая ничем.

Для агитации среди рабочих текущая действительность давала много материала. Большое впечатление произвела ростовская стачка 1902 г. Златоустовские события в 1903 г. волновали, вызывали возмущение.

В 1903 г. перед съездом стали намечаться у нас внутрипартийные разногласия, по крайней мере среди верхушки организации. Саша и Юлия Малеевы и Карл Тиссен определились, как ленинцы, еще до съезда. Широких партийных масс намечавшиеся разногласия глубоко не затронули. Следует заметить, что и в Александровске разногласия между большевиками и меньшевиками не стояли остро. Организация нетерпимостью не отличалась, фракционно не строилась и, я бы сказал, не выявляла резко свою фракционную физиономию, допуская к работе оба течения. Споры, конечно, внутри велись ожесточенные, но в общем как-то само собою формально организация числилась меньшевистской, хотя был период, когда большинство комитета было большевистским. Это был комитет второго состава, в каковой входил уже и я.

Всеобщая забастовка Юга России дала отзвук и в Александровске, отменившим это событие частичным прекращением работ.

В этом же году (1903) возникла мысль о создании настоящей (подпольной) типографии. Саша Малеев отправился в Одессу за литературой, шрифтом, валиками и проч. Вернулся без типографских принадлежностей. Шрифт и прочее были присланы потом и хранились Могилой. До устройства типографии листки печатались довольно часто на mimeографе в квартире фельдшерицы Анны Семеновны Израилевской (ныне этот дом числится под № 73, Гоголевская ул.) во дворе во флигельке. В печатании листков я принимал деятельное участие и достиг известной в этом деле виртуозности. Помогала мне в работе дочь Израилевской, Екатерина Семеновна (обе живы и сейчас).

В это время из приезжих работали в организации товарищи: Валериан (кажется, Островский), Осип и Таня. Среди железнодорожников особым влиянием пользовалась Таня. На кружках молодые рабочие буквально глотали каждое ее слово.

После 2-го съезда отчет делал кто-то из приезжих товарищей. Результаты съезда и разногласия всколыхнули организацию. Начались везде ожесточенные прения. Большевики как будто преобладали, однако, комитет в большинстве оказался большевистским. Вошел в комитет и я. Товарищи Малеев, Тиссен, Беленький, входившие в комитет, были определенно большевиками. Я также считал себя большевиком, но нашим разногласиям в то время еще не придавал большого значения.

Считаю нелишним отметить следующий случай, отчасти личного свойства. Наглость ротмистра Будагосского, аресты, его погромная агитация меня, как и многих других, чрезвычайно нервировали. С этим типом я решил покончить и уже начал серьезную подготовку к его «ликвидации». Технически почти закончив план, сорганизовал для этого группу молодых рабочих (моего кружка). Но так как я от Саши ничего не скрывал, то и поделился с ним своим планом. Партийный же комитет под страхом исключения меня из организации террористический акт запретил. Возможно, что если бы не вмешательство комитета, судьба моя оказалась бы иной: мог пойти по эсеровскому пути или стать анархистом. Впрочем, и сейчас при воспоминании об этом досадую на запрещение — больно уж гнусный тип был Будагосский.

Вскоре я с Карлушей Тиссеном выехал в Тифлис, где поступил слесарем в мастерские по проводке керосино-провода на ст. Навтлуг. Участвовал в забастовке, был арестован, выпущен и вторично, вместе с Карлом, «сел» в Поти и был выслан из пределов Кавказа под гласный надзор полиции.

Вернувшись в Александровск и связавшись с организацией, я поселился на Слободке у одного кузнеца. В это время в организации из новых лиц работали Юлий и Николай Петрович, оба меньшевики. Настоящей фамилии Юлия не знаю, фамилия же Николая Петровича — Шмелев. Юлий отличался колоссальной памятью и эрудицией и много помог мне при изучении 1-го тома Капитала.

Работа организации в это время еще более оформилась. Существовали 2 коллегии (так и назывались) — коллегия пропагандистов и коллегия агитаторов. Коллегии эти более или менее регулярно собирались для проработки тех или иных тем и программы партии (я входил в обе). Помню, как мне было

поручено сделать доклад об историческом материализме. Ответственным пропагандистом был Юлий и к нему обращались пропагандисты по всяким вопросам, за разъяснениями и справками. Он, не задумываясь, орудовал датами, цифрами, цитатами.

Работали в это время Беленький, Русаков, Гуслицер, Яша Кравцов (фармацевт). Выдвигались новые молодые работники, частью из среды учащихся — т.т. Берков, Мотя Гуревич, Ионя Литвинов, Боня Циммер, Лисянская, Вася Мысенко, Лида Кохман, Моня Колчинский, Катя Певзнер, Гершкович, Алеша Жевжик. В числе пропагандистов работала тов. Анюта, кажется, в городском районе. Ответственным организатором городского района был товарищ Андрей, рабочий-колесник, имевший почти в центре города свою колесную кустарную мастерскую (для «конспирации» больше).

Мастерские второй Екатерининской дороги выдвинули в свою очередь дельных ребят. Лучшими нашими работниками там были Ваня Холин и Лисичкин. Следует отметить, что постройка мастерских 2-й Екатерининской дороги в смысле усиления организации сыграла большую роль. Прибыл новый кадр рабочих, часть которых уже принимала участие в тех или иных забастовках и волнениях в различных городах и имела некоторый стаж в рабочем движении и борьбе. Кроме того, эти новые рабочие не были связаны оседлостью, не «обросли» еще своим хозяйством, своими домиками и поэтому влиянию организации поддавались быстрее, в особенности в связи с вспыхнувшей революцией.

Новая обстановка работы, усилившаяся тяга к революционной борьбе широких масс, наличие революции — все заставляло расширять деятельность. Членов организации насчитывалось уже несколько сот человек. Бурлившее революционное настроение требовало выхода. Массы выдвигали вопрос о переходе от кустарничества к открытой широкой работе, к устройству митингов. Помню, что в это время среди рабочих зарождалась оппозиция партийному аппарату, они требовали новых методов работы.

Как-то само собой сорганизовалась в центре города так называемая «биржа» — место открытых собраний, встреч, споров и дискуссий партийных товарищей и сочувствующих. «Биржа» занимала два-три бульвара по Соборной улице, вблизи полицейского управления. Подозрительных лиц и просто обывателей с указанных бульваров изгоняли. С захода солнца и до позднего вечера, часов до двенадцати, «биржа» жила и кипела. Нередко были попытки полиции и казаков разогнать ее. В моменты разгона создавались импровизированные демонстрации с пением революционных песен (любимыми песнями были «Красное Знамя» и «Нас давит, товарищи, власть капитала»). В различных частях бульваров отдельные кучки рабочих вели страстные, ожесточенные споры по партийным и политическим вопросам. В иные моменты «биржа» дерзко и гневно проявляла себя, в особенности когда нужно было отстоять того или иного товарища. Стоило услышать крик: «Товарищи, ко мне», как все устремлялись по направлению зова. Таким образом, при помощи «биржи» несколько раз были отбиты арестованные товарищи, в то время, когда их на извозчике препровождали в тюрьму. После этих случаев полиция избрала другое время для

отправки арестованных из полицейского управления. Следует заметить, что наличие «биржи» не являлось особенностью Александровска. Они имелись почти во всех городах. Создание «бирж» давало много удобств для работы организации. При помощи «биржи» легко было приезжим установить потерянные связи, при их помощи условились о предстоящих собраниях и массовках, на них уже устраивались партийные денежные сборы, находились нужные ночевки и т. д. «Биржа» показывала и полиции и обывателю, что революционное движение живо и растет, что оно имеет за собою массы.

Импровизированными демонстрациями «биржи», в особенности хором, певшим революционные песни, руководил тов. В. Мысенко.

Вообще петь александровская организация очень уж любила. Пели на массовках, пели на «бирже», пели после заседания «руководящего коллектива» на острове, пели на лодках, пели в плавнях. И репертуар песен был достаточный. Каждая новая песня быстро разучивалась.

III

9-е января наэлектризовало партийные массы. Для каждого члена организации стало ясно, что революция уже началась. Всякий призыв к революционным действиям волновал, находил отклик. Гапон в первое время приобрел в глазах массы некоторый романтический ореол. Фотографические портреты Гапона ходили по рукам, его воззваниями и прокламациями зачитывались. Особенным успехом пользовалась прокламация, начинавшаяся словами: «родные, кровью спаянные братья». Его призыв к открытой борьбе, его «благословение» бомб, револьверов, динамита отвечало настроению рабочих.

Что же касается тактических взглядов, — то несомненно, что в главных вопросах организация в своем большинстве скорее разделяла взгляды большинства, чем меньшинства.

Среди нас большим влиянием пользовалась брошюра Ильича «Шаг вперед — два назад», так ясно и ярко анализировавшая разногласия на 2-м съезде и изобличавшая организационный оппортунизм меньшевиков.

По вопросу необходимости созыва 3-го съезда мы вполне разделяли позицию Бюро Комитетов Большинство и не понимали причин оттяжки съезда ЦК. После 3-го съезда хотя и велись у нас дебаты, считать ли его съездом или конференцией, подобно меньшевистской, однако резолюции съезда больших сомнений в смысле их проведения в жизнь не встретили.

Не помню уж каким образом, но у нас в июне 1905 г. оказался один экземпляр нелегального издания протоколов съезда. Материала для внутрипартийной дискуссии там было достаточно. Жаль только, что нами не принимались по поводу тех или иных вопросов соответствующие резолюции. Вспоминая прошлые споры, я не сомневаюсь, что при принятии резолюций большинство оказалось бы на стороне «большинства». Это можно утверждать, если вспомнить, как реагировала организация на важнейшие моменты 1905 года. Например, по вопросу о комиссии Шидловского мы в разъяснениях массам выявили всю ее

никчемность и разоблачали стремление правительства успокоить и обмануть рабочих. Ответом на 9-е января, говорили мы, может быть лишь вооруженное восстание. И мы, действительно, усиленно к нему готовились. Отношение к Булыгинской Думе было явно отрицательным. Мы стояли за бойкот Думы. Никто и не думал об ее использовании для организации рабочих масс.

Идею всеобщей забастовки организация поддерживала, считала ее орудием революционной борьбы, допускала ее возможность и практически в ней приняла участие.

Вопрос о вооруженном восстании также разрешался положительно, и организация к нему готовилась. Вооружались почти все партийцы. Для вооружения собирались средства, в мастерских ковались пики и другое холодное оружие.

Вопрос об участии во Временном Правительстве определенным партийным постановлением не был у нас разрешен, но вокруг него шли споры.

В середине 1905 г. под руководством П. И. Чижевского был в земской управе устроен банкет либералов. Так как банкет происходил вечером, то довольно значительное количество рабочих в качестве публики наполнило зал. В этот вечер мы достаточно попортили крови и либеральным земцам и полиции. Диссонансом ко всем сладким осторожным речам либералов оказалось выступление тов. Петра - Натана (большевика), произнесшего из публики краткую, но сильную речь от имени организации, указавшего на задачи, поставленные революцией, и на необходимость подготовки пролетариата к вооруженному выступлению (Натан работал у нас недолго и вскоре после своего выступления на банкете уехал).

Из крупных работников - «профессионалов», кроме Юлия, о котором я уже говорил выше, в Александровске работал меньшевик Николай Петрович (Шмелев). Чрезвычайно размеренный, ровный, спокойный работник, Николай Петрович обладал представительностью и солидностью. Вид такой, кроме приличного костюма, придавала ему довольно большая черная борода. Проработал у нас он недолго и скоро был арестован. Чрезвычайно характерно, что арест Николая Петровича был произведен не жандармами и не полицией, а черносотенцами-добровольцами, подсмотревшими в щелку, когда работала типография. Ворвавшись на квартиру на Слободке, они успели арестовать 3-х товарищей, четвертый же, разбив окно, бежал, при чем Николаю Петровичу при аресте разбили голову поленом. Этот арест нанес нам сильный удар, в особенности вследствие пропажи пудов 2-х, а может быть и больше, типографского шрифта.

Выпуск листка в связи с арестом был крайне необходим, и мне пришлось взяться за это дело. Так как наших товарищей захватили во время печатания листков на mimeографе, то многие части mimeографа, как - то : валики, краска, рама, погибли вместе со шрифтом. Нужно было срочно восстановить хотя бы mimeограф. Я заказал формочку для валика из цинковой жести, ручку к нему сделал мой хозяин - кузнец; валик в один день был отлит из гектографической массы, но более плотного состава; раму сделал из картона; трафарет листка был быстро написан, так как терпуг (соответствующей чеканки напильник) уцелел. Квартиру условился получить у Израилевской, по традиции. Все было готово.

А ночью меня арестовали на квартире два жандарма по ордеру Будагосского и посадили в полицейское управление. Расстроен я был чрезвычайно, не так арестом, как тем, что сорвано было печатание листов. Когда утром меня привели на допрос к Будагосскому, я решил «разыграть дурака» и этим самым добиться своего освобождения. С самым невинным видом я начал доказывать Будагосскому, что меня арестовали напрасно, что мне сидеть сейчас нельзя (хотя, конечно, меня выпустят в конце концов, как невинного), так как я могу потерять свои уроки, т. е. свой единственный заработок.

— Вы знаете, за что вас арестовали?

— Нет.

— Вы знаете, что на-днях арестована типография?

— Знаю.

— Что же вы знаете? — спросил Будагосский, заметно обрадовавшись.

— Знаю, что арестовано пудов десять шрифта, типографские машины и целый склад прокламаций и книг (я сознательно переувеличивал, чтобы у него создалось впечатление, что я ничего не знаю).

— Хорошо (в голосе разочарование). — А не знаете ли при каких условиях произошел арест?

— Знаю (продолжая выдумывать), при аресте оказано вооруженное сопротивление. Арестовано человек двенадцать, несколько революционеров ранено. Трое из-под ареста бежало.

— Чья типография арестована?

— Говорят, анархистов.

— Откуда вы знаете эти подробности?

— Вы видите, что я ничего не скрываю, так как, будучи не при чем, — не боюсь. Подробности знаю потому, что их знает весь город и о них говорят. Сам же я, как вам известно, живу на Слободке, а там ведь и была арестована типография.

— Но ведь вы сейчас под гласным надзором полиции?

— Да, но по ошибке и недоразумению, происшедшему в Потти. Вы сами должны знать, что мое поведение в Александровске безукоризненно.

— Ошибка на Кавказе, ошибка здесь. Странно! — Разговор этот надоел мне и я замолчал. После некоторого раздумья Будагосский меня освободил. Поверил ли он мне, не знаю. Быть может, как и я, разыграл дурака. Во всяком случае я должен был быть очень осторожным, чтобы не поспособствовать провалу. Дня через два листки уже печатались, к работе приспособил других товарищей, не то Алешу Жевжика, не то В. Мысенко, для преемственности на случай моего ареста. Мимеограф снова заработал. Дело было налажено.

Сам же я, как и ожидал, быстро «сел». Будагосский «валял дурака» и несколько дней поиграл со мною в кошки-мышки... Представ перед его очи вторично, я (о радость!) увидел у него на столе наш свежее-отпечатанный листок. Узнал от него, что обвиняюсь по делу участия в типографии (вместе с Ник. Петровичем), так как кто-то показывает, что я тот, кто разбил окно и бежал. Будагосский лично измерил мои пальцы, уши и т. д. Отправили в тюрьму,

предварительно сфотографировав. Посадили в одиночку. Потом перевели в камеру, где сидел еще один товарищ (Черняк — дамский портной).

Прошло несколько дней. Что-то там на воле? (Передачу мы получали от «Красного Креста»). Идет ли работа? Провалы чувствовались сильно, так как тюрьма пополнялась все новыми арестованными. Как-то вечером я сидел, задумавшись... Черняк спал. Вдруг я слышал доносившиеся издали звуки песни: «Нас да-вит, то-ва-рищи, власть капи-та-ала, царя-щего мо-ощно по-всюду»...

Ближе, громче. Как сумасшедший я стал будить Черняка.

Вот уже у решеток тюрьмы... Громко, победно:

«Пусть крас-ное зна-а-мя собой оз-на-ча-а-ет

Иде-ю ра-бо-о-чего лю-да».

Отчетливо слышим возглас: «Товарищи, не расходись».

Потом выстрелы. Прошли. Постепенно удаляются с пением революционных песен все дальше и дальше.

«Но день на-станет не-из-бе-ежный»... доносится издали.

Значит борьба идет! Для нас пришли в тюрьму — помнят своих товарищей... Какие яркие минуты дала тогда нам, узникам, эта демонстрация!.. Двадцать лет прошло, а до сих пор живы все настроения того момента.

Через некоторое время меня перевели в общую камеру. Я не буду подробно описывать тюремные условия. Ведь все тюрьмы так однообразны. Везде тот же режим, столкновений с тюремной администрацией, голодовки, карцера, десяти-минутные прогулки. Пища тоже везде почти одинакова: в борще или супе неизменно плавают кусочки бычачьей головы и неизменно находишь бычачьи зубы...

Победоносное развитие революции отражалось на улучшении режима тюрьмы. В одно прекрасное время меня вызвали на свидание. Оказалось — Поддербин (директор технического училища) с женой пришел «навещать, как бывшего питомца».

Узнал от него много нового. Уверял меня, что нас скоро выпустят. Рассказал, как его полоснули нагайкой в то время, когда демонстрация направлялась в тюрьму для нашего освобождения.

После опубликования манифеста в нашу камеру влетел вечером Будагосский.

— Товарищи. Свобода, равенство, братство. — И начал освобождать наименее замешанных. Менял шкуру, не знал как держаться... (А в это ж время готовил погром).

24-го октября были освобождены и мы (я, Николай Петрович по делу типографии и другие).

Жутко было видеть во что превратился город: разрушенные, сгоревшие дома, на Соборной зияющий дырами громадный дом Лещинского. Погром удался черной сотне. Рабочие, как я узнал по выходе из тюрьмы, оказали погромщикам активное сопротивление и, если бы не вмешательство казаков, никакого погрома не было бы. Пьяное хулиганье и переодетая полиция оказались очень трусливыми. При первых выстрелах самообороны этот сброд обратился в бегство. Но на помощь им явились казаки и в упор расстреливали самооборону. Вслед за казаками, под их прикрытием, хулиганье продолжало погром и грабеж. На окраинах

рабочим удалось отобрать награбленное. Все вещи направлялись в школу около Южного вокзала. Была установлена рабочая охрана отобранного имущества. Казаки сделали было две-три попытки снова разграбить отобранное, но благодаря стойкости рабочих это им не удалось. Сохраненное рабочими имущество было после погрома роздано пострадавшим.

Через два-три дня после освобождения я уехал в Крым, где начал работать среди крестьян Феодосийского уезда. После призыва на открытых крестьянских митингах в декабре к вооруженному восстанию пришлось удрать в Екатеринослав. Здесь я узнал некоторые подробности дальнейших событий в Александровске и героического вооруженного восстания, в котором кроме рабочих принимали участие и крестьяне соседних сел¹⁾.

* * *

Итак, Александровск прошел весь путь роста и развития революционного движения: сперва связь с 2—3 рабочими, потом — кружки, связь со всеми заводами, дальше — забастовки, митинги, потом — всеобщая забастовка и, наконец, восстание — венец активности и классовой сознательности пролетариата.

Вспоминая теперь через 20 лет всю прошлую работу организации, я совершенно объективно прихожу к выводу, что рост, развитие и успехи ее явились результатом практически-последовательно проводимой в основных вопросах линии ленинизма.

Вначале создание партийного хребта, кадр профессиональных революционеров, связь с массами. Потом — выдвижение активных рабочих на руководящие партийные роли (в большинстве своем «руководящий коллектив» состоял из рабочих). Далее — вооруженная организация самообороны, зародыш будущих боевых отрядов вооруженного восстания; наконец, всеобщая забастовка и вооруженное восстание.

Организация энергично боролась за свою «гегемонию» в революционном движении, в вопросах отношения к либералам организация занимала позицию третьего съезда. И теоретически и практически она принимала постановления этого съезда.

Александровскую организацию, даже если подходить к ней формально, нельзя считать меньшевистской, а по крайней мере объединенной, так как работали в ней оба течения. Объективно же организация проводила линию большевизма. Не следует также забывать момента, когда Комитет (2-го созыва) был по составу своему большевистским.

Многие товарищи александровцы сейчас в рядах Коммунистической партии — я, Малеев, Магала, Криворучка, Фалькевич, Коломойцев. Некоторые хотя и не среди нас, не члены партии, но несомненно уже с нами, уже поняли, осознали пролетарскую революцию...

¹⁾ О вооруженном восстании в Александровске см. сборник Запорожского истпарт «На баррикадах в Александровске». Прим. ред.

ОТДЕЛ III

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография

Павло Христюк, „1905 рік на Україні“, ДВУ, Харків, 1925 р., стр. 238, ціна 1 крб. 95 коп., тир. 5000 прим.

За последние 1½—2 года появилось весьма значительное количество, как индивидуальных, так и коллективных работ по истории первой революции на Украине. Все эти исследования и сборники посвящены или отдельным эпизодам и отдельным сторонам великой борьбы 1905 года (крестьянское движение, восстания на Черном море и т. п.) или же связаны с каким-нибудь территориально ограниченным районом. (Екатеринославский сборник, «1905 г. в Одессе и Одесщине» и т. п.).

Общая история революции 1905 года на Украине до сих пор еще не написана, несмотря на то, что разработка сырых материалов подвинулась за последнее время очень сильно и создает возможности для выполнения подобной сводной и исследовательской работы. Такой труд несомненно представлял бы огромный интерес, при том, однако, непременно условии, что его автору удалось бы нарисовать цельную картину хода революции на Украине во всей ее полноте, удалось бы выявить и подвергнуть марксистскому анализу специфические черты революционного движения на Украине.

Книга П. Христюка не претендует на звание истории. Об этом автор сам говорит в предисловии, указывая на то, что «у него не было ни времени, ни возможности изучить тот большой и интересный исторический материал, который уже собран различными учреждениями на Украине». В книге «использованы почти исключительно уже напечатанные литературные источники». Поэтому «приведенный материал не является исчерпывающим, а в известной части — случайным. Использование его также неравномерно. Это один из основных недостатков этой работы». Нам остается только добавить к этому искреннему признанию автора, что в его работе совсем не видно следов использования и тех печатных трудов, которые по времени выхода в свет (до июня 1925 г.) должны были быть известны П. Христюку (укажем для примера хотя бы на издания центрального и местных испартов).

Но еще хуже обстоит дело со вторым «основным недостатком работы», в котором поспешно кается т. Христюк в своем предисловии, в расчете, вероятно, на то, что «повинную голову меч не сечет». Недостаток этот — «неполный, беглый анализ как социально-экономических предпосылок революции 1905—1907 годов, так и самих революционных событий».

У читателя невольно является вопрос — стоило ли вообще при таких условиях, когда автор не изучил материала и не проанализировал вопроса, писать и печатать в количестве 5000 экземпляров книгу для того только, чтобы, как выражается П. Христюк, напомнить «про обязанность наших историков написать наконец историю революции 1905 года». Когда дочитываешь работу до конца, то приходишь к определенному убеждению, что тов. Христюку не стоило писать такую книгу, а ДВУ не стоило ее печатать, несмотря на то, что за книгой нужно признать два бесспорных достоинства. Во-первых — простой и ясный язык и, во-вторых — несомненное желание по-марксистски, по-ленински подойти к вопросу. Однако, желание так и остается желанием, находя свое выражение лишь в большом количестве цитат из работ В. И. Ленина.

Переходим теперь непосредственно к рассмотрению рецензируемой книги.

Тов. Христюк начинает с описания состояния производительных сил Украины накануне революции. Он приводит ряд беглых данных по экономике Украины, говорит о степени развития ее промышленности и об основных противоречиях в сельском хозяйстве, а затем неожиданно заявляет: Украина была колонией России. Это началось еще в эпоху торгового капитализма в России. Промышленный капитал лишь продолжал дальше это дело торгового капитала.

В этом обстоятельстве, в колониальном положении Украины по отношению к России накануне революции пятого года, П. Христюк видит основной, определяющий момент в развитии революционного движения на Украине. Поэтому нам волей-неволей придется несколько остановиться на этом политико-экономическом вопросе.

Прежде всего, что такое колония? П. Христюк отвечает на это цитатой из Ленина («Развитие капитализма в России», т. III собр. соч., стр. 483). Основной признак колониального положения страны, это «наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сел.-хоз. продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, «которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготавливать самим»¹⁾.

Тов. Христюк в своей работе, к сожалению, опускает первую половину в определении колонии у Маркса — Ленина: «наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам». Почему т. Христюк несколько «односторонне» цитирует Ленина — совершенно понятно: ведь он прекрасно знает, что в период, предшествовавший 1905 году, на Украине уже не было «незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам». Он сам рассказывает об эмиграции украинского крестьянства в Сибирь и др. места.

Таким образом, то, что Украина периода 1895—1905 г. г. не обладала первым основным признаком колонии, не подлежит никакому сомнению.

Не легче и со вторым основным признаком колонии — вывозом сельскохозяйственных продуктов в обмен на готовые фабрикаты. Говоря о степных окраинах

¹⁾ Кавычки внутри цитаты принадлежат Ленину, так как последняя фраза взята им из Маркса. — С. Р.

(в том числе и о южных степных губерниях) т. Ленин указывает, что они «были в пореформенную эпоху колонией центральной, давно заселенной Евр. России... Промышленные губернии получали с юга хлеб, сбывая туда продукты своих фабрик («Разв. капит. в России», стр. 201).

Вот что давало возможность тов. Ленину рассматривать пореформенную Украину как колонию.

Но посмотрим, имел ли место в рассматриваемую нами эпоху кануна революции значительный вывоз хлеба из Украины в Центральную Россию.

Для ответа на этот вопрос (по которому т. Христюк скромно молчит, отделиваясь общей фразой «большая часть экспортируемого хлеба шла за границу»), мы воспользуемся данными, приведенными в работе Стасюка «Экономические отношения Украины к Великороссии и Польше» (Записки Украин. Наук. Товарищества в Київі за 1911 г. кн. VIII и IX). Цифры, полученные Стасюком, в результате довольно сложных изысканий являются приблизительными и далеко не точными, но они дают довольно верное представление об общем положении вещей¹⁾.

В 1895 г. из Украины за границу было вывезено 207,7 мил. пуд. хлеба, что составляло 60% всего заграничного экспорта России и 27% украинского урожая. В то же время в Великороссию было вывезено всего 5,1 мил. пудов, величина, очевидно, незначительная и уж во всяком случае не могущая играть определяющую роль в хлебном экспорте Украины. То же соотношение в общих чертах сохранилось и в период 1896 — 1904 г. г. Только в 1905 — 1907 г. г. оно несколько изменилось в связи с революцией в сторону увеличения вывоза хлеба в Великороссию²⁾.

В отношении продуктов скотоводства в 1899 — 1901 годы, экспорт в Великороссию составляет 22,2% т. - е. меньше 1/5 всего украинского экспорта этой категории.

Интересно, что Польша ввозила с Украины больше сел. - хоз. продуктов, чем Великороссия. В том же 1895 г. Польша ввезла 9,9 мил. пуд. украинского хлеба, т. - е. в 4 раза больше чем Великороссия. То же относится к продуктам скотоводства.

Здесь будет уместно отметить, что т. Христюк, говоря об экономике, противопоставляет Украину не Великороссии, а всей Европейской России в целом в ее старых пределах, включая Польшу, Латвию, Эстонию, Литву. Поэтому приводимые им цифры (напр., о преобладании великорусской легкой обрабатывающей индустрии стр. 24) становятся мало убедительными, ибо не видно, кто же собственно использует Украину как колонию. Ведь слова П. Христюка о «калеченьи» развития производительных сил Украины и особенно об «экономическом обескровлении Украины Московско - Петербургским центром» (стр. 24) имеют вполне определенный характер и могут относиться только к Великороссии, но уж никак не к Польше или Латвии.

¹⁾ Мы считаем нужным оговорить свое несогласие с общими выводами, сделанными Стасюком в его статье. — С. Р.

²⁾ Характерно, что основные торговые экспортные операции с хлебом не находились в руках великорусского торгового капитала. — С. Р.

Итак, мы видим, что как в отношении «свободных, легко доступных земель», так и в отношении экспорта важнейших сел.-хоз. продуктов (хлеба, мяса) Украина рассматриваемого периода не может считаться колонией Великороссии.

Но, как известно, приведенное выше определение колонии не вполне характерно для новейшей фазы капитализма. Колония необязательно должна вывозить сел.-хоз. продукты (и обратно, страна, вывозящая их не является обязательно колонией).

Можно говорить и об экспорте из колонии в метрополию сырья и об обратном вывозе не готовых фабрикатов, а свободных капиталов, как о характерных свойствах колонии (см. В. И. Ленин «Империализм, как новейший этап капитализма»). Быть может, Великороссия забирала сырье из украинских недр, уголь или железную руду? ¹⁾

Беря имеющиеся под рукой данные из той же работы Стасюка, мы видим следующее: из 188 милл. пуд. железной руды, добытой на Украине в 1907 г. (60% всей добычи руды в России), украинскими же заводами было переплавлено 147 милл. пудов, т. е. около 80% всей добычи. Остальное вывозилось преимущественно в Польшу и за границу. Вывоз же в Великороссию составлял ничтожную величину: например, в 1903 г. из 19 милл. п. вывоза в Великороссию было отправлено не более 1 милл. пудов.

Подобное же положение и с углем.

Чугуна в том же 1907 году в Великороссию было вывезено 11% всей продукции украинских доменных печей. Но все же 75,9 украинского чугуна перерабатывается на украинских мартенах и бессемерах в железо и сталь.

Сталь и железо еще в большей степени, чем чугун, остаются на Украине. Так в 1902 г. 76,4% чугуна было потреблено на Украине, тогда как железо и сталь дают более высокую цифру — 86,6%.

Что же касается готовых железных изделий, то несомненен факт превышения ввоза их из Великороссии над вывозом на значительную величину. В 1904 г., наприм., их было ввезено на 1,1 м. пудов больше, чем вывезено.

Таким образом получается, что в известной части вывозился украинский полуфабрикат, а не сырье. Это положение, фактически имеющее место как для железа, так и для ряда других областей легкой индустрии (сведенных П. Христюком в общую таблицу на стр. 24, о которой мы выше уже упоминали), и приводит Христюка к печальному выводу: Украина экономически оскудевает, ибо ее легкая индустрия дала в 1900 г. меньше 10%, а в 1908 — около 16% общероссийской продукции легкой индустрии, при том, что население Украины по отношению России составляет около 22%.

Не входя в детали, вспомним только, что говорит т. Ленин по вопросу о взаимоотношениях между промышленностью, производящей полуфабрикат и имеющей в своих руках сырье, и промышленностью, заканчивающей его переработку.

¹⁾ О вывозе капиталов из Великороссии на Украину мы за недостатком места говорить не станем. Он, как известно, тоже не имел серьезного значения, играл ничтожную роль в общей массе вкладываемых на Украине иностранных капиталов.

«Промышленность, обрабатывающая сырые материалы (а не полуфабрикаты), не только извлекает выгоды в виде высоких прибылей, благодаря образованию картелей, к ущербу для промышленности, занятой дальнейшей переработкой полуфабрикатов, но и стала по отношению к этой промышленности в известное отношение господства, которого не было при свободной конкуренции», цитирует Ленин Кестнера и подчеркивает всю характерность и правильность этого положения для новейшей фазы капитализма¹⁾. Не находит ли тов. Христюк, что в этих словах заключается ключ к пониманию взаимоотношений украинской тяжелой индустрии и связанных с ней отраслей великорусской легкой индустрии, в особенности после образования в 1902 г. знаменитого «Продамета»?

Мы не можем здесь подробнее остановиться на этом интересном вопросе, заслуживающем рассмотрения в особой статье, тем более, что точка зрения т. Христюка разделяется и некоторыми украинскими экономистами.

От вопроса о состоянии производ. сил тов. Христюк переходит к рассмотрению истории классовой борьбы на Украине в период с 80-х по 1905 год. Он останавливается на положении отдельных классов. Глава эта, давая суммарную картину развития классовой борьбы на Украине, мало интересна, так как тут автор ограничивается фактами, известными из общих работ (Балабанов, Пажитнов и др.), совершенно забывает о рассмотренных им выше экономических особенностях Украины и не анализирует тех специфических черт украинского рабочего движения, которые в нем, несомненно, имеются (слабый успех экономизма, быстрый переход рабочих к политической борьбе и проч.).

Далее П. Христюк переходит к политическим партиям на Украине накануне 1905 года. Тут он полностью пожинает плоды того, что посеял в первой главе.

«Развитие классовых политических организаций, говорит т. Христюк, шло по двум направлениям: 1) путем создания общероссийских (или даже русских) организаций, что было последствием колониального положения Украины по отношению к России, и 2) путем создания местных, украинских областных организаций» (стр. 48. Курсив наш. С. Р.). Получается таким образом, что, к примеру говоря, РСДРП(б) есть следствие «колониального» положения Украины, и имея Украина свою легкую индустрию в нужной пропорции 22% — РСДРП не имела бы шансов на успех в борьбе за руководство украинским пролетариатом и победа была бы обеспечена опять-таки, к примеру говоря, за УСД.

Утверждение Христюка о «колониальном» происхождении российских партий на Украине (в частности и в особенности — рабочей партии) настолько абсурдно и не вяжется хотя бы с теми цитатами из Ленина, которыми П. Христюк сам снабдил свою книгу, что нам кажется излишним долго останавливаться на его опровержении.

Не в колониационном положении Украины по отношению к Великороссии тут дело, а в том, что «быстрое экономическое развитие юга, т.-е. Украины» (процесс как будто обратный экономическому обескровлению), «привлекает из

¹⁾ «Империализм, как новейший этап капитализма». Изд. 2-е 1918 г., стр. 23.

Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города»... и вместе с ними приходят на Украину «идеи великорусской демократии и социал-демократии».

«Чем свободнее станет Украина и Великороссия, тем шире и быстрее будет развитие капитализма, который тогда еще сильнее будет привлекать рабочих всех наций из всех областей государства и из всех соседних государств» (В. И. Ленин. Соб. соч., т. XIX, стр. 49—50).

Интересно, что П. Христюк не только знает это место в статье тов. Ленина, но и цитирует его на расстоянии полустраницы от приведенного выше утверждения о колониальном происхождении РСДРП. Хороший пример механического использования Ленина!

В дальнейшем тов. Христюк относительно подробно останавливается на истории РСДРП, рассказывает о первом и втором съездах партии, о возникновении партии с. - р. и т. п. Сведения, даваемые т. Христюком о РУП и «Спільке», тоже не дают ничего нового хотя бы по сравнению с тем, что изложено в «Истории КП(б)У» т. Равича - Черкасского.

В заключение дается ряд цитат из работ В. И. Ленина по национальному вопросу. После этого довольно длительного введения П. Христюк переходит уже к собственной теме своей книги — революции 1905 года.

За недостатком места мы не станем здесь останавливаться на отдельных неточностях, погрешностях и ошибках, которыми изобилует эта работа, не говоря уже о разнообразных опечатках¹⁾.

Мы отметим лишь основной недостаток работы. Чего мы вправе требовать от исследования по истории рев. движения? Мы вправе требовать от него ответа на такой вопрос: оказали ли влияние на ход революционного движения на Украине те экономические и те национальные особенности Украины, наличие которых не подлежит никакому сомнению?

Где те черты, которые отличают революционное движение в «колонии» от рев. движ. в метрополии и имеются ли таковые вообще, если не считать наличия украинских партий, влияние которых в революции пятого года было, по утверждению Христюка, ничтожно?

Никакого ответа на этот законный вопрос читатель в книге тов. Христюка не получает. Вместо этого он находит там, после небольшого, почти целиком взятого из Ленина, введения, довольно длинное на 5 страницах описание январских событий в Петербурге с весьма большим количеством совершенно излишних в такой работе деталей (полный текст петиции царю на 2½ стр. петитом, отрывок из листовки Петерб. Комитета и т. п.).

¹⁾ В предисловии на стр. 5 вместо 1905 г. напечатано 1906; на стр. 40: промышленный кризис происходит в 1893 (?) году. На стр. 84, там, где речь идет о январских стачках, помещен портрет Г. И. Петровского с подписью: «Член Боевого Стачечного Комитета в Екатеринославе в 1905 г.», хотя ни здесь, ни в других местах книги, насколько мы могли заметить, нет ни слова об Екатеринославском Боевом Стачечном Комитете, так что читатель или ничего не понимает, или думает, что Боевой Стачечный Комитет был в январе. Помещен портрет т. Шлихтера, хотя в тексте мы не заметили ни одного упоминания его имени, в одном из прим. Троцкий назван активным работником «Спільки» и т. д.

На следующих 3-х страницах идет описание январских событий на Украине в виде краткой, чисто формальной хроники событий. Затем на 6 строках (без шуток) «рассматривается» период между январем и сентябрем, 1/2 стр. о Булыгинской Думе, Портсмутском мире и Октябрьской стачке и в заключение на 4-х страницах, опять-таки чисто формально, «описываются» декабрьские восстания на Украине.

Но как описывается?! Хотите Одессу?... пожалуйста: «в Одессе *Совет Рабочих Депутатов удачно организует стачку». Ни слова больше.

Хотите Екатеринослав? Есть и Екатеринослав: «Бурно прошли эти дни в Екатеринославе. Между прочим, там энергично работал Г. И. Петровский». Все.

О Харькове рассказано побольше. Описано в стиле газетного сообщения восстание на заводе Гельферих-Саде, из которого можно узнать, между прочим, на каких именно улицах Харькова были расставлены войска и куда смотрели пулеметы с Университетской горки. Как будто бы маловато при объеме книги в двести слишком страниц.

Несколько подробнее описаны крестьянские восстания и организация Всеросс. Крест. союза. С наибольшим вниманием изложена история восстаний на Черном море. Ему уделено стр. 10, т.-е. почти вдвое больше, чем всем остальным революционным событиям на Украине. Однако, и здесь автор идет по линии наименьшего сопротивления, приводя уйму материала, носящего чисто мемуарный характер (описания Матюшенко и Кирилла отдельных перипетий борьбы на «Потемкине» занимает 4 стр.).

Следующая глава посвящена роли политических партий на Украине. Подробно описывается III съезд партии, рассматриваются и приводятся резолюции о вооруженном восстании, национализации земли и пр. и т. п. Все это без малейшей увязки с партийной работой на Украине, так же, как обо всем этом пишут в книгах по истории РКП.

С несколько большей тщательностью рассказана история «Спілки» и УСД во время революции. Однако, и здесь, особенно в отношении УСД, совершенно отсутствует марксистский анализ вопроса. Читатель так и не узнает, каковы были социальные корни УСД и почему она не оказала никакого влияния на ход революционных событий пятого года.

Мы не будем дальше останавливаться на работе П. Христюка «1905 год на Украине». Мы и так уже слишком злоупотребили вниманием читателя. Сейчас нам остается снова, теперь уже с достаточным основанием, повторить то, что мы несколько голословно написали в начале этой рецензии:

Тов. Христюку не стоило писать такую книгу, а ДВУ не стоило ее печатать.

С. РОЗЕН

„Материалы по истории революционных событий 1905 г. на территории, ныне входящей в Артемовский округ“. Издание юбилейной коллегии и Истпарта Артемовского Округкома, стр. 181, без указания цены.

Наиболее выпуклым моментом в революционном движении 1905 года на Украине является, несомненно, вооруженное восстание в Донбассе, в котором

принимали участие широкие массы рабочих при исключительно большом под'еме революционного настроения. Еще в ноябре месяце железнодорожные и заводские рабочие ряда станций б. Екатерининской ж. д. начали организовывать вооруженные группы самообороны для предотвращения ожидавшихся погромов. С объявлением всеобщей декабрьской забастовки, которая стала быстро перерастать в вооруженное восстание, эти группы превращаются в боевые отряды, которые в короткое время становятся господствующей силой. Власть фактически переходит в руки рабочих, растерянное «начальство» прячется по углам, не зная, что делать. Революционный под'ем рабочих растет буквально часами и, когда власти делают 16 декабря попытку арестовать в Горловке во время переговоров с дирекцией завода популярного руководителя рабочих — Кузнецова, учиняя расстрел рабочих, среди которых находился Кузнецов, этот под'ем достигает своего апогея. На телеграмму по линии о помощи в Горловку к утру 17 декабря прибывают боевые дружины Юзовки, Авдеевки, Ясиноватой, Гришино, Дебальцева, Енакиево и др., общую численность которых перепуганные власти определяют в 4000 человек, хотя в действительности было, по мнению составителей сборника, от 1000 до 1500 человек, из которых вооружено было винтовками и охотничьими ружьями 300 человек, а остальные — револьверами и холодным оружием.

Утром же 17 декабря дружины выступают в бой с войсками, который к вечеру кончается поражением восставших. К 22 - му декабря восстанавливается «порядок» и по всей линии дороги.

Этой героической борьбе донбассовских рабочих и посвящен сборник материалов Артемовского Истпарта. В начале сборника помещены две статьи:

1) краткий обзор общероссийской обстановки накануне 1905 г. и важнейших моментов революции 1905 г. и

2) краткий обзор революционных событий в 1905 г. в Артемовском округе.

Вводная статья общего содержания напрасно помещена в сборнике. Такие статьи, повторяющие конспективно общеизвестные факты и положения, вообще ненужны в местных сборниках, задачей которых является отразить проявление общероссийских событий именно в местных, специфических условиях.

Данная же статья, кроме того, содержит ряд ошибок: в числе предпосылок 1905 г. не указан совершенно сельскохозяйственный кризис, сделавший крестьянство активнейшим участником революции, наоборот, сказано дальше, что только революция 1905 г. пробудила крестьян от «летаргического сна».

Между тем еще в 1902—1903 г. г. волна крестьянского движения поднялась уже довольно высоко, особенно на Украине.

Одним из следствий революции 1905 г. указано также то, что она толкнула пролетариат на путь создания своей собственной партии, но на этот путь передовые слои русского пролетариата стали значительно раньше; доказательством тому — успехи старой «Искры».

Таких ошибок или недоразумений можно было бы указать еще немало.

Вывод тот, что писать обобщающую статью о первой революции — дело не простое и лучше за него, не имея для того достаточных оснований, не браться.

Вторая статья объединяет и связывает помещенный в сборнике материал и помогает читателю в нем разобраться.

Среди материалов имеются: переписка о вооруженном восстании на Екатерининской ж. д., донесения в департамент полиции, обвинительный акт по делу о восстании на дороге, документы об июльской забастовке и воспоминания участников. В приложениях наиболее интересно предсмертное письмо Ткаченко.

Из воспоминаний одно посвящено горловским героям, главным образом Кузнецову и Ткаченко, о которых автор говорит с теплотой и любовью. И они этого заслуживают: оба они пользовались огромным влиянием и уважением среди рабочих — первый, как прекрасный оратор-массовик, второй, как организатор. Из других героев, упоминаемых в материалах, выделяется учитель Дейнега, руководитель восстания, убитый в бою.

Все помещенные материалы и воспоминания выясняют картину восстания и подготовки его, но они далеко не исчерпывают вопроса. В сборнике не нашло отражения, напр., и то обстоятельство, что восстание было омрачено массовым предательством подсудимых, подававших царю прошение о помиловании и посылавших ему верноподданнические телеграммы: из 132 осужденных не подали прошения, кроме 8 казенных, только 4 человека.

А главное — в сборнике совершенно не задет вопрос о крестьянском движении, о его связи с рабочим движением, тогда как в эту сторону нужно было направить особенное внимание. Недостатки эти объясняются тем, что составители сборника шли по линии наименьшего сопротивления: печатали то, что легче доставалось.

Если откинуть две первые статьи и воспоминания, которые занимают половину сборника, остальное составляет перепечатку материалов из екатерининского сборника 1904—6 г. г. (обвин. акт. и проч.). Такой способ достижения «полноты» издания является безусловно неверным. Гораздо целесообразнее печатать новые материалы и связывать их с уже опубликованными ранее. Для данного случая это тем более было бы правильно, что полноты указанные перепечатки все равно не дают.

Говоря о новых материалах, главным образом о воспоминаниях, следует отметить, что они бесспорно освещают ряд отдельных мест в истории революционного движения в Донбассе. Они приобретают особый интерес, если их связать со статьей тов. Харченко в № 5—6 «Летописи Революции» за 1925 г. «Октябрьско-декабрьский под'ем в 1905 г. в Донбассе».

„1905 г. на Конотопщине“. Сборник материалов и воспоминаний. Издание комиссии по празднованию 20-летия революции 1905 г. при Конотопском Окрисполкоме. стр. 84, без указания цены.

Стремление некоторых юбилейных комиссий и Истпартов выпустить сборники по 1905 г. во что бы то ни стало к юбилею при отсутствии необходимых для того условий неизбежно должно приводить к плохим результатам. Рассматриваемый нами сборник, содержащий в себе 68 стр. воспоминаний и статей и 16 стр. документов (выдержки из Церковной Летописи с. Обтово, 2 царских манифеста — 6 августа и 17 октября и донесения Черниговск. Жанд. Упр.

в Департ. Полиции) издан, очевидно, наспех и является особенно неудачным: заполненный мелкими воспоминаниями, плохо обработанными, он не дает сколько-нибудь полной и общей картины революционного движения на Конотопщине. И, хотя редакция оговаривается, что материалы не претендуют на полноту, что они дают лишь частичное отражение рабочего и крестьянского движения и что за недостатком времени их не удалось должным образом обработать, сборник от этого не становится ценнее. Он не дает никакого представления об обстановке накануне 1905 г., об условиях жизни рабочего и крестьянина, плохо освещает работу местной организации и ее характер. Кроме отдельных замечаний о том, что велась агитация, разбрасывались листки, что организация состояла из «искровцев» - меньшевиков, хотя были и отдельные большевики, в сборнике ничего нет о парторганизации. При наличии такого крупного пролетарского центра, как ж. - д. депо и мастерские, где было сосредоточено до 5000 рабочих, читатель не может понять причин слабости с. - д. организации.

Крайне слабо освещен и другой интересный вопрос: фактической смычки рабочих и крестьян. В некоторых воспоминаниях упоминается, что революционное настроение крестьян росло, на сходах выносились приговоры о поддержке рабочих, о посылке даже помощи со стороны крестьян московским рабочим и т. д., но все это совершенно не разработано. А между тем таким вопросам следовало бы уделять побольше внимания, даже за счет аккуратности выхода сборника к юбилейной дате.

Помещенные материалы позволяют сказать, что конотопский пролетариат вошел в революцию 1905 г. совершенно неподготовленным к борьбе, не обстрелянный ранее и «без головы», без крепкой руководящей с. - д. организации. Руководство движением в 1905 г. со стороны с. - д. было слабо не только в Конотопе, но и в более крупных промышленных центрах, однако там рабочий класс был более зрелым, более подготовленным и потому проявил большую активность и настойчивость, часто опережая револ. организации. Иное положение было в Конотопе. И если вообще о революции 1905 г. правильно положение, что она было проиграна благодаря тому (в основном), что к рабочему классу не подоспело на помощь крестьянство, то это положение нельзя применить к Конотопу, как это делает в своей статье Савва Степняк: здесь, в Конотопе, не подоспели к революции 1905 г. и рабочие и крестьяне. Объяснений такой отсталости читатель также не найдет в сборнике.

Было бы гораздо целесообразнее вместо того, чтобы выпускать сырые материалы, вызывающие ряд недоуменных вопросов, составить на основании их краткий очерк революционной борьбы на Конотопщине.

М. И.

С. А. ПИОНТКОВСКИЙ. Гражданская война и Россия (1918—1921 г. г.). Хрестоматия. 708 стр. Изд. Ком. Унив. Свердлова.

Хрестоматии тов. Пионтковского по истории отдельных периодов нашей революции пользуются вполне заслуженной известностью. Разбираемая нами хрестоматия также принадлежит к числу удачных попыток освещения хода революционной борьбы одними только документами и подлинными материалами.

Тов. Пионтковский в предисловии указывает, что он задачей своей хрестоматии считает дать общий очерк гражданской войны и выявить основные черты эпохи. В соответствии с этими задачами составитель выбрал и систему расположения материала: он разделил хрестоматию на две крупные части; в одной сгруппировано все то, что относится к жизни и деятельности советского государства в процессе гражданской войны, в другой — освещена деятельность всех контр-революционных группировок и образований, причем каждая из них выделена в особый подраздел.

Эту систему можно признать вполне правильной. Читатель не только может сразу найти необходимый для него материал по истории самарской учредилки или Колчака или Центральной Рады и т. д., но получает вообще более или менее цельную картину истории данной контр-революционной группировки.

Но если от системы распределения материала перейти к содержанию и существу его, то приходится отметить ряд недочетов.

Первый из них — это неполнота. Конечно, нельзя требовать ни от какой хрестоматии, чтобы она дала полное собрание документов и материалов. Это задача специальных многотомных изданий наших архивов и музеев. Но все же и хрестоматия, особенно такого большого объема, как настоящая, должна стремиться к известной полноте хотя бы в смысле подбора всех наиболее важных материалов за счет отказа от помещения менее важных. Подходя с такой точки зрения, нужно указать, что первый отдел — Республика Советов — более или менее удовлетворителен. Правда, и здесь имеются некоторые пропуски: например, в разделе «Борьба с голодом» дан только один документ о походе рабочих в деревню за хлебом, а наряду с этим напечатано постановление о временном прекращении пассажирского движения; значительно важнее было бы привести хотя бы еще два-три документа по вопросу о продовольственной политике, о борьбе с кулаком и т. п.

Хорошая сторона этого первого раздела книги заключается в том, что в нем подобраны многие документы, мало известные и редко встречающиеся в других изданиях (напр., доклад тов. Дзержинского о восстании левых эсеров и многое другое).

Недостаток неполноты более резко ощущается во втором разделе, посвященном стану контр-революции. Это особенно относится к гражданской войне на Украине. Тут слишком случайный подбор материала, не дающий возможности связать события между собой, не позволяющий составить более или менее полную характеристику хода и развития гражданской войны на Украине. Правда, в этом отделе опубликованы очень яркие и интересные документы, касающиеся винниченковской Директории. Мы имеем в виду договор Директории с Францией, по которому Директория отдает фактически Украину в полное и бесконтрольное владение Франции. Интересные документы опубликованы также в разделе «Деникин» — заявления и речи генерала Алексева и Деникина в начале организации добровольческой армии, а также документы, относящиеся к последним дням денигинщины перед бегством Деникина из Новороссийска.

Не останавливаясь более подробно на всех разделах хрестоматии, нужно признать, что она послужит бесспорно ценным пособием в работе школ, кружков и отдельных товарищей при изучении истории гражданской войны.

„1905 - й год на Николаевщине“. Изд. Николаевской Юбилейной Комиссии 1905 года и Истпартотдела. 410 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Раньше всего при чтении сборника возникает недоуменный вопрос: на кого он рассчитан, для кого он издан?

Дело в том, что сборник на $\frac{4}{5}$ состоит из совершенно сырого материала. Так, из 25 его листов 11 листов занято хроникой событий 1905 года, 4 листа — документами, а остальные 10 листов использованы так: 2 листа — извлечения в сокращенном виде из сборника «Страницы борьбы», выпущенного Истпартом в 1923 году, 1 лист — извлечения из имеющей узко-специальный интерес коммерческо-технической истории николаевских заводов и только лишь 2 листа отведены воспоминаниям, 2 листа — истории крестьянского движения на Николаевщине и 1 лист — описанию положения рабочих до 1905 года.

Таким образом, только 5 листов из 25 заключают живой, удобочитаемый, интересный материал, непосредственно знакомящий с отдельными моментами 1905 года на Николаевщине.

Очевидно, сборник рассчитан не на рядового читателя и предназначен не для ознакомления рабочих масс с прошлым революции, а выпущен для нужды историков, для потребности архивов и научных учреждений.

Но в этом последнем случае нет никакого смысла издавать такие вещи под флагом юбилейной революционной литературы. Это дело специальных журналов и специальных изданий.

Поэтому приходится дать общую оценку разбираемому сборнику безусловно отрицательную, тем более, что он грешит изрядными недостатками даже как собрание сырых материалов.

В самом деле, центральное место занимает хроника 1905 года, но она составлена так, что, подобно сборнику в целом, является чем-то средним между очерком с одной стороны и хроникой — с другой.

О ней смело можно сказать — «от одного берега отстала, к другому не пристала». Она и не хроника и не связный очерк.

Очерком ей быть не позволяет слишком большая распространенность и хронологичность в изложении, затем отсутствие последовательности в анализе событий.

Хроникой она не является потому, что в ней слишком много «воды» рассуждений и общих мест. При этом рассуждения частенько очень наивны и претенциозны.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

На 121-й странице, говоря о майской забастовке, хроника заявляет: «получив классический ответ буржуа из уст Войтяшенко, доковые рабочие не выполняют его требований приступить к работе, но в то же время не стремятся использовать этот психологический момент для расширения забастовки».

Невольно возникает вопрос: что же это за классический ответ и за психологический момент? Оказывается, что управляющий цехом Войтяшенко крикнул рабочим: «работайте — или уволю» (классический ответ буржуа). Услышав это, рабочие депутаты оробели (психологический момент).

На 159-й странице описывается пьяная потасовка между грузчиками и рабочими, во время которой дерущиеся избili городского и отняли у него шашку. По этому поводу следует такое рассуждение: «случай весьма характерный и интересный для анализа революционной психологии: престиж, т.-е. страх, внушаемый полицией, невелик; полиция на грани деморализации. С другой стороны, ненависть рабочих масс к полиции не поддается сдержке и в высшей степени активно проявляет себя».

На 162-й стр. имеется утверждение о том, что дебоши офицеров сплетаются с демонстрациями и митингами в одно железное кольцо, в котором мечется самодержавная власть.

Три страницы (174 — 177) посвящены чрезвычайно сложному и запутанному «рассуждению» о том, врет ли или не врет полиция, утверждая, что перед началом погрома 19-го октября происходил молебен.

Попадают целые главы, представляющие собой не более, как плод досужих размышлений. 1-й подотдел: «фракционные разногласия в совете» весь целиком построен на одних предположениях, ибо в нем так и значится черным по белому: «Трения между большевиками и меньшевиками в совете были возможны по следующим вопросам». Только были возможны, ибо конкретного материала мало.

Мы не умножаем примеров, приведенных уже достаточно. Они показывают, что опубликованная Николаевским Истпартом хроника нуждалась в основательной переработке и сокращении для того, чтобы быть действительно хроникой, либо же в полной переделке, чтобы стать очерком.

Коснемся еще воспоминаний. Они также на $\frac{4}{5}$, если не больше, носят сухой, так сказать, формальный характер; это стенографическая запись отрывочных рассказов нескольких лиц на вечерах воспоминаний. Только лишь воспоминания Сергея Макарова и отрывок из воспоминания Радус-Зенкевича могут быть названы воспоминаниями в полном смысле этого слова.

Вывод, который приходится сделать, таков, что не имело смысла Николаевскому Истпарту тратить бумагу на 25 печатных листов. Лучше было бы выпустить сборник в 4—5 раз меньше, но дать в нем действительно интересный для рабочей массы живой материал, а не несколько сот страниц революционной хронологии, перемешанной с второсортными рассуждениями и снабженной 3 страницами (!!) опечаток (о, качество продукции!).

А. О.

Разложение армии в 1917 г. Из серии Центрархива „1917 г. в документах и материалах“. 190 стр. с картой.

В предисловии к сборнику тов. Я. Яковлев дает основные вехи того процесса распада и разложения, какой пережила царская армия в 1917 году. Он намечает несколько этапов: 1) до революции, 2) с начала революции и до

наступления, 3) июньское наступление — до корниловщины, 4) корниловщина — до Октябрьской революции, 5) Октябрьская революция и полный развал армии.

Тов. Яковлев подчеркивает резкое классовое разграничение армии на два слоя — рядовых и офицеров и вытекающую отсюда остроту классовых противоречий, которые во всей наготе вскрылись после февральской революции:

«Все попытки тех или иных генералов объяснить разложение, распад армии и отдельных ее частей пораженческой пропагандой и т. п. явно несерьезны. Пораженческую пропаганду среди 15 миллионов солдат вели прежде всего: бесконечная усталость, непрерывные поражения» и т. д.

Это утверждение тов. Яковлева, как и все предисловие, находит свое продолжение и подкрепление в содержании сборника: мы имеем в виду тот факт, что весь сборник построен применительно к намеченным в предисловии основным вехам событий — во-первых и, во-вторых, то, что в сборнике замечается почти полное отсутствие материалов и документов о большевистской работе в армии. Этому фактору почти не уделено внимание.

Мы считаем, что в недооценке большевистской работы, в недооценке роли «Окопной Правды» и ее многочисленных сестер, в недооценке работы тов. Дзевалтовского, например, и тысяч других большевиков главная погрешность сборника, умаляющая его безусловные достоинства.

Можно упрекнуть сборник еще и в недостаточно полном освещении некоторых чрезвычайно важных моментов в истории распада царской армии. Тут налицо известная несоразмерность частей: в то время, как вопрос о надвинувшейся на армию продовольственной катастрофе дан более или менее подробно, истории комитетов, настроениям армии в момент наступления Керенского и многому другому уделено места значительно меньше.

Но все же сборник составлен так, что дает яркую картину разложения и распада гигантской царской армии. Читая его, видишь, как этот процесс шел шаг за шагом, начиная еще с 1916-го года. Взяты сами по себе, все документы сборника весьма интересны, тем более, что они опубликовываются впервые.

Будучи расположены с такой последовательностью, какая намечена в предисловии, отдельные главы рисуют постепенный, неуклонный рост классовой розни между рядовым офицерским составом, рост неповиновения и недоверия к командному составу, стремление к миру, к возвращению по домам. Приходится только пожалеть, что, как было уже сказано выше, такие существенные моменты, как наступление Керенского и особенно предоктябрьские недели, освещены недостаточно подробно, так что нельзя себе составить достаточно полного представления о том процессе быстрой ликвидации добросовестного революционного оборончества и столь же быстрого обольшевичивания солдатской массы, который был точно предсказан Лениным в апреле 1917 года и который завершился в «голосовании фронта ногами домой».

Отдельные документы сборника настолько интересны, что заслуживают специального упоминания. Вот, например, сводка мнений высшего командного состава Западного фронта о настроении войск непосредственно после февральского переворота. Вывод — дисциплина в войсках упала, доверие между офицерами

и солдатами подорвано, боеспособность войск значительно понизилась. Причины всего этого командармы и комкоры видят в хлынувшей в армию литературе революционных партий и Питерского совета. Все-таки высшее офицерство не теряет еще надежду: «Большинство начальствующих лиц смотрит на будущее спокойно и надеется, что через 1—2 месяца (в половине мая) боеспособность войск будет восстановлена».

Более пессимистически настроен был в это же самое время верховный главнокомандующий Алексеев. В письме к Гучкову он пишет, что «в ближайшие 4 месяца наши армии должны были бы сидеть покойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба, операции». Таково же было мнение и известного белогвардейского генерала Драгомирова. «Боевое настроение упало, не только у солдат нет никакого настроения наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени угрожающей исходу войны».

Так уже в марте оценивало командование состояние армии и ее способность к наступлению и даже продолжению войны вообще. Уже на первых порах разложения, когда оно только начиналось, высшее командование видело невозможность наступления или во всяком случае требовало многомесячной подготовки для оздоровления войск. А ведь это оздоровление не наступало, наоборот, все более ускоренным темпом шел распад — и ясно, что с чисто военной точки зрения к лету (в июне) армия наступать была совершенно неспособна.

Этот вывод целиком подтверждается опять-таки отзывами высшего командования. Командующий Юго-Западным фронтом, где должно было произойти наступление, доносит 30-го мая, т.-е. за 18 дней до начала наступления: «Полной готовности к наступлению еще нет... Идея наступления еще не проникла в массу, но есть части, согласные наступать».

Северный фронт в это же самое время доносит: «Отношение к наступлению отрицательное; в большинстве частей занятия почти не производятся. Выполняют после долгих убеждений; власть начальников стала призрачной».

Западный фронт сообщает: «отношение к наступлению скорее отрицательное, нет твердой уверенности, что войска выполнят свои боевые задачи».

И вот при таком состоянии армии буржуазия задумала и выполнила ту безумную и бессмысленную даже с ее точки зрения затею, которая известна под именем наступления 18-го июня.

Понятно, что оно окончилось катастрофой и дало решительный толчок к быстрому обольшевчиванию армии, к ее полному распаду.

Недостаток места не позволяет привести лишь очень многих чрезвычайно любопытных документов. Ограничимся лишь двумя-тремя. В 61-м полку (на Западном фронте) в июне имел место отказ стать на позицию. Во главе всего движения оказались... бывшие полицейские. В 299-м полку (на том же Западном фронте) в августе был убит командир полка, когда он уговаривал 12-ю роту подчиниться приказу.

Опять-таки главариами движения оказались бывший городской и бывший стражник.

На основании только двух опубликованных в сборнике документов трудно делать какие-нибудь выводы, но даже эти два примера заставляют поставить вопрос о несколько неожиданной «революционной роли» полицейских стражников и о ее причинах. Любопытно было бы на основании имеющихся архивных материалов более подробно выяснить вопрос, не имела ли здесь место сознательная провокация, направляемая свыше.

Е. И. ГЕНДЛИН. Записки рядового революционера. ГИЗ. 142 стр. Цена 1 р.

Вот книга, о которой можно сказать с полным правом — «подлинный человеческий документ».

Тов. Гендлин написал даже не мемуары, а историю своего крестного революционного пути, историю своего развития, своих ошибок, своего перерождения от мелкобуржуазной революционности к подлинно-пролетарской. Недаром вторую часть своей книги он назвал — «От эсэризма к большевизму». В этом — огромная ценность книжки, особенно для молодого революционного поколения.

Нам уже очень примелькались в глаза печатаемые петитом на последней странице газет письма с заявлением о выходе из антисоветских партий, в частности, из партий С. - Р. И вот книга Гендлина дает расшифровку этим письмам, раскрывает тот длинный и всегда мучительный путь разочарований, постепенного раскрытия глаз, которые переживают все искренние революционеры, находящие в себе достаточно мужества для сознания своих ошибок и для перехода — пусть запоздалого — из лагеря контр-революции, куда их занесла неумолимая логика исторического хода событий, в лагерь революции, в лагерь пролетариата.

Наряду с этим книжка Гендлина дает очень яркое описание умирания партии эсеров, превращения ее в полный и безусловный придаток буржуазии, в чистое орудие контр-революции. Хотя этот процесс иллюстрируется только на дальневосточных событиях, однако, из приводимых автором сравнительно незначительных примеров ярко видна та мерзость запустения, в которой погрязла партия эсеров, ставши прихвостнем интервенционистской буржуазии.

Что касается деталей содержания книжки тов. Гендлина, то в первой части, относящейся к временам дореволюционным, привлекает внимание глава, посвященная знаменитому орловскому каторжному централу. Ее нужно прочесть, чтобы по-настоящему научиться ненавидеть наших врагов и понимать колоссальнейшее значение МОП'а в революционной борьбе.

Занимательно и содержательно написаны и главы об обыденной подпольной работе революционера во времена реакции после 1905 года.

Вторая часть книжки знакомит нас с ходом развития революции и контр-революции на Дальнем Востоке, в полосе отчуждения К. В. ж.-д. и во Владивостоке. Помимо чисто исторического интереса, эта часть приобретает и известный злободневный интерес теперь, когда К. В. ж.-д. стала в центре советского общественного внимания, ибо сообщаемые тов. Гендлином факты помогают разобраться даже и в нынешней обстановке на этой далекой окраине Советского Союза.

О. ПЯТНИЦКИЙ. Записки большевика. Стр. 193. Из - во «Прибой».

Ц. 1 рубль.

Воспоминания т. Пятницкого охватывают почти 20-тилетний период истории партии (от первого съезда до Февральской революции). В них говорится о значительнейших событиях, о многих чрезвычайно крупных политических фигурах, в них проходят разные страны и многочисленные местности: от Парижа и Лондона до таежного села Федина Енисейск. губ. Естественно, что такая насыщенность содержания (целый курс «практической» истории партии на 12 п. листах) обуславливает несколько конспективный характер записок. Эпизоды, люди, страны меняются как на экране: только успел читатель заинтересоваться — и уже дальше. Обвинять автора тут, конечно, не приходится — такова была жизнь революционера. Все же калейдоскопичность изложения является недостатком книжки.

Второй недостаток — от недостаточно внимательной редакции: и язык воспоминаний тяжелый, местами неуклюжий и некоторые утверждения и разъяснения автора (по частным, мелким вопросам парт. истории) неудовлетворительны. Можно ли сказать, что заграничная Лига Русск. Рев. Соц. - Дем. возникла из объединения заграничных групп содействия «Искре» (см. стр. 45 записок)? Можно ли утверждать, что в эпоху III съезда б-ки представляли «громадное б-ство партии, а м-ки ничтожное м-ство ее» (стр. 57)? Как понять характеристику, которую автор дает известному Малиновскому? Сообщая, что на Пражской конференции (1912 г.) Ильич поддерживал кандидатуру Малиновского в Ц. К., так как находил его «дельным и очень способным работником, Пятницкий поясняет: «тогда, конечно, никто и не думал, что он окажется провокатором» и тут же — «Малиновский действительно оказался хорошим и дельным работником» (стр. 132).

Что это — ирония? Казалось бы, что над такими ошибками смеяться не приходится.

Такие двусмысленные, неясные и неточные места в книжке тем более удивляют, что она проходила через Истпарт ЦКВКП. Они, конечно, не уменьшают значения и ценности воспоминаний, но вызывают досаду — уж очень хороша и интересна книжка в целом, не хотелось бы, чтобы мелочи, вызывающие недоумение, нарушали цельность впечатления.

Ценность книжки двоякая: она дает, во-первых, быт революционного подполья, тюрьмы, эмиграции, ссылки, во-вторых — описание важнейших этапов в развитии нашей партии, при чем освещается как жизнь центральных органов, так и местных российских организаций (Одесса, Москва, Самара). У автора, очевидно, блестящая память — он восстанавливает сотни имен членов к-тов, съездов, тюремных и ссыльных товарищей. Особенно важны главы, посвященные эпохе реакции, так как об этих годах известно очень немного. Несмотря на обычную для Пятницкого скупость слов, вырисовывается отчетливо огромная работа, сделанная большевиками во главе с Лениным по воссозданию партии и партийных центров в атмосфере ликвидаторства, бесконечных провалов, провокации и внутривнутрипартийной отчаянной завирюхи.

Хочется еще отметить более ранний момент в воспоминаниях т. Пятницкого: эпоху после II съезда, когда автор определял свое отношение к совершившемуся расколу.

Он приехал в Женеву как раз накануне съезда Лиги (Заграничн. Рев. Соц. - Дем.) и положение оказалось такое, что перевес одного голоса на стороне большинства или меньшенства мог иметь решающее значение. М - ик Блюменфельд, связанный с Пятницким совместным сидением и совместным побегом, считавший его отчасти своим учеником, принял самые энергичные меры, чтобы, «обезвредить» Пятницкого.

«Блюменфельд требовал, чтоб я отказался от участия и в съезде в том случае, если не буду их поддерживать — пишет Пятницкий... Так как я не согласился с его доводами и не согласился отказаться от участия в съезде «Лиги», то он мне заявил, что я этим совершаю преступление, а потому предложил мне поехать на несколько лет в Америку, пока я не смогу разобраться в происходящих разногласиях» (курсив мой — С. Ш.). Недурное средство избавиться от противника!

Можно только порадоваться, что Пятницкий на такое «педагогическое» путешествие не согласился и проделал в рядах партии весь свой славный боевой путь.

К. И. ЗАХАРОВА-ЦЕДЕРБАУМ и С. И. ЦЕДЕРБАУМ. Из эпохи „Искры“. Предисловие В. И. Невского. ГИЗ, 1926 г. Стр. 162.

Эпоха «Искры» одна из самых героических в истории нашей партии. Героических не в смысле открытой массовой борьбы, не в отношении ярких революционных действий и эффектных подвигов, а в специфически - подпольном смысле будничной, необычайно трудной, необычайно - кропотливой, серой, повседневной, неблагодарной и в то же время опасной работы нелегального строительства партии. Это та эпоха, когда под руководством гениального инженера самоотверженными каменщиками социализма закладывался фундамент ныне миллионной В. К. П. Закладывался этот фундамент и за границей — в работе редакции и секретариата «Искры», в бесконечных беседах Ильича с работниками с мест, бесчисленных письмах Надежды Константиновны и закладывался параллельно в России руками транспортников и «агентов» «Искры».

О работе искровских агентов и рассказывает рецензируемая книжка. Воспоминания их охватывают значительный исторический период: от выхода первого № Искры до начала революции. Читатель вслед за автором переносится из провинциального российского или украинского города, где группа поднадзорных завязывает революционные связи и закладывает ячейки партии по директивам «Искры», за границу, в среду руководителей нового органа, оттуда в пограничное местечко, где налаживается транспорт заграничной литературы, затем в тюрьму и в ссылку. Из ссылки авторы воспоминаний удирают самым романтическим и авантюрным образом (в корзине) — и снова конспиративная работа по строительству рев. соц. - дем. организации, мучения нелегальной жизни, энтузиазм растущего под'ема масс, опять тюрьма, побег и снова работа, работа — все сначала.

Неутомимый, никогда не унывающий, всегда безоговорочно подчиняющий свои личные интересы интересам партии вырисовывается из простых строк спокойного рассказа прекрасный образ революционера, того революционера-профессионала, который отдавал партии не несколько часов «свободного времени», а всю свою жизнь.

Живая иллюстрация к «Что делать?» Ленина.

Невольное сожаление вызывает переход авторов к меньшевизму вскоре после раскола. Ведь вся их работа в течение трех-четырех лет была насыщена большевистским содержанием, целеустремительностью, боевой прямолинейностью, твердостью, присущей большевизму. Тем более неприятен меньшевистский душок, который пропитывает их рассуждения (хорошо, что рассуждений сравнительно мало — больше действия, революционной динамики). Т. Невский в предисловии к книжке предупреждает читателя, что он не найдет в этих воспоминаниях большевистского объяснения явлений. Это предупреждение верное и необходимое... Объяснения меньшевистские, но тем не менее можно сказать, что книжка пропитана духом революционной соц.-демократии. Когда читаешь ее, чувствуешь: вот откуда росла наша партия.

С точки зрения узко-истпартовской книжка также интересна. И не только потому, что позволяет восстановить составы искровских комитетов (преимущественно на Украине), как говорит т. Невский, но и оттого, что сообщает ряд малоизвестных фактов о взаимоотношениях «Искры» с местными организациями, об отношении к «Искре» с.-рев., о технике транспорта, о провокаторах и т. д.

Воспоминания Захаровой и С. Цедербаума следует прочесть всем интересующимся эпохой «великого строительства» в истории нашей партии.

С. Ш. Р

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ — „Горловское дело“. Очерк восстания на линии Екатерининской жел. дор. в 1905 г., изд. «Украинский Рабочий». Харьков, 1926 г. 62 стр.

Брошюра Сергея Анисимова «Горловское дело» является только популярным переложением обвинительного акта с сохранением его заголовков и общего расположения материала. Книжка рассчитана на массового читателя, а потому тем строже к ней необходимо отнестись. Слишком скупо писали и печатали о революционном движении в Донбассе, чтобы не заметить новой книги о горловском восстании.

Вся беда в том, что автор заразился пресловутой объективностью судебного документа и значительно испортил брошюру. Так, автор даже с некоторым удовлетворением повторяет вслед за царскими судьями, будто декабрьская жел.-дор. «забастовка прекратилась бескровно» (стр. 16) и будто бы при занятии карательными войсками восставших станций «не было ни погромов, ни расстрелов» (стр. 23). Какая святая наивность! А сколько сотен рабочих убито и ранено в Горловке! А сколько железнодорожников заporоли казаки до полусмерти при занятии Дебальцева, Авдеевки и Гришино! А какие погромные издевательства учиняли черносотенцы над семьями арестованных и скрывшихся повстанцев!

Это ли не бескровная ликвидация забастовки? Совершенно недопустимо преподносить рабочему читателю подобные пацифистские сказки под стиль судебного лицемерия.

Кроме того, в брошюре имеется ряд ошибок, извращающих факты. Укажем хотя бы на такие: автор совершенно серьезно повторяет судебскую легенду о том, что командир гришинской дружины Дейнега был убит в горловском сражении каким-то казаком из личной мести (стр. 39). В другом месте утверждается, что юзовская дружина не могла прибыть в Горловку будто бы потому, что был разобран путь между Юзово и Рутченково (стр. 51). Но ведь кому же не известно, что путь на Горловку шел не через Рутченково, а через Ясиноватую? Значит, другая причина задержала юзовскую дружину.

В общем, в брошюре нет самого элементарного критического отношения как к сомнительным нередко фактическим данным обвинительного акта, так и к судебскому лицемерно-пацифистскому освещению карательной ликвидации декабрьской забастовки. Поэтому книжка еще не является той популярной брошюрой, которая в большевистской, а не судебской оценке раскрыла бы перед массовым читателем самую замечательную страницу декабрьского повстанческого движения в Донбассе.

Т. Х.

ОТДЕЛ IV

ХРОНИКА

Истпартрabота на Правобережьи

(Впечатления об'езде)

Главными пунктами, где концентрируется архивный материал по истории революционного движения на Правобережьи, где в эпоху гражданской войны завязывались наиболее крупные и сложные узлы исторических событий, являются Киев, Житомир и Винница. Первые два города интересны и для изучения до-революционной эпохи, Винница же — до 1917 г. провинциальный, уездный городок — после революции приобрела большое значение и вписала не одну интересную страницу в историю украинского Октября.

Каково же в этих местах состояние Истпартов, каковы возможности выявления и изучения их революционного прошлого?

Аппарат

Прежде всего — об организационных формах истпартовской работы. Формы эти уже более или менее выкристаллизовались, получили устойчивый характер. Основными работниками являются заведующий и секретарь, общее руководство принадлежит коллегии. В коллегия Истпарта на местах входят не столько «представители родственных учреждений», как должно быть по положению, сколько товарищи, интересующиеся работой Истпарта, старые партийцы. Главную роль в коллегии играет (во всех трех обследованных Истпартах) зав. Агитпропом. Так как зав. Истпартом не является нигде членом Окружкома, то обычно зав. Агитпропом, входящий в коллегия Истпарта, и увязывает работу Истпарта с Окружкомом. Конечно, такое явление ненормально. Нужно окружкомам подумать о проведении в жизнь положения об истпартотделах, требующего, чтобы завистпартом был чл. Окружкома. Истпарт должен, наконец, стать столь же самостоятельным отделом парткома, как и остальные отделы, получающим общие директивы лишь от секретариата и бюро парткома и только перед ними отчитывающимся.

Непосредственная связь между Агитпропом и Истпартом имеет иногда следствием чересчур жестокое использование истпартработников Агитпропами. Так например, и в Киеве, и Житомире почти вся работа по проведению 20-тилетия 1905 г. вплоть до подготовки и распределения докладчиков была переложена на Истпарт. Конечно, такая «эксплуатация» Истпартов не может не отразиться отрицательно на их непосредственной работе.

Общая беда Истпартов — неработоспособность коллегии. Собирается она редко, иногда по 2 — 3 месяца не удается созвать. Когда собирается — спешат. Члены коллегии не чувствуют себя связанными с работой Истпарта.

Необходимо принять меры, чтобы члены Истпартколлегии органически вошли в аппарат взяв на себя общий надзор за той или иной областью работы Истпарта или за работой существующих (при «благоустроенных» Истпартах) кружков содействия.

Общественность

Общественность при Истпартах не везде одинакова. Так, в Киеве удалось приблизить к Истпарту сравнительно значительные круги партийцев и старых революционеров. Особенно в связи с юбилеем первой революции. На вечера воспоминаний, которых было проведено 12, собирались быв. члены Комитета, Совета Рабочих Депутатов и т. д... В Москве представителю Истпарта удалось собрать старых большевиков, работавших в Киевской организации и в Южном Бюро ЦК (в Киеве) в 1904 — 1905 г.г.

В Москве же при содействии ЦК ВКП организовано Киевское «землячество», в котором зарегистрировано до 150 ч. В самом Киеве, кроме работников 1905 г., зарегистрированы также участники гражданской войны и рев. подполья. Они собирались, разбились по секциям (эпохи гетманщины, деникинщины и т. д.), выбрали бюро, но работы пока не вели. Во всяком случае, сейчас, когда Истпарт приступит к разработке эпохи гражданской войны, эти ячейки послужат ему основой для развертывания работы.

В остальных обследованных Истпартах положение с общественностью хуже. Участники 1905 г., правда, учитывались и собирались в Житомире и в Виннице. В Житомире было учтено даже значительное количество (69 чел.), проведено несколько вечеров воспоминаний и собрано много мемуарного материала, которым снабжалась местная газета в юбилейные дни. Но с работниками позднейших периодов, в частности эпохи революции 1917 года и гражданской войны, связи почти нет. В Житомире учтены участники Домбровицкого восстания и 20 чел. работников эпохи гражданской войны. В Виннице же еще в учету и не приступали. Вся почти работа по выявлению участников этой эпохи и их организации — впереди.

К общественности следует отнести и форму связи с массами: через ячейки содействия и уполномоченных Истпарта в районах и на предприятиях. К сожалению, ячеек содействия, как постоянно действующих органов, нигде не оказалось. В Киеве принят институт уполномоченных, которые имеются при райкомах города и на крупнейших предприятиях: Арсенал, Ленинская Кузница (б. Южно-Русский завод), Большевик (б. Гретер), в железно-дорожных мастерских и т. д. Эти уполномоченные являются связующим звеном между рабочими и Истпартом, они учитывают и собирают товарищей по разным периодам (по заданиям Истпарта) добывают от них воспоминания.

На них пала и главная тяжесть проведения годовщины первой революции в массовом масштабе.

При отсутствии сил и средств в самом аппарате Окристпартов эту форму организационной связи следует особо рекомендовать, ввиду ее простоты и сравнительной легкости проведения (хотя бы в порядке партийной нагрузки). Работу уполномоченного может всегда взять на себя тот или иной член бюро райкома, а на предприятиях — агитпропорганизатор.

Крайне важно было бы распространить институт уполномоченных и на село. Волинский истпарт этот вопрос выдвинул, но разрешение его, несомненно, представляет большие затруднения, если учесть слабость коммунистических сил и их крайнюю перегруженность на селе.

Работа по 1905 г.

Работа по 1905 году во всех трех Истпартах закончена. Конечно, проделана она по-разному и в различном масштабе.

В Киеве, кроме отмеченной уже работы по учету и использованию участников первой революции, по подготовке самого празднования в общегородском масштабе (Киев праздновал не только общесоюзный день 20-го декабря, но еще годовщину восстания саперов 1 декабря — 18 ноября с. ст.), выполнен ряд работ научного характера. Изданы 4 брошюры — Вакара (Правдина) об июльской стачке 1903 г. (так сказать, репетиция 1905 г.), Манилова «Восстание саперов» и «Киевский Совет Рабочих Депутатов» и Иванушкина — «Сел.- рух на Київщині 1905 р.», в печать сдан сборник по 1905 г., в который входят воспоминания и статьи о революционной работе в губернии, о рабочем профессиональном и крестьянском движении, об участии отдельных заводов в революции и об Октябрьской всеобщей стачке.

Киевский Истпарт подготовил к изданию еще материалы по 1906 году и сборник киевск. с.-д. газет и листовок эпохи революции. Но выпуск этих работ под сомнением, ввиду ограниченности издательских возможностей в Киеве.

Винницкий Истпарт, кроме уже отмеченной выше подготовительной работы по собиранию участников и материалов 1905 г., выпустил две книжки: 1) по истории крестьянского движения; 2) по истории рабочего движения и революционных организаций, составленных на основании секретных архивов губернатора и дел быв. Жандармского Управления и полиции, а также воспоминаний отдельных товарищей.

Житомирскому Истпарту не удалось ничего издать, хотя был подготовлен материал для сборника по истории 1905 года на Волини, от выпуска его пришлось отказаться за недостатком средств. Основная статья — общий обзор движения, составленный т. т. Зафраном и Сашиним — отослана в Истпарт ЦК для использования.

Нужно отметить, что все истпарты приняли самое активное участие в подготовке выставок по 1905 г.

В Киеве Истпарту пришлось произвести лишь предварительную работу по собиранию изобразительных материалов, так как организация и оформление выставки были произведены Музеем Революции.

В Житомире, где Музея Революции, а следовательно и особых работников по выставке нет, вся работа в этой области пала на Истпарт. Материал подобран (перенят в Московском, Харьковском и Киевском музеях) довольно интересный. Но размещен он без плана, или, вернее, по плану чрезвычайно «субъективному», непонятному для посетителя, с большим количеством фактических ошибок. Выставка до сих пор не открыта, да и было бы опасно открывать ее до полной реорганизации. История организаций на Волыни представлена на выставке слабо, главным образом картинами досужих художников, конечно, в значительной мере фантастичными.

Выставка, организованная Винницким Истпартом при содействии (и в помещении) Совпартшколы, носит очень поверхностный, не истпартовский, а скорее агитационный характер. Интересна лишь одна витрина, посвященная истории Винницкой с.-д. организации.

Планы и перспективы

Широта планов и реальность их выполнения зависят в первую очередь от наличных сил и средств.

Ближайшей своей задачей все Истпарты считают подготовку к юбилею Октября. Житомирский и Волинский Истпарты намечают пока только подготовительные мероприятия к этой работе. Учет участников, как находящихся на месте, так и выехавших в другие города, собиранье газет, листовок, документов эпохи 17 г. и гражданской войны, розыск архивов, вывезенных во время многочисленных эвакуаций — вот те задачи, которые перед собой ставят на ближайшие месяцы эти Истпарты. И такая постановка вполне правильна, оттого, что ни на Волыни, ни на Подолии не сохранилось никаких, или почти никаких документов и материалов по эпохе, подлежащей изучению. Поэтому намечать сейчас какой бы то ни было план для научной и тем более издательской работы — невозможно. Все зависит от того, что удастся розыскать и кого из бывших работников удастся найти и привлечь для составления воспоминаний и очерков.

Несколько иное положение в Киеве. Там имеется сравнительно полный газетный архив эпохи революции, оккупации и гражданской войны (в том числе и большевистские издания). Нашлись также хотя отдельные и отрывочные, но все же ценные материалы по истории Киевской б.-кой организации 1917 г. Сов. Раб. Депутатов и в особенности по периоду гетманщины.

Эти материалы дают некоторую базу для исследовательской работы, но Киевский Истпарт на этой узкой основе развил уже чрезвычайно широкие планы, которые, по моему мнению, осуществить у него не будет реальной возможности ни в смысле достаточного материала, ни по имеющимся в его распоряжении силам, ни по издательским условиям.

Так как план этот в окончательном виде еще не принят, то его критику приходится отложить. Здесь считаю только необходимым указать, что Киевский Истпарт страдает вообще чересчур широким размахом и неумением соразмерять

свой научно-издательские «аппетиты» с реальными предпосылками для их осуществления.

Необходимо будет центру принять участие в детальной разработке издательских планов мест для того, чтобы сделать их более реальными, отделить необходимое от второстепенного и увязать местную работу с научно-издательскими задачами всеукраинского значения.

Второй вопрос, нетерпящий отлагательств в своем разрешении, — выработка инструкции по организации и научному использованию участников революции различных городов и периодов. Необходима какая-то единая схема, которая устранила бы параллелизм в этой работе между центром и местами и обеспечила бы наиболее полное и плодотворное использование воспоминаний как в местном, так и во всеукраинском масштабе.

Третий вопрос — об усилении местных Истпартов научными силами хотя бы на период подготовки десятилетнего юбилея. Даже в случае увеличения штатов Истпартов, штатных работников в таких центрах, как Киев (или ему подобные), не хватит для разработки всех необходимых вопросов. Нужно подумать о прикреплении к Истпарту литературно-научных работников (журналистов, преподавателей ВУЗ'ов и совпартшкол и т. д.) в порядке ли партнагрузки или «по совместительству», которые выполняли бы научно-исследовательскую работу по заданиям Истпарта.

Недостатки работы

Основные недостатки в работе обследованных Истпартов можно разделить по следующим категориям:

- 1) слабость самого аппарата Истпарта;
- 2) недостаточно внимательное отношение к Истпартам со стороны Окружкомов;
- 3) отсутствие средств;
- 4) неувязка в работе с «родственными» учреждениями (архив, музей и т. д.)
- 5) недостаточная связь с центром.

Подбор работников для Истпарта — дело довольно трудное. Товарищи с достаточной научно-литературной и политической квалификацией Парком неохотно пускает на Истпарт, предпочитая их использовать для более «живой» пропагандистской и литературной работы, которой требует каждый текущий день.

Вторая трудность в том, что для руководства истпартработой требуется определенный навык, особый уклон, а где и как этот «уклон» могут приобрести партработники? Естественно поэтому, что на местах возникает вопрос об особых курсах или семинарах по подготовке истпартовцев. На специальные курсы трудно рассчитывать, но Истпарты могли бы сговориться с соответствующими ВУЗ'ами коммунистическими и соц.-историческими об организации при них семинаров исторического типа или об использовании существующих семинаров по истории партии и ревдвижения для подготовки истпартовских работников. Это единственный способ разрешить все растущий кризис, вызванный отсутствием подходящих сил для научно-исследовательской работы.

Поверхностное и невнимательное отношение к Истпарту со стороны парт-органов — старая беда — не всюду изжито до настоящего времени. Такие Истпарты как Киевский, который завоевал себе уважение и внимание со стороны руководящих товарищей, и до сих пор скорее исключение. Правда, 1905 год заставил Паркомы оглянуться на свои Истпарты, подумать об усилении их людьми и средствами, но... юбилей прошел, и снова Истпарт без всякой материальной базы, без перспектив. Очевидно, до нового юбилея.

С такой системой работы пора покончить. Истпартам необходимо дать постоянные минимальные операционные средства и привлечь к сотрудничеству в них для регулярной работы имеющиеся в городе литературные и научные силы.

Беспорядочность взаимоотношений Истпартов с родственными органами — Музеем, Архивом — являются также серьезной бедой на местах.

Казалось бы, положение ясное: Окрарх хранит и приводит в порядок фонды историко-революционного значения, Истпарт руководит их разработкой. А что получается на деле? В Житомире архивы б. Жандармского управления и проч. находятся в Окрархе, но не имеют специального работника, который бы ими ведал. Истпарту нужен какой-либо материал или справка — пожалуйста, приходи, бери дело и ищи что нужно. Так как помещения для работы при Архиве нет, то нужные для просмотра дела вывозятся в Истпарт.

В Виннице ценные архивы (1800 дел), взятые из Каменец-Подольска (б. Жандармского Управления), изъятые из общего помещения и из ведения Окрарха, хранятся в особом месте — ключи от которого у Завистпартом. Дела разложены по столам в хронологическом порядке как будто для обозрения, они пылятся, треплются. Нет даже уборщика, так как некому дать средства на его содержание.

Тут главная вина лежит на архивных органах, которые не дают работников для ист.-революционных отделов и ставят их вследствие этого в положение беспризорных. В Житомире, например, Окрарх имеет 6^т работников и из них не дает ни одного на историко-революционный отдел, хотя по штатам такой работник проходит.

В Виннице, где штат Окрарха сокращен до двух человек, нет возможности ничего сделать, и тут уже не приходится обвинять Окрарх, что он в нарушение всех архивных законов отдал в полное владение Истпарту интересующие его материалы. Но такое положение никак не может считаться нормальным и должно быть урегулировано в самом срочном порядке Центроархивом.

Наконец, последний недостаток: неувязка работы с Всеукраинским истпартовским центром. В значительной мере работа идет самотеком, без согласования, без директив. Несомненно, тут вина центра, который вследствие слабости аппарата не охватил работу мест, но есть со стороны некоторых истпартработников нарочитое желание обойти всеукраинский центр, проявить не только самостоятельность и инициативу — что хорошо, но и полную независимость — что уже плохо.

Остается надеяться, что на предстоящем совещании Истпартов эта болезнь будет изжита и нормальные взаимоотношения, обеспечивающие плановость, единство и согласованность в работе, окончательно установятся.

С. ШРЕЙБЕР

Вокруг работы Истпартов

Несколько наладившаяся было отчетность местных Истпартоотделов снова в значительной степени разладилась.

Большинство Истпартов, несмотря на повторные требования Истпарта ЦК, до сих пор ни отчетов, ни протоколов своих заседаний не прислали.

В большинстве случаев это объясняется тем, что на местах работают в Истпартах по совместительству, в лучшем случае есть один платный человек, который кое-что делает, но отчитываться не поспевает. Но и ряд более крупных и старых Истпартов также не отчитывается, что оправдать никак нельзя. Так, например, Киевский, Одесский, Полтавский Истпарты перестали отчитываться с лета. Одесский Истпарт прислал на-днях годовые очень подробные отчеты Музея Революции и Архива Революции, ни слова не упомянув о работе Истпарта. Очевидно Одесский Истпарт считает работы Музея и Архива Революции своими основными работами, несмотря на директивы центра, что Истпарт должен только руководить этими областями, а не работать в них органически. Особенно неправильно в Одессе смешение функций Архива Революции с Истпартом, несмотря на существующие законоположения.

Можно надеяться, что об'езд Окристпартов, намеченный и частично проведенный Истпартом ЦК, устранит эти и другие недостатки, наладит более тесную связь центра и мест.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ИСТПАРТ

По отчету за октябрь - декабрь.

Работа Истпарта развивается. По штату Окружкома отпускается один ответственный работник (Зав. Истпартом), другой технический (секретарь Истпарта) и сотрудники музея — за счет Исполкома.

За отчетный период работа велась почти исключительно по 1905 г. Собрано до 60 воспоминаний, 40 из них отосланы в центр.

Большая часть собранного — сырой материал, который пришлось обработать (часть записана со слов).

Писавшим воспоминания давались инструктивные указания, ставились вопросы в хронологическом порядке, часть товарищей писали по данному им,

заранее выработанному плану. Попытки связаться с иногородними товарищами путем письменных просьб о присылке воспоминаний и статей — оканчиваются неудачами: товарищи почти не отвечают.

Наряду с этой работой произведена организация семинара местного И.Н.О. (аспиранты и студенты) для работы в Истпарте под руководством профессора Злотникова.

Студентами и аспирантами (17 челов.) проделана значительная работа (по крестьянскому движению, по истории Днепровского завода и др.), которая вскоре будет оформлена в ряде статей научно-исследовательского характера.

Участие в юбилее 1905 г. выразилось в снабжении местной газеты воспоминаниями участников и работой в юбилейной комиссии.

К этой работе присоединяется еще значительная работа по руководству архивом революции, находящимся в помещении Истпарта. По настоянию Истпарта произведен учет революционного архива и принимается ряд мер к его упорядочению. Так как архив б. Екатеринославской губернии включает в себя архивы Донбасса (Артемовска, Луганска, Сталино, и др.), Запорожья и т. д., то представители Истпартов этих городов то требуют выделения этих архивов (что технически невозможно); то приезжают снимать копии документов, отбирать дублеты прокламаций и т. п. Все эти задания приходится выполнять работникам Истпарта, так как в революционном архиве всего один работник, а он еще далеко не приведен в порядок.

Екатеринославский Истпарт совершенно правильно подымает вопрос о хотя бы временном усилении Екатеринославского революционного архива работниками за счет Окрахов вышеуказанных городов, без чего нужный Истпартам Донбасса материал будет слишком медленно приводиться в порядок.

Значительная работа проведена Истпартом также по руководству выставкой-музеем революции и самим музеем, перестроившимся в связи с юбилеем 1905 г.

С 26/XI 1925 г. по 15/I 1926 г. выставку посетило 3093 чел., из них 2389 чел. прошли групповыми, экскурсиями из них 24 экскурсии рабочих и служащих, 5 экскурсий селян (162 чел.), остальные — красноармейцы, учащиеся и дети.

Теснота помещения и недостаток руководителей (один) препятствует развертыванию работы музея.

Истпарт также способствовал оживлению работы Истомола. С Истпрофом контакт не налажен, хотя им производится значительная работа.

Вопрос о координации работ Истпарта и Истпрофа и их взаимоотношениях стоит в порядке дня.

Интерес к Истпарту значительно возрос, что видно из частых посещений его старыми подпольными работниками, приливом воспоминаний и др. материалов.

Истпартом выработан подробный план работы на 1926 г., содержащий ряд моментов методологического характера.

Основные моменты работы сводятся к следующему:

1) Продолжать работу по 1905 году по плану и темам, намеченным в семинаре.

2) Дать Истпарту ЦК КП(б)У выборку важнейших документов за 1906 год (не позже 1-го июня).

3) Приступить к собиранию, проработке, подготовке к печати материалов по истории октябрьской борьбы на Екатеринославщине.

Материалов по 1917 — 20 г. г. сохранилось в Екатеринославе очень мало. Архивы губкомов и ревкомов были вывезены из Екатеринослава во время эвакуации, газет почти нет (имеются всего несколько номеров большевистской «Звезды», «Известий», меньшевистской «Борьбы», «Приднепровского Края».

Из мероприятий, намеченных Екатеринославским Истпартком для подготовки к юбилею Октябрьской революции, следует отметить проект использования работников для собирания материалов и воспоминаний участников революции по предприятиям. Предполагается давать ежемесячно в газету вкладной лист с воспоминаниями. Кроме этого, Екатеринославский Истпарт наметил некоторые меры для выяснения архивов гражданской войны, составления очерков по отдельным ведомствам и по экономической истории Екатеринославщины (через Статбюро и отделы Исполкомов).

В ближайшем будущем Истпарт приступает к учету и организации екатеринославских работников эпохи революции, как находящихся на месте, так и выехавших в другие города.

Предварительная обработка материалов будет лежать на обязанности Зав. Истпартком и секретаря. Все подходящее для печати будет отсылаться в Истпарт ЦК для «Летописи Революции». Для окончательной же подготовки и редактирования сборника по истории Октября на Екатеринославщине будет создана особая редакционная комиссия.

В плане выставки-музея, составленном под руководством Истпарта, надо отметить правильную постановку вопроса о задачах и методах этого нового типа пособия по изучению истории партии и революции.

Указывая на задачу музея, параллельно с работой Истпарта, собирать материалы по истории октябрьской борьбы, план продолжает: «Музей должен сделаться учреждением учебно-воспитательного характера, где бы не только рабочий массовик, но и учащийся наших партийных школ нашли бы материал, где бы красные уголки клубов получили все указания по построению уголков Ленина и истории партии.

Отсюда мы ставим себе задачей связаться со всеми клубами, привлечь руководителей красных уголков к работе по музею — проработка с ними отдельных периодов партработы, выполнение их силами диаграмм, подбор материала (т. е. развить «самодеятельность», коллективную работу музея и посетителей Е. А.), с другой стороны дать им материалы и указания по построению уголков при клубах.

«К подобной работе должны быть привлечены и партшколы, слушатели которых унесут полученный опыт и знания в села. Отсюда необходимость связи с групповодами и согласование их работы с музеем. Работу музея нужно дополнить чтением при нем лекций по истории партии и революции, привлекая квалифицированных лекторов, могущих помочь своими указаниями музею. И вообще

необходимо вокруг музея создать атмосферу общественности, поставить его под контроль партийных масс. Это даст более правильное построение музея, а широкой массе — более проработанный материал»¹⁾).

ХЕРСОНСКИЙ ИСПАРТ

Испарт организован 27/X 1925 г.

Средств нет, один платный работник (секретарь) содержался за счет Окрпарткома в надежде, что на него будут отпущены ассигнования, но так как Херсонскому Окрпарткому для работника Испарта средств не отпущено, то Испарту угрожает опасность лишиться и этого единственного работника.

За отчетный период, 2 мес., сделано следующее:

- 1) состоялось 5 заседаний коллегии;
- 2) взяты на учет старые большевики как в городе (52 ч.), так и на селе; (26 ч.), устроено 2 заседания;
- 3) проведено одно собрание участников и очевидцев революции 1905 г.;
- 4) установлена связь с членами партии, раньше работавшими в Херсонской организации, теперь выехавшими;
- 5) выделены райуполномоченные Испарта и организованы ячейки содействия Испарту;
- 6) собрано 30 воспоминаний, застенографировано 15 воспоминаний участников революции 1905 г.;
- 7) собраны разные материалы: листовки РСДРП 1906—1908 г. г. ряд обвинительных актов участников 1905 г. и др. дел и документов, фотографических снимков (136) и негативов (27) по 1905 г.;
- 8) выяснено наличие и состояние архивов сов. и проф. органов;
- 9) собрана небольшая библиотека.

В дальнейшем намечается, кроме собирания материалов (в частности документов гражданской войны, бандитизма и пр.), и разработки их: выпуск сборника «1905 год на Херсонщине» и подготовка сборника «Врангелевщина».

Отсутствие средств, гибель важнейших революционных архивов Херсонщины, неорганизованность окружного архива — служат тормозом в работе.

КРЕМЕНЧУГСКИЙ ИСПАРТ

Кременчугский Испарт, основанный 6/X 1925 г., имеющий одного платного технического работника, провел значительную подготовительную работу.

Заседаний коллегии было 6, где разбирались 14 вопросов, был выработан трехмесячный план. Работники подполья учтены, и разбиты на ряд секций: 1-я секция до 1903 г., 2-я — с 1903 г. по 1908 г., 3-я — с 1908 по 1917 г.,

* Желательно, чтобы и др. Испарты, при которых есть выставки, поставили в таком направлении работу, а также высказали свои соображения о методах музейной работы. В большинстве музеев пока нет «самодеятельности» посетителей, которая необходима. Е. А.

4-я — с 1917 г. до настоящего времени. В Брюкове была выделена для составления истории Брюковских жел.-дор. мастерских особая группа. По секциям организованы руководящие тройки. Наибольшую работу проделала 2-я секция, которая собирала и обрабатывала материалы по 1905 г. Остальные секции собирали материал, проверяли воспоминания и т. д. 4-ая не работала, так как все силы сосредоточивались на работе по 1905 г.

В ближайшем будущем работа 4-й секции выдвигается на первый план.

В связи с юбилеем 1905 г. Истпартом был устроен ряд вечеров воспоминаний, сфотографирован ряд исторических мест и групп участников движения. Часть архивных материалов (прокламации и т. п.), была добыта в б. Полтавском Жандармском Управлении, для чего в Полтаву был специально командирован товарищ.

Накоплен значительный материал для сборника, но за отсутствием редакционных сил и частью средств для издания он лежит без применения. Частично материал использован для статей и воспоминаний в местной газете «Наш Путь». Часть будет отослана в «Лет. Рев.».

К своей работе Истпарт привлек и местное отделение о-ва политкаторжан, группа членов которого активно помогает Истпарту в работе; так, активная помощь была оказана по празднованию юбилея 1905 г.

Работа по районам велась слабо, хотя рассылались циркуляры и указания. Уполномоченные выбраны не везде. Истпарт просил Окрпартком разослать соответственные указания.

Работа в коллегии Истпарта старых партийцев, участников революционного движения, делает Истпарт работоспособным, затруднение только со стороны материальной и редакционных сил.

На проведение юбилея Истпарт получил всего 200 руб. из Окрисполкома, из которых 100 руб. употреблено на юбилейные фотографии. Осталось всего 47 р. 18 коп., при чем поступлений на дальнейшие операционные расходы не предвидится.

НОВЫЕ ОКРИСТПАРТЫ

Из ряда округов письменно или с оказией поступают извещения об образовании Окристпартов, иногда со ссылкой на протокол Секретариата ЦК № 120, предлагающий обратить внимание на работу Истпартов. Кроме упомянутых в прошлом номере «Летописи Революции», получены сообщения об образовании Истпартотделов в Коростене, где работу решено сосредоточить при архиве ОВБ, за ответственностью т. Найдича, в Лубнах, где Истпартотдел основан с начала бюджетного года, и в Мелитополе, где после ряда перемен заведывание Истпартотделом поручено т. Андрееву, члену коллегии Окр. КК.

Там было несколько собраний с участниками 1905 г., собраны воспоминания.

К сожалению, в большинстве Истпартов заведывание поручается людям очень занятым, чаще всего членам Окр. КК, отчего работа не может развиваться, и только там, где при заведующем образуется коллегия из интересующихся товарищей, хоть и с трудом, но добываются кое-какие средства и дело развивается.

О работе музея революции СССР

(1925 год)

Музей революции СССР организован согласно постановления президиума ВУЦИК'а в марте месяце 1925 года из существовавшей до сих пор выставки Испарта ЦК КП(б)У. Эта выставка, организованная еще в 1922 году, ко дню пятилетия Октябрьской революции, несмотря на незначительность материалов, в ней представленных, уже тогда вызвала большой интерес, пользовалась популярностью и имела большое революционно-воспитательное значение. Последнее, а также непрерывное расширение и рост выставки выдвинули необходимость реорганизации ее в постоянный музей революции с соответствующей системой построения и оборудованием.

К моменту реорганизации выставка Испарта располагала штатом в 5 работников и годовой сметой в 6.960 руб. Всего было три отдела:

1. Народничество и первые рабочие кружки и с.-д. организации до конца 90-х годов.

2. Годы подготовки и революция 1905 г., кончая периодом реакции.

3. Период подъема, империалистическая война и февраль — октябрь 1917 г. Общая площадь, занимавшаяся выставкой, равнялась 35,82 квадрат. саж.

До лета с. г. выставка, несколько измененная в сторону расширения, существовала почти в прежнем своем виде, а за это время велась подготовительная работа по изысканию, подбору и разработке новых материалов, главным образом для юбилейной выставки 1905 года, и по приобретению соответствующих предметов оборудования музея.

С этой целью и для связи с другими музеями союза были проведены командировки в Москву, Ленинград, Киев и Екатеринослав, откуда было получено значительное количество экспонатов.

Нижеследующие цифры показывают насколько вырос экспонативный фонд музея, начиная с марта месяца по сие время.

Иллюстративный материал

Общее количество к марту 1925 г. (до организации музея) — 3.289 экземпляров. Общее количество в настоящее время — 8.435 экземпляров. Увеличение почти на 270%.

Печатный материал

Общее количество прокламаций и листовое до марта с. г. — 2.425 экземпляров. Увеличение на 20%.

Общее количество журналов разных изданий до марта с. г. — 546 экземпляров.

Общее количество в настоящее время — 1.575 экземпляров.

Увеличение на 300%.

Общее количество газет разных изданий до марта с. г. — 783 экземпляра.

Общее количество в настоящее время — 1.975 экземпляров.

Увеличение почти на 255%.

Точно так же быстро растет и фонд вещественных экспонатов, как знамена, оружие, печати подпольных организаций и т. д.

Общее количество указанных материалов — 118 штук.

В настоящее время музей революции располагает штатами в 14 работников и годовой сметой в 20.000 рублей.

Музей состоит из следующих отделов:

1. Народничество и первые рабочие кружки и с.-д. организации до конца 90-х годов.

2. Юбилейная выставка революции 1905 года, которая в свою очередь состоит из трех отделов:

а) предпосылки 1905 г. От 9-го января к октябрьской всероссийской забастовке.

б) октябрьская всероссийская забастовка.

в) от декабрьских вооруженных восстаний до V лондонского съезда РСДРП.

3. Период реакции, империалистическая война и Февральская революция 1917 года.

4. Октябрьская революция 1917 года.

5. Гражданская война на Украине.

Общая площадь, занимаемая музеем, равна 72,59 кв. саж.

По сравнению с прежней выставкой Истпарта увеличение на 200%.

При организации указанных отделов было обращено особое внимание на освещение исторических материалов, связанных с революционным движением на Украине.

Одновременно с организацией указанных отделов музея проведена работа по подбору и снабжению окружных музеев материалами для юбилейных выставок по 1905 году. Снабжены: Екатеринослав, Запорожье, Сталино, Николаев, Конопот и Житомир. Всего послано было 712 шт. экспонатов, главным образом связанных с историей 1905 года на Украине.

Кроме того проделана работа по подбору и редактированию серий диапозитивов по революции 1905 г., издаваемых ВУФКУ. Всего подобрано и сдано для издания 9 серий с общим количеством в 250 диапозитивов.

И, наконец, текущая экскурсионная работа и учетная классификация архивных материалов музея.

Революционно-воспитательное значение музея, интерес к нему, чем дальше растут все больше и больше.

Это видно в особенности по нижеуказанным цифрам посещаемости музея начиная с 1923 г. и кончая настоящим моментом.

За весь 1923 год выставку Истпарта посетило 7.464 человека.

За один месяц в среднем — 620 человек.

За 6 месяцев 1924 г. через выставку прошло почти столько же человек, сколько за весь 1923 г., т.-е. 7.435 чел.

За один месяц в среднем — 1239 чел.

За 7 месяцев 1925 г. музей посетило 598 организаций — 18.640 чел.

За один месяц в среднем — 2.663 чел.

И, наконец, за последние 17 дней декабря месяца в связи с открытием юбилейной выставки 1905 г. музей посетило 170 организаций — 10.086 чел.

В настоящее время за один воскресный день музей посещают столько же человек (900 — 1100), сколько в 1923 г. за 1½ месяца, а в 1924 г. почти за один месяц.

Если к этим цифрам прибавить еще целый ряд многочисленных записанных впечатлений посетителей о музее, то указанное выше значение его становится ясней. Эти записанные экскурсиями впечатления и замечания дают музею целый ряд указаний для исправления недостатков как организационного характера, так и в смысле выработки методологии проведения экскурсий, в смысле большего приноравливания к запросам партийных и рабочих масс.

Вот несколько выписок с сохранением их стиля.

Экскурсия курсантов Горпартшколы пишет: «Лучше можно проработать материал на выставке, чем по книге». «Я, жена рабочего, делегатка, вынесла хорошее впечатление и прошу коммунистическую партию побольше делать таких разъяснений».

Один рабочий пишет, что «вспоминая революцию 1905 года и этап, проходящий до 1917 года, здесь все видел как в зеркале...». «Музей это книга революции, которую может читать и безграмотный», пишет курсант. «Я крестьянин 49 лет посетил настоящий музей. Я понял, что мы были до сего времени попами затемнены и также империалистической властью и теперь только остается одно, как можно поспешить снабдить крестьян, тогда каждому из крестьян и мне жаль будет умереть при данной новой и светлой жизни».

«Прекрасное впечатление оставил нам музей революции. В этом есть много ценного для беспартийной рабочей массы, которая знакомится с теми товарищами, которые работали в подполье и которые добились того, что власть в рабочих руках. Писал как мог». (Рабочий ХПЗ). Другой рабочий пишет, что «стоит только пожелать, чтобы выставка все шире и шире охватывала слои рабочих и крестьян, а также молодежь, чтобы передать ей ту борьбу, которая была проведена».

Таких выписок можно было бы привести очень много, но все они говорят об одном и том же, подчеркивая большое революционно-воспитательное значение музея.

Г. СЛОБОДСКОЙ

К статье тов. Быструкова

В журнале «Летопись Революции» № 4 (13) за 1925 г. имеется статья «Революция на Городнянщине», где тов. Быструков, описывая Февральскую и Октябрьскую революции в Городнянском уезде, пропустил несколько важных моментов по Сновску, которые я, как участник революции в Сновске, хочу добавить.

8 марта 1917 года на собрании, созванном кадетами, у некоторых рабочих возникла мысль об организации Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. С этой целью было назначено общегородское собрание рабочих, а также послано приглашение в ближайшую В.-Щимельскую волость, откуда явились делегаты с протоколом общего собрания крестьян, что они примыкают к Сновскому Совдепу и дают своих двух представителей. 13 марта состоялось собрание, где и был избран Исполком в составе указанных т. Быструковым лиц.

Первой мыслью исполкома было захватить власть в городе, и с этой целью были избраны два члена исполкома (Горловский и Шитце) и посланы на заседание Комитета Общественной Безопасности с предложением принять их с правом решающего голоса, но комитет их не хотел принять, заявив, что они не народные избранники. Тогда я пошел на заседание Комитета и заявил, что мы имеем полномочие всего рабочего класса города и, если они с нами будут спорить, мы примем свои меры и возложим на них последствия. Наши делегаты были приняты, и на втором заседании т. Горловский, действуя по нашим директивам, потребовал удаления монархиста-судьи, упорно выселявшего рабочих из квартир, и предъявил некоторые другие требования. Произошел скандал, представители буржуазии разошлись, не желая с «солдатскими делегатами» (как они нас тогда именовали) иметь дело, и их председатель д-р Полтороцкий закрыл заседание и заявил, что он отказывается работать в комитете. Немедленно мы объявили по городу, что вся власть перешла к Совдепу, и предложили населению, под угрозой ареста, подчиниться только его распоряжениям, а Комитет Общественных Организаций объявили распущенным.

Вслед за этим исполком предложил железнодорожникам произвести нормальные выборы в Совдеп по модусу 1 от 50, а крестьянству В.-Щимельской волости по 1 от 200. В апреле уже работал Совдеп в составе более 60 человек, разделившись на секции, а исполком заседал ежедневно.

Празднование 1 мая 1917 г. заняло все внимание исполкома и, действительно, Сновск за все годы революции еще такого торжества не видал. Были приглашены ораторы из других городов (особенно понравился рабочим Сновска приехавший из Киева т. Бутяев), были также мобилизованы все местные силы, а для поддержания порядка была устроена цепь из 500 крестьян, которые, держась за руки, все время водили толпу по указанию руководителей, а когда я выразил сомнение, что толпа слишком велика, прорвут цепь — и порядку конец, делегат от крестьян заявил: «Дядьки не выдадут»... И действительно, такого энтузиазма, такого порядка при 7—8 тысячной толпе Сновск еще не видал.

Узнав, что ни в Городне, ни в Соснице еще нет Совдепов, Исполком послал одного товарища в Сосницы, а другого в Городню, которые собрали группы служащих б. царских учреждений и организовали Совдены; во главе Сосницкого стал крестьянский парень, т. Шелудько, впоследствии убитый войсками Центральной Рады, а Городнянский вскоре распустил сам себя, так что мне пришлось вскоре выехать в Городню, чтобы вторично создать Совдеп. Там уже мне пришлось попасть на заседание комитета по предоставлению отсрочек и наткнуться на такую картину: заседают все царские ставленники, кроме бежавшего исправника. Я тут же выразил от имени Совдепа протест и предложил запросить Генеральный Штаб. Возмущение присутствовавших не поддается описанию, со мной спорили часа три, но я все-таки настоял на своем, и заседание закрыли до получения директив из центра. Начавшаяся вскоре знаменитая мобилизация Керенского не застала нас врасплох и Исполком меня вторично откомандировал в Городнянское воинское присутствие, дав мне директивы сорвать работу комиссии. Это мне удалось. Доктор Богуславский, который никак не мог мириться с тем, что из тысячи человек принято 5, бросил свой халат, заявив председателю, что больше не придет, т. к. считает работу комиссии бесполезной.

Осенью 1917 г. Исполком решил ликвидировать крупную банду, приютившуюся в Тихоновских лесах. Для этой цели мы снеслись с Гомельским Совдепом, который нам отпустил 100 винтовок и 1 «Максима» и прислал еще 50 казаков, которых мы вскоре возвратили Гомелю, т. к. убедились, что они входят в контакт с бандитами. Лишь после Октябрьской революции мы получили от тов. Берзина сознательную конную сотню, при помощи которой банда была ликвидирована.

Приход немцев Сновские рабочие встретили очень радушно: было устроено крушение броневика, который подвергся сильному обстрелу, за что немцы потом по головке никого не погладили: произведено много арестов, а явившиеся через месяц гайдамацкие офицеры пороли и секли всех сочувствовавших к большевизму. Все ядро Совдепа было арестовано, часть была отправлена в Пинские болота, а часть в Городнянскую тюрьму, куда попали я, Горловский, В. Обуховский и др.

При падении гетманщины в тюрьме вспыхнул бунт, был убит старший надзиратель, стражу разоружили и мы, при наличии еще немцев и петлюровцев, собрали оставшихся членов Исполкома и организовали Ревком.

Дальнейшие события описаны тов. Быструковым (см. Л. Р. кн. № 4 (13))

Остановлюсь еще только на одном эпизоде.

В конце 1917 г., когда отряды т. Берзина наступали на Бахмач, а атаман куреня смерти Миклашевский хотел во что бы то ни стало взорвать железнодорожный мост, рабочие Сновского депо, безоружные, до прихода им на помощь нашего отряда отстояли мост. Когда этот самый Миклашевский обратился ко мне с требованием возврата вагона с пироксилином, иначе он пригрозил камень на камень не оставить в Сновске, я, желая во что бы то ни стало задержать его в Сновске до прихода отряда под командой т. Гудимовича, который был в 12 верстах от Сновска, попросил его в помещение комитета железнодорожников, где мы предложили возвратить ему вагон с пироксилином, если он даст подписку о пропуске из Бахмача отправленных нами двух вагонов муки. Наше предложение его очень оскорбило и он выхватил револьвер, желая одного из нас пристрелить, но бывшие тут рабочие депо его обезоружили, и он уже был в наших руках, но тут же явились его казаки, выручив его, и вместе побежали к телефону, где узнали, что отряд т. Гудимовича подходит к реке Снов (4 версты от Сновска). Открыв стрельбу, они прочистили себе дорогу к увезенному рабочими вагону, впрягли к нему паровоз, насильно посадили первого попавшегося машиниста и поехали, а им вслед приехали наши, и т. Гудимович сделал нам выговор, что при равном количественно отряде не могли задержать белогвардейцев. К сожалению, наш вооруженный отряд в нужную минуту оказался менее сознательным, чем невооруженные рабочие депо, фактически спасшие мост.

Х. НИКОЛАЕВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г.
НА ЖУРНАЛ

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ИСТПАРТА
ОТД. ЦК ВКП(Б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(Б)

Ответственный Редактор С. КАНАТЧИКОВ

В 1926 ГОДУ

№ 1 (48) ЖУРНАЛА «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ПОСВЯЩЕН ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА
И ЮБИЛЕЮ СТАРОЙ «ИСКРЫ»

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ БУДЕТ ПОМЕЩЕНО
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕПИСКИ Н. ЛЕНИНА И
Н. К. КРУПСКОЙ С МЕСТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ,
СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ ВОПРОСАМ:

I. Освещение спада революционной волны 1905 г.:

а) большевизм и меньшевизм
в эпоху разгрома революции;
б) партия и государственные
думы (I и II);

в) о разногласиях внутри большевиков по вопросам о выборах в третью думу (ленинизм, бойкотизм, отзовизм);
г) о ликвидаторстве.

II. Подготовка к десятилетнему юбилею Октябрьской революции:

а) статьи по организации советской власти в центре и на местах;
б) о формах классовой борьбы в первый период революции (партия и комитеты бедноты);

в) статьи, освещающие этапы гражданской войны; интервенция;
г) о переходе от военного коммунизма к нэпу.

III. Партия и проблемы рабоче-крестьянской революции и социалистического строительства.

IV. Статьи, освещающие рост и развитие национально-государственных образований СССР.

V. Статьи по текущим вопросам партийной политики, освещающие решения партийных съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП.

VI. Эпоха, партийного подполья до революции 1905 г., после революции до 1917 года и партийное подполье эпохи гражданской войны в местах, занятых белогвардейцами.

VII. Женское движение и движение молодежи.

VIII. Методологические статьи по вопросам изучения истории партии и революции.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год — 12 рубл., на полгода — 6 рубл., на три месяца — 3 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в секторе периодических и подписных изданий, Москва, Воздвиженка, 10/2, тел. 5—88—91; Ленинград, пр. 25-го Октября, 28, «Дом Книги», а также в конторах и уполномоченных периодсектора Госиздата.

